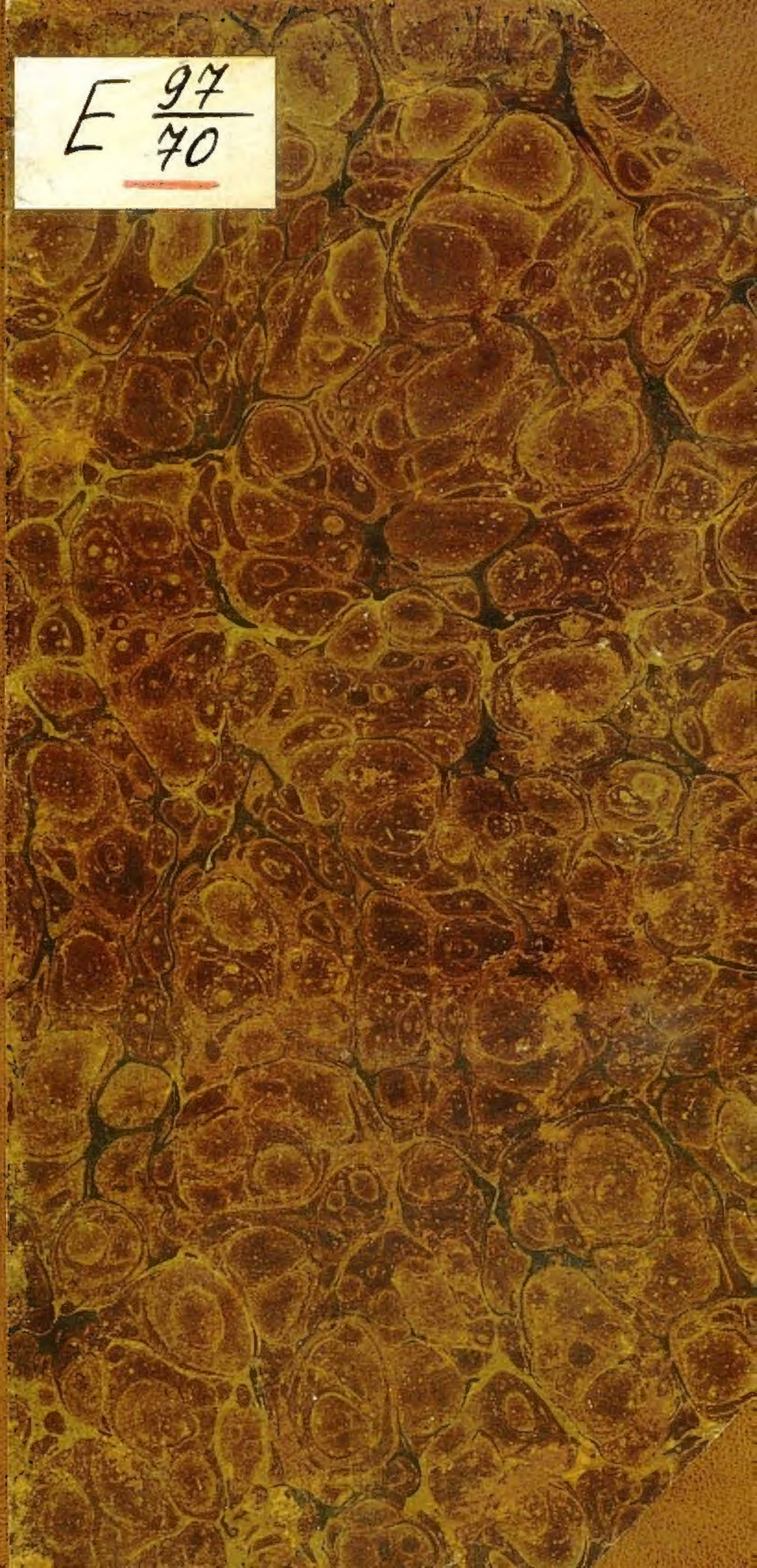

Книга
Крестьянина

НОВОЕ СОБРАНІЕ РУССКИХЪ АНЕКДОТОВЪ,

или

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ПЯТИ ЧАСТЯМЪ РУССКИХЪ АНЕКДОТОВЪ,

изданныхъ

Сергѣемъ Глинкою.

МОСКВА.
Въ Типографіи Семена Селивановскаго.
1829.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1828 года Генваря 14 дня. Въ должности Предсѣдателя Цензоръ *Сергѣй Аксаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ И СЛАВЫ РОССІЯНОКЪ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Воспоминаніе о добродѣтеляхъ есть лучшая дань, приносимая добродѣтели и славѣ.

И какъ не вспоминать о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя охраняютъ и колыбель младенца и дни отроческіе! Какъ не вспоминать о чувствованіяхъ супругъ и матерей! Нѣжная ихъ длань устилаетъ цвѣтами всѣ пути жизни нашей; сердечные ихъ взоры проясняютъ туманъ, не рѣдко наносимый заботами и горестями, неизбѣжными въ сей летящей жизни; душевныя слова ихъ придаютъ новыя прелести радости и вливаютъ новую жизнь въ сердце скорбное; дальновидная заботливость ихъ и нѣжная дружба отдаляютъ все горестное и сближаютъ съ будущими отрадами.

Жизнь летитъ съ быстротою молніи; но добродѣтели и слава, не раздѣльная съ ними, въ неизмѣнномъ существованіи своемъ переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ и все переживаютъ.

Сбылись въ наше время слова незабвеннаго Пѣснопѣвца: Россіянки дѣли-

жребію незабвенному. „По природному своему остроумію,“ говоритъ Екатерина Вторая въ Запискахъ своихъ касательно Россійской Исторіи: „Ольга убѣдилась въ превосходствѣ той Вѣры, или вѣстницы безсмертія, которая освѣтляетъ жизнь надеждою, сіяющею въ небесахъ, и соединеніемъ душъ и сердецъ подкрѣпляетъ на тернистыхъ путяхъ жизни. Душа ея отдалилась отъ праха земнаго и устремилась въ небеса. Многіе странствуютъ для любопытства, или желая видѣть разнообразную красоту природы, или блескъ Дворовъ великолѣпныхъ; Ольга отправилась въ Царьградъ, чтобы навсегда покориться смиренію. Тамъ сочеталась она душою съ Вѣрою и вѣчностью.“

Ольга была *Матерью-Наставницею;* но сынъ ея Святославъ родился во тьмѣ язычества: пагубныя привычки лѣтъ отроческихъ навсегда укоренились въ его сердцѣ. Тщетно убѣждала она его перейти отъ мрака ко свѣту; упорный сынъ, поработясь землѣ, какъ будто бы невидѣлъ небесъ.

Для мгновенныхъ странниковъ сего міра нѣтъ и не было совершеннаго счастія. Не услышала Ольга изъ устъ сына своего изреченія, ожидаемаго ея сердецмъ; на краю гроба не услышала она отъ Святослава: *И я Христіанинъ!*

„Но." говоритъ *Несторъ*: „какъ заря утренняя предшедствуетъ солнцу, такъ Ольга была предшедственницей свѣта въ областяхъ земли Руской. Подобно безмятежной лунѣ, сіяла она во мракѣ ночи: первая изъ Россіянокъ перешла она въ горнія селенія и проложила туда стези сынамъ Россіи."

Блистала красотою *Рогнеда;* но что значитъ красота безъ добродѣтели? Достойна она была слезъ въ печальной участи своей, когда отецъ и братья ея пали отъ мстительнаго меча Князя Владиміра, еще не Христіанина; но ревность все изстребила въ ея сердцѣ, неоживляемомъ Вѣрою, которая учитъ терпѣть и надѣяться. Современники *Рогнеды*, видѣвшіе, какъ быстро угасаетъ и красота и слава и все то, чѣмъ обольщаетъ насъ невѣрное счастіе земное, назвали ее *Гори-славою*. Часто, очень часто *горе* нераздѣльно со *славою*; но никогда любовь и надежда не отлучаются отъ Вѣры.

Такою славою ознаменовались имена трехъ дочерей Князя Ярослава: *Елисаветы, Анны* и *Анастасіи.*

Для Елисаветы, юный Норвежскій Принцъ Геральдъ отвергъ любовь Греческой Императрицы; для нее плавалъ онъ на быстрыхъ корабляхъ по морямъ дальнимъ; для нее пускался въ неизмѣримость Океана, за предѣлы земель оби-

таемыхъ. Воспоминаніе о Елисаветѣ вездѣ ему сопутствовало. Н. М. Карамзинъ весьма справедливо замѣчаетъ, что Елисавета не презирала Рыцаря своего; но она желала, чтобы имя его гремѣло повсемѣстно подвигами славы необычайной; она желала, чтобы и въ дальнихъ земляхъ и въ землѣ Руской сказали, *что женихъ достоинъ невѣсты.* Слава и постоянство увѣнчались любовью. Отъ брачныхъ алтарей юный Принцъ и счастливый супругъ поспѣшилъ въ Отечество и тамъ владѣлъ съ Елисаветою подъ именемъ Короля. Долго ожидалъ онъ дней блаженныхъ; быстро пролетали они: блеснули и угасли. Не стало Королевы Норвежской.

Престолъ Франціи украшался другою дочерью Князя Рускаго. Анна Ярославовна была супругою Короля Генриха *Перваго.* Хотя и полагаютъ, что во дни вдовства своего Анна возвратилась въ край родной и умерла въ странѣ отечественной; но въ бурю мятежа Французскаго отысканъ ея молитвенникъ.

Третія дочь Ярославова Анастасія дѣлила Престолъ съ Андреемъ, Королемъ *Венгерскимъ.* Приверженность къ Анастасіи привлекла нѣкоторыхъ Кіевскихъ уроженцевъ съ береговъ Днѣпра на берега Дуная. Сердце во слѣдъ за собою ведетъ сердца.

Нравственное воспитаніе учредилось въ Россіи подъ щитомъ Вѣры Евангельской. Въ Исторіи своей Татищевъ предполагаетъ, что *Анна*, дочь Всеволода, была у насъ первою основательницею училища для дѣвицъ. Въ мирномъ уединеніи, въ удаленіи отъ свѣта и въ сближеніи съ небесами, юныя Россіянки привыкли къ трудолюбію, которое отклоняетъ отъ праздности и мечтаній, волнующихъ воображеніе. Тамъ питали онѣ души свои подвигами милосердія и добродѣтели: тамъ помогали трудами рукъ своихъ бѣднымъ страдальцамъ. Истинная чувствительность живетъ благотвореніемъ.

Часто, весьма часто, къ несщастію нашего Отечества, Руские Князья поражали *Россію Россіей*. Въ сіи дни горестные великія Россіянки являлись въ видѣ *Ангеловъ-примирителей*. Сильно пораженъ былъ Владиміръ Мономахъ, когда коварство и насиліе лишили очей юнаго племянника его Васильку, за то, что онъ былъ достойнѣе другихъ наслаждаться и сіяніемъ солнца и присутствіемъ людей, любившихъ Князя за любовь его. Въ скорби душеной Владиміръ Мономахъ воскликнулъ: „Отъ раздоровъ нашихъ погибнетъ земля Руская; вторгнутся хищные иноплеменники; возстанутъ братья на братьевъ. Обнажимъ ме-

чи свои вЪ защиту невиннаго страдальца!"

Уже засверкали мечи булатные; вся Руская земля готова была возстать и двинуться по голосу Князя добродѣтельнаго. Является Анна, второя супруга Князя Всеволода. Уста ея вѣщаютЪ о мирѣ, и мечь выпадаетЪ изЪ рукЪ Князя Владиміра, но не отЪ страха, а отЪ жалости сердечной, и онЪ вЪ горкихЪ слезахЪ восклицаетЪ: „Отцы наши и дѣды берегли землю Рускую, а мы губимЪ ее и разоряемЪ!"

Добродѣтель, подобно солнцу, все радуетЪ и животворитЪ. Добродѣтель Анны разсѣяла грозную тучу, скоплявшуюся надЪ землею Рускою. Незабвенна немять *АнгеловЪ-примирителей* и вЪ лѣтописяхЪ и вЪ сердцахЪ!

За то и тѣнь подозрѣнія, навлекаемая на имя добродѣтели и невинности, почиталась ужаснѣйшимЪ оскорбленіемЪ. Вѣра смиряется передЪ БогомЪ, но никому не отдаетЪ той чести и той славы, которыя сЪ лица праха земнаго переходятЪ за блестящій сводЪ лазореваго неба. Слава РоссіянокЪ есть первое ихЪ украшеніе. Легкомысленный Князь ЯрославецЪ, смущаясь собственнымЪ неспокойствіемЪ своего сердца, отважился изгнать супругу свою, дочь *Мстислава*, названнаго *ВеликимЪ* за

добродѣтель. Отца уже не было въ томъ мірѣ, гдѣ часто страждетъ добродѣтель, но гдѣ и не всегда торжествуетъ насиліе. Дядя злополучной жертвы, *Владиміръ Мономахъ*, вступился за нее. Два раза отрекался отъ Престола и простилъ дерзновеннаго Ярославца, когда онъ покушался поколебать его Державу; но не могъ стерпѣть и не могъ простить оскорбленія, нанесеннаго невинности. Преклонность лѣтъ не охлаждаетъ жара сердца добродѣтельнаго. „Не потерплю,“ сказалъ Владиміръ: „не потерплю, чтобы передъ лицемъ земли Руской посрамлена была честь дочери моего брата и слава моей племянницы. И чѣмъ же станемъ дорожить, если не будемъ вступаться за славу невинности и добродѣтели?“ Грозно возсталъ и двинулся Владиміръ Мономахъ. Силенъ защитникъ невинности; робокъ и малодушенъ оскорбитель добродѣтели. Ярославецъ бѣжалъ изъ земли Руской. Прахъ Великаго Мстислава успокоился. Длань брата отдалила отъ могилы братней укоризну и нарѣканіе: слава его въ полномъ осталась блескѣ и снова ожила въ лицѣ брата, защитника и друга добродѣтели.

И въ вѣкахъ прошедшихъ Россіянки чувствовали разнообразныя красоты природы; и тогда радость сердечная все

освѣтляла, а скорбь сердечная все осѣняла мракомъ. Не всегда тогда болѣе живутъ сердцемъ, когда чаще о немъ говорятъ; и въ горести и въ радости сердце само собою изливается. Для предковъ нашихъ существовало то же ясное солнце, тотъ же свѣтлый мѣсяцъ, тѣ же источники журчащіе, тѣ же нѣжныя пѣсни соловья и тотъ же горестный стонъ горлицы. Знали они и разлуку и свиданіе: грустили, плакали въ разлукѣ и передавали чувствованія свои всему, что видѣли, всему, что касалось ихъ слуха. Дуновеніе вѣтра, теченіе рѣки казались имъ посредниками между ими и отсутствовавшими душевными ихъ друзьями. Примѣръ тому встрѣчаемъ въ Историческомъ и Стихотворческомъ повѣствованіи о походѣ и битвахъ Князя *Игоря Святославича.* Быстро перелетѣлъ онъ за славою туда, гдѣ еще не бывала нога Рускихъ; сильно сразился съ Половцами; былъ бы можетъ быть и побѣдителемъ, если бы жалость сердечная не заставила его поворотить полки на помощь милаго его брата *Всеволода.* Бились они два дни, а на третій при палящемъ знoѣ полуденномъ разстались на берегахъ быстрой рѣки *Каялы.* Игорь попался въ плѣнъ. Донеслась о томъ скорбная вѣсть къ супругѣ его *Ярославовнѣ.* Стонетъ она, какъ горли-

ца печальная, какѣ горлица осиротѣвшая и вопіетѣ:

„Скорбной горлицей, печальной
Сѣ родины я полечу;
Полечу стрѣлой вѣ край дальной, —
Тамѣ отраду получу,
Прилечу кѣ брегамѣ Дуная;
Горько плача и стоная,
Буду волны я просить:
„Слейтесь, слейтеся сѣ слезами!
Другѣ мой пораженѣ врагами;
Дайте раны мнѣ омыть!

„Вѣтрѣ! за чѣмѣ такѣ сильно вѣешь,
Для чего ты стрѣлы мчишь?
Ахѣ! ты храбрыхѣ не жалѣешь;
Милыхѣ сердцу ты разишь. . . .
Мало ль горѣ подѣ облаками?
Вѣй, носися надѣ морями;
Быстрыя суда лелѣй, . . .
Какѣ пустынное растѣнье,
Мчишь мое ты утѣшенье:
Нѣтѣ ужь радости моей!

„Величавый Днѣпрѣ и славный:
Горы тверды ты пробилѣ;
Ты свидѣтель былѣ недавный,
Какѣ тобой строй Руской плылѣ:
Принеси опять супруга,
Дай еще взглянуть на друга!

Съ ранней утренней зарей
Видишь ты мое здѣсь горе;
И съ собой уносишь въ море
Слезы скорби ты моей.

Солнце! ты для всѣхъ сіяешь
Весело, а я грущу;
Ты поля тѣ пожигаешь,
Гдѣ я милаго ищу.
Ты условилось съ врагами:
Жажду шлешь передъ полками;
Скорбь безводна ихъ томитъ;
Ты колчаны ихъ скрѣпило,
Ты ихъ стрѣлы изсушило;
Ихъ твой гнѣвъ — не врагъ разитъ.

Но уже Игорь исторгся изъ плѣна: вмѣстѣ съ нимъ возвратились къ нѣжной супругѣ и жизнь и радость. Снова въ очахъ ея разцвѣла природа.

Наступили дни грозные, дни небывалые въ землѣ Руской со времени ея существованія; наступило *второе нашествіе Татаръ* подъ предводительствомъ *Батыя*.

Быстро притекли къ стѣнамъ Владиміра безчислнные сонмы враговъ. Князь Юрій уже отправился съ мужественною дружиною на берега Вогли; отправился для смерти, а не для защиты. Что сдѣлаетъ горсть Рускихъ противъ несмѣт-

наго ополченія? Она падетъ съ оружіемъ въ рукахъ, падетъ со славою: такъ и сбылось.

Между тѣмъ столицу Княжескую объяла повсемѣстная погибель.

Беззащитная супруга Князя злополучнаго, съ горестнымъ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи пастыря церкви, спѣшитъ въ священный храмъ; спѣшитъ и удаляется въ верхніе терема, гдѣ въ счастливые дни жизни своей молилась за супруга, за дѣтей, за всѣхъ людей Рускихъ. Татары вламываются во внутренность храма. Матери и супругѣ предстоитъ смерть, если не покорится, и спасеніе жизни, если сойдетъ къ врагамъ съ семействомъ своимъ. Она видитъ смерть неминуемую, но видитъ и небеса. При буйственныхъ кликахъ поклонниковъ Алкорана, изъ глубины душевной возносится въ чертогъ вѣчности голосъ Вѣры, голосъ сперва причастныхъ, а потомъ молитвъ отходныхъ. За Вѣру, за добродѣтель, за славу земли Руской Россіянки вживѣ себя погребаютъ. Раздраженные враги зажгли храмъ ограбленный. Изъ пламени пожарнаго, изъ облаковъ густаго дыма, души праведницъ отлѣтели къ свѣтлымъ небесамъ, къ престолу Бога любви и милосердія.

На грудахъ тѣлъ великодушныхъ Россіянъ смерть повсюду ликовала; но

въ то же время вездѣ блистала и слава Россіянокъ.

Батый слышитъ о красотѣ *Евпраксіи*, Княгини Рязанской. Онъ спѣшитъ къ стѣнамъ Рязани. *Евпраксія* съ младенцемъ всходитъ на башню; она видитъ торжество враговъ и гибель сыновъ Россіи. Прижимаетъ младенца къ серцу, возводитъ взоры къ Творцу небесному и свергается съ башни.

Вскорѣ палъ подъ мечами враговъ Ростовскій Князь *Василій Константиновичъ*. Блисталъ онъ юностью, блисталъ всѣми прелестными качествами душевными. Седрце его силою любви покорило всѣ серца жителей области Ростовской: имъ они жили и безъ него жить не хотѣли. Татары предлагали ему и жизнь и владычество и все очарованіе мірское, чтобы онъ явилъ въ землѣ Руской примѣръ отрѣченія отъ Вѣры предковъ. „Богъ,“ отвѣчалъ онъ: „любилъ и миловалъ меня въ дни счастія моего; Онъ и въ дни скорбные меня не оставляетъ, — Онъ не отдаляетъ отъ Себя моего сердца: Имъ я жилъ, съ Нимъ и умру.“

Уже смертоносное оружіе сверкало надъ его главою, и вдругъ мыслямъ его представилась супруга его *Марія* и сыны ея Борисъ и Глѣбъ. „Боже!“ воскликнулъ онъ: „храни супругу мою и ея

сыновЪ!" Послѣднее напоминаніе о нѣжной супругѣ слилось съ послѣднимъ воздыханіемъ Князя Ростовскаго. Онъ увѣнчался славною смертію подъ тѣнію лѣса *Шерейскаго.* Одна жительница Ростовская отыскала бездыханное его тѣло (*). Супруга Князя великодушнаго и весь Ростовъ двинулись на встрѣчу страдальца. Онъ погребенъ подлѣ матери своей.

И такъ лучшею считали наградою, чтобы другъ и благопріятель народа, чтобы супругъ и отецъ примѣрный, чтобы сынъ нѣжный и во мракѣ могилы чувствовалъ присутствіе матери. Честь, воздаваемая праху матерей, есть торжество добродѣтелей общественныхъ.

Не рѣдко и въ участи безвѣстной обладали Россіянки добродѣтелями, способными украшать чреду блестящую. Ксенія, изъ дочерей церковнаго служителя, учинилась супругою Князя *Ярослава Тверскаго.* Предчувствіе сердечное не обмануло юнаго Князя: простая уроженка области Тверской водворила съ собой въ чертоги Княжескіе и нѣжность супружескую и попечительность материнскую и умъ, способный содѣлывать счастіе народа. Мудрою наставницею была она сына своего *Михаила* и заслужила сіе общіе одобреніе. *Княвв Ми-*

(*) Имя ея *Марія*

хаилЪ удостоился имѣть мать, которая во всемЪ предшествуетЪ ему своимЪ примѣромЪ. За вниманіе кЪ каждому изЪ людей РускихЪ и за благотвореніе кЪ страдальцамЪ наименовали ее *утѣшеніемЪ града, и всего Отечества надеждою и покровомЪ.*

Незабвенна также по добродѣтелямЪ своимЪ супруга Нижегородкаго Князя *Андрея Константиновича.* Душевною кротостію услаждала она всѣ заботы и попеченія супруга своего о счастіи народа; по смерти его отреклась отЪ міра подЪ именемЪ *Өеодоры.* СЪ супругомЪ сошли во гробЪ всѣ отрады ея жизни; но онЪ жилЪ еще по добродѣтелямЪ супруги своей. Всѣ прежнія сокровища роздала она бѣднымЪ, а сама рѣшилась питаться трудами рукЪ своихЪ. Сіе величественное самоотрѣченіе отЪ всего блеска земнаго есть живое предчувствіе безсмертія и новой жизни вЪ небесахЪ. КЪ нимЪ Ольга указала первый путь; кЪ нимЪ отЪ колыбели Россіянки ведутЪ дѣтей своихЪ. А предЪ жизнію наднебесною что значитЪ все очарованіе земное?—ПризракЪ, мелькающій среди бурь ненастныхЪ.

Во練 мракѣ порабощенія разорялось Отечество, но слава РоссіянокЪ не угасала. Около половины четырнадцатаго столѣтія и СмоленскЪ отЪ внутрен-

нихъ неустройствъ перешелъ въ руки Литовцевъ. Послѣдній его Князь *Юрій* удалился сперва въ Новгородъ, потомъ въ управленіе свое получилъ Торжокъ. Неразлучнымъ его сопутникомъ былъ Князь Семенъ Ивановичь *Вяземскій.* Пылкій Юрій плѣнился его супругою. Тщетны были всѣ его уловленія. Супругъ и супруга погибли для праха земнаго и увѣковѣчились вѣрностью и добродѣтелью. Юрій пережилъ и себя и всѣ отрады души невинной. Въ волненіи совѣсти бѣжалъ онъ въ *Орду;* но развратъ Ордынскій его не успокоилъ. Оттуда спѣшилъ онъ оживиться роднымъ воздухомъ: онъ прибылъ въ область Смоленскую. То же солнце сіяло тамъ, тѣми же прелестями цвѣла природа: но Юрій не узнавалъ уже ни себя, ни края отечественнаго. Гонимый самимъ собою, злополучный Князь пришелъ въ страну Рязанскую. Благочестивый пустынникъ *Петръ* принялъ Юрія, отвергшагося и отъ себя и отъ вселенной. Кроткимъ вѣщаніемъ Вѣры устремилъ онъ сердце его къ Небесамъ. Съ прахомъ вѣрныхъ супруговъ Юрій примирился разкаяніемъ: въ послѣдній часъ жизни, своей къ Богу и къ нимъ переносился онъ душею, истомленною страданіемъ.

Быстро проходитъ, быстро изчезаетъ все то, что мы называемъ тор-

жествомъ земнымъ. Гремѣлъ на полѣ *Задонскомъ* Князь *Димитрій*: казалось, что вся земля Руская ожила и возстала въ лицѣ его къ низверженію вѣковаго ига. Но Россія снова осталась въ цѣпяхъ, а Князь побѣдоносный палъ на одръ смертный. Умолкли клики радостные; слышанъ одинъ только стонъ супруги его *Евдокіи*. По словамъ лѣтописца, она проливала *огненныя слезы* и вопіяла „Для чего я тебя пережила? Уже взоръ твой не обращается ни на меня, ни на осиротѣлыхъ дѣтей. Мы зовемъ тебя, зовемъ съ рыданіемъ, а ты молчишь. Сомкнулись уста твои, оледенѣло твое сердце. Еще юность не отходила отъ насъ, еще старость не приближалась къ намъ, а ты сокрылся во мракѣ, и все въ очахъ моихъ померкло. У Престола Божіяго молись обо мнѣ; молись, чтобы та супруга, которая жила тобою, въ слѣдъ за тобою перешла бы и въ могилу. Горесть вдовства лютѣйшее бѣдствіе!“

Имя *Анастасіи*, дщери Романовыхъ и первой *Руской Царицы*, напоминаетъ всѣ тѣ прелестныя качества, которыя въ сердцѣ супруга поселяютъ новое бытіе. Тринадцать лѣтъ *Іоаннъ* и *Россія* счастливы были Анастасіей; тринадцать лѣтъ супругъ первой Царицы былъ и другомъ добродѣтели и отцемъ наро-

да. Не стало Анастасіи, не стало и прежняго Іоанна. Уже шумѣла буря отдаленная! Жителямъ Московскимъ не милы стали и жизнь и свѣтъ. Въ день погребенія Анастасіи, *нищіи*, по свидѣтельству лѣтописцевъ, не принимали *милостыни*.

Какъ сонъ изчезаетъ счастіе! дни безмятежные, дни мимоходные, подобно скоротечнымъ днямъ весеннимъ блеснутъ и угасаютъ.

Вступилъ на Престолъ Годуновъ для пагубы своего семейства. Но онъ не видѣлъ сей бѣды; онъ мечталъ только о возвышеніи рода своего. Властолюбецъ гналъ и истребить хотѣлъ съ лица земли всѣхъ родственниковъ Царицы Анастасіи. Добродѣтельнаго *Филарета Никитича* принудилъ онъ постричься; супругу его *Ксенію* сослалъ въ Заонежскіе *погосты* и ввергнулъ въ темницу на голодную смерть. Ксенія всегда жила Богомъ и для Бога: Богъ укрѣпилъ ея душу. Въ лицѣ Священника *Егорьевскаго погоста* (*) небесное Провидѣніе послало ей Ангела утѣшителя. Сей ревностный служитель Вѣры и человѣчества снабжалъ Ксенію пищею, и къ доставленію ей отрады, не щадя жизни, нѣсколько разъ провѣдывалъ о суп-

(*) Имя его: *Ермолай Герасимовъ.*

ругѣ ея въ предѣлахъ *Архангелвскихъ* и приносилъ радостную вѣсть, что онъ живъ еще для счастія ея и для счастія Россіи.

Не стало Годунова, и Ксенія переведена была въ Кострому въ обитель *Ипатскую.* Въ кельѣ уединенной въ присутствіи одного небеснаго Творца людей, воспитывала она юнаго сына Михаила и учила его не желать величія и жалѣть о гонителяхъ невинности.

Много видѣла Россія горя; видѣла она и трехлѣтнее междуцарствіе, когда Престолъ *вдовствовалъ*, а Отечество наше *сиротѣло.* Изчезли бури; увѣковѣчиличь Вѣра, вѣрность и добродѣтель: безъ нихъ все гибнетъ; ими все подкрѣпляется.

Не только по описаніямъ нашихъ Стихотворцевъ, но и сама истина подтверждаетъ, что Россіянки явили тогда зрѣлище безпримѣрное. Для существованія Россіи отрекались онѣ отъ имуществъ, отъ всѣхъ наслажденій жизни и оставались при одномъ украшеніи, все переживающемъ—при великодушныхъ пожертвованіяхъ. Общественному казнохранителю *Минину* отдали онѣ всѣ драгоцѣнности; въ дань Отечеству вели сыновъ своихъ. . .

„Какъ часть самихъ себя отъ персей отрывали,
„И трепетной рукой на брань благословляли.“

Дивны и непостижимы судьбы Провидѣнія! Мимо всѣхъ людей совершаетъ Оно опредѣленія свои. Очистилась Москва отъ враговъ, а *ласкатели лжи* не преставали разсѣявать недоумѣніе и въ войскѣ и въ народѣ. Но тщетно! Богъ опрѣделилъ увѣнчать смиреніе и дланью Своей вывесть юнаго *Михаила* изъ кельи безмятежной и посадить на Престолъ Державы Руской. Учредились постъ и молитва. Въ скорби сердечной Россія воззвала къ Творцу небесному, и силою Его всѣ души слились въ одну душу и всѣ умы въ одинъ умъ. Троицкій Келарь *Авраамъ Палицынъ* торжественно свидѣтельствуетъ, что въ избирательныхъ грамотахъ общее рукоприкладство утвердило имя *Михаила*, сына *Филарета* Никитича. Быстро напечатлѣлось имя сіе въ сердцахъ и возгласилось устами. Уже стекаются на мѣсто Лобное Рязанскій Архіепископъ *Ѳеодоритъ*, Троицкой обители Келарь *Палицынъ*, Новоспаскаго монастыря Архимандритъ *Іосифъ* и Бояринъ *Василій Петровичь Морозовъ*. Громогласно вопрошаютъ они: *Кого избрать Царемъ?* Мгновенно гремитъ кликъ единодушный: *Михаилъ Ѳеодоровичь да будетъ Царь и Государь Московскому Государству и всея Рускія Державы.*

Стогны Престольнаго града оглашались сими торжественными восклицаніями; а юный Михаилъ вмѣстѣ съ Матерью своей въ уединенной кельѣ горкія проливалъ слезы о незабвенномъ родителѣ, страдавшемъ тогда въ заточеніи въ области Польской.

Отецъ въ темницѣ, мать въ кельѣ, сынъ провозглашенъ Царемъ!.. И такъ повторимъ еще свидѣтельство *Авраамія Палицына*, что не людьми, но Богомъ избранъ былъ Михаилъ.

Духовные и мірскіе Послы изъ града Престольнаго отправляются въ *Кострому* умолять матерь Михаила, чтобы она отдала сына на царство. Они останавливаются въ селѣ Новоселкахъ, куда спѣшатъ *Градодержатели* и многочисленные сонмы народа.

Назавтра Архіепископъ *Ѳеодоритъ* со всѣмъ соборомъ облекся въ ризы; Бояринъ Ѳеодоръ Ивановичь *Шереметевъ* и всѣ его сопутники нарядились въ свѣтлыя Боярскія одежды. Куда направятъ они путь? Въ великолѣпные ли чертоги Царя сильнаго? Нѣтъ! къ безмолвной кельѣ обители *Ипатской*, къ юношѣ беззащитному, хранимому только матерью и Богомъ! Туда идутъ они и съ честными крестами и съ чудотворнымъ образомъ Пресвятыя Богородицы и съ другими священными иконами.

Уже Послы у устья рѣки *Костромы.* Тутъ присоединяется къ нимъ все Костромсоке духовенство въ торжественномъ облаченіи, съ крестами и иконами и въ сопровожденіи народа, и женъ и дѣтей, продолжаютъ путь съ Послами Московскими.

Двинулась Россія со всею святынею своею къ умоленію матери юнаго Михаила; и ни матери, ни сыну, ни страдальцу отцу, никому изъ нихъ и въ мысль не приходили ни Царство, ни власть, ни утѣшенія превратнаго міра.

Смиренно и съ одною Вѣрою Михаилъ и матерь его выходятъ на встрѣчу святыни Господней. Съ благоговѣніемъ принимаютъ они благословеніе и присоединяются къ народу богобоязненному. Въ священныхъ стѣнахъ храма, въ присудствіи Творца вселенной, Послы читаютъ избирательныя грамоты, наименовавтія Царемъ юнаго Михаила. Ужаснулась родительница его: она и слышатъ о томъ не хотѣла. „Не отдамъ на Престолъ сына моего," вѣщала она: „мы забыли и величіе и счастіе земное; мы привыкли къ бѣдствіямъ жизни проходящей. Не оставимъ мирной нашей кельи; не желаемъ вѣнца и Престола: наша отрада плакать и рыдать. Нѣтъ съ нами супруга и отца."

Много еще, по свидѣтельству очевидцевъ, возражала нѣжная мать и много проливала слезъ о томъ, что сынъ обреченъ царствовать. Истощивъ всѣ словесныя усилія, Архіепископъ *Ѳеодоритъ* взялъ чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, а Троицкій Келарь Авраамій Палицынъ поднялъ чудотворныя иконы Петра, Алексія и Іоны. Съ сими небесными знаменіями, представъ передъ матерью юнаго Михаила, боговдохновеннымъ голосомъ воскликнули: „Зрите, Благовѣрная и Великая Государыня Марфа Ивановна и Благовѣрный и благородный Государь Михаилъ Ѳеодоровичь! зрите, для чего шествовали съ нами въ дальній путь Пречестная и Чудотворная сія икона и Великіе Святители. Вамъ не льзя ослушаться сихъ ликовъ небесныхъ; творите повеленное вамъ отъ Бога: вы истинно Богомъ избраны; не раздражите Владыку всего сущаго.“

Слезно возрыдала провозглашенная Царица передъ образомъ Богоматери; взяла за руку сына и вѣщала передъ всѣмъ собраніемъ: *Се Тебѣ отъ Бога, Мати Пресвятая Богородица, и въ твои пречистыя руцѣ, Владычице, чадо мое предаю, и яко же хощеши, устрой ему полезная и всему православному Христіанству.*

Повинуясь одному Богу, великодушная мать отдала сына своего на подвигъ трудный—на Царство.

И сей юный воспитанникъ матери, по изрѣченію *Ломоносова:* выпрошенный слезами и рыданіемъ народа, принявъ вмѣстѣ съ вѣнцемъ тяжкое бремя поверженной Россіи, обновилъ и устроилъ Отечество.

Какое торжество для Матери-наставницы!

Вступилъ Михаилъ на Престолъ Рускаго Царства и вскорѣ узналъ неизбѣжную превратность того, что мы называемъ *земнымъ щастіемъ.* 1625 Года сочетался онъ бракомъ съ Марьей Владиміровной Долгорукою. Какъ заря утренняя, блеснула она на Престолѣ и сокрылась въ нѣдры могилы. Ни юность, ни красота, ни добродѣтели, ничто не защитило ее отъ ранней смерти. Но гробъ ея орошенъ былъ сердечными слезами: любовь къ ея добродѣтелямъ не хотѣла вѣрить, чтобы она оставила свѣтъ по произволу Провидѣнія.

Приступя ко второму браку, Михаилъ по влеченію сердца своего избралъ *Евдокію,* дочь бѣднаго Можайскаго, или, по сказанію другихъ, Мосальскаго Дворянина. Евдокія по крайнему неимуществу воспитывалась у богатой родствен-

ницы, льстившейся достичь того, о чемъ скромная питомица и помышлять не смѣла. Всѣ дѣвицы, а вмѣстѣ съ ними и высокомѣрная родственница устремилась къ цѣлованію руки нареченной Царицы, которая и сама ихъ цѣловала. Смущенная родственница повергласъ на колѣни и воскликнула: „Государыня! не попомни о моей къ тебѣ *исласкѣ;* прости меня ради Бога!“ Евдокія, проливая слезы, низменно поклонилась родственницѣ и отвѣчала: „И меня прости, если я чѣмъ-нибудь тебя прогнѣвала: а тебя пусть Богъ проститъ!“

Отецъ Евдокіи, Лукіянъ Степановичь *Стрѣшневъ*, услыша подъ кровомъ соломеннымъ вѣсть о избраніи въ Царицы дочери его, преклонилъ колѣна передъ образами Божіими и съ душевнымъ умиленіемъ произнесъ сіи слова: *Боже! Ты сотворяешь все по волѣ Своей!*

Никогда, никогда въ Отечествѣ нашемъ не узаконяли ненависти къ уроженцамъ странъ чужихъ; Вѣра поручала ихъ всегда и Князьямъ и Боярамъ и всѣмъ людямъ Рускимъ, какъ братій и гостей. И не всѣ ли мы *гости* на прахѣ земномъ; не всѣ ли мы странники скоротечные на родинѣ и на чужбинѣ? Да и за что намъ не любить, за что ненавидѣть другъ друга? Жизнь есть *мгновен-*

ный даръ Небесъ (*): едва ли и для любви достанетъ времени! . . .

Въ неотвратимыхъ бѣдствіяхъ войны Россіянки не только обращали вниманіе на своихъ раненыхъ, но и на иноземцевъ раненыхъ и плѣнныхъ. Первая супруга Царя Алексѣя Михайловича, Царица *Марія Ильинична*, изъ рода *Милославскихъ,* препоручила Ѳеодору *Ртищеву*, бывшему наставникомъ Царевича Алексѣя, дары для вспомоществованія страждущему человѣчеству отъ грома и силы оружія. „Для лѣченія больныхъ иноземцевъ, для вспомоществованія имъ одеждою и пищею," говоритъ лѣтопись: „Ртищевъ творилъ подаяніе отъ казны Царской, имѣя на то серебро, врученное ему отъ благочестивыя Царицы и Великія Княгини Марьи Ильиничны."

При имени Царицы Наталіи Кириловны воспоминаемъ имя *Матери Рускаго народа*, имя, данное ей общею любовью сердечною.

Бѣденъ былъ состояніемъ отецъ ея Кириллъ Полуехтовичь Нарышкинъ, но богаче былъ вельможъ сановитыхъ несравненнымъ даромъ небеснымъ: дружбою Бояріне Артамона Сергѣивича Мат-

---

(*) Державинъ.

вѣева, близкаго къ Царю Алексѣю Михайловичу и по зазлугамъ и по сердцу. Съ Бояриномъ Матвѣевымъ дружба перешла въ чертоги Царскіе.

Дружба въ лицѣ Царя Рускаго *запросто* посѣщала домъ Матвѣева. Тамъ увидѣлъ онъ *Наталію*, воспитанницу благодѣтельнаго Боярина, увидѣлъ ее въ невинности жизни семейственной и отдалъ ей свое сердце: а Наталія, хранимая Небесами, дала Россіи Петра, Перваго и именемъ и дѣлами.

Съ нѣжнымъ супругомъ сокрылись въ гробъ всѣ прежнія радости Натали; но Богъ, покровитель вдовъ и сиротъ, послалъ ей новое бытіе въ благотвореніи и въ попеченіяхъ о сынѣ.

„Царица наша,“ говорили жители престольнаго града: „не для себя живетъ, но для бѣдныхъ, для страдальцевъ. Болѣе насъ трудится она: темная ночь застаетъ ее за работою; шьетъ она собственными руками одежды и разноситъ ихъ по темницамъ. Сама, какъ Ангелъ Божій, посѣщаетъ и заключенныхъ и больныхъ страдальцевъ: она родная мать всѣхъ бѣдныхъ; она *мать Рускаго народа*.

Такъ говорили свидѣтели добродѣтелей Наталіи; тоже самое и потомство повторяетъ. Не за одно, за

всѣ столѣтія переносится голосъ любви и благодарности.

Отъ начала бытія сего міра добродѣтель въ борьбѣ со злобою человѣческою. Неукротимая зависть грозно возстала и на Царицу Наталію. Гибли въ очахъ ея родные братья: смерть въ присудствіи ея приступала къ отроку Петру. На истребленіи ея дома гордая и высокомѣрная *Софія* домогалась утвердить владычество свое.

Дивное явилъ Богъ зрѣлище и небываемое во вселенной! Не сонмы тѣлохранителей послалъ Онъ къ оборонѣ Наталіи: Онъ послалъ къ защитѣ матери десятилѣтняго ея сына. И сей отрокъ, оберегаемый Провидѣніемъ для изумленія всѣхъ странъ земныхъ, однимъ взоромъ, онимъ реченіемъ устъ своихъ разсѣявалъ неистовыя толпы убійцъ, и какъ посланникъ небесный, осѣнялъ матерь свою щитомъ непобѣдимымъ. Силою любви материнской, внушенной Богомъ, крѣпилась Наталія подъ шумомъ свирѣпыхъ бурь; силою любви небесной вдохновенной Небесами, укрѣплялся Петръ противъ злоумышленій, угрожавшихъ нѣжной матери. Съ сообразностью сихъ событій осталось у насъ безпримѣрное свидѣтельство и единственное въ лѣтописяхъ материнской и сыновней любви. „Въ попеченіяхъ о сынѣ,“ говоритъ зна-

менитый *Феофанъ*: „Наталія забывала Царя, а помнила только сына; въ покорности и заботахъ о матери Петръ забывалъ санъ Царскій и помнилъ только, что онъ сынъ Наталіи.“

Не въ блистательной родилась участи Наталія, мать Петра Перваго; не въ блистательной участи узрѣла свѣтъ и Екатерина Первая, супруга Петра Великаго. Въ жизни сего Государя все было необычайно. Мать охраняла отрочество его; супруга услаждала всѣ волненія душевныя его скорби. Сердце Екатерины понимало сердце Петра; душа ея умѣла уравниваться съ его душею. Съ нимъ была она въ походахъ дальнихъ, съ нимъ дѣлила опасности грозныхъ битвъ; для него готова была жертвовать и спокойствіемъ и жизнію. „Никакое витійство,“ говоритъ *Ѳеофанъ*, „не могло столь сильно одушевлять воиновъ, сколь оживлялъ ихъ примѣръ Екатерины. Ей сладостны были труды для Петра и для Россіи.“ Умъ ея, воспламененный любовью къ супругу и усердіемъ къ славѣ Россіи, подалъ Герою Полтавскому мудрый совѣтъ, извлекшій его изъ обстоятельствъ, которыя самъ Петръ сравнивалъ съ обтоятельствами, постигшими *Карла* Двенадцатаго подъ Полтавою.

Не стало Петра; но душа его неразлучна была съ душею Екатерины. Во

дни *стенанія* и *воздыханія* своего она все то исполняла, что началъ Петръ, и все то старалась совершить, что преждевременная кончина не допустила его привесть къ окончанію. Словомъ, продолжаетъ Ѳеофанъ, *не познало Россійское оружіе женской руки, и не ощутило море Петровой смерти.*

Но безъ благости душевной и слава мужества и величіе духа удивляютъ умъ, а не привлекаютъ сердецъ. Екатерина и при Петрѣ и послѣ него всегда простирала руку помощи и вдовамъ и сиротамъ и всѣмъ, кому нужна была благодѣтельная ея подпора.

Вѣнцемъ душевныхъ качествъ Екатерины Первой было то, что среди многочисленнаго Царскаго семейства, она, и какъ *невѣстка* и какъ *тетка* и какъ *бабка,* соединяла всѣ сердца съ своимъ сердцемъ и по праву дѣяній своихъ заслужила наименованіе *общей матери Царскаго семейства.*

Царствованіе Петра Втораго и начало царствованія Анны Іоановны было зрѣлищемъ быстрой превратности жребія человѣческаго. Менщиковъ, сотрудникъ, другъ и товарищъ Петра Великаго, палъ съ высоты исполинскаго величія, палъ какъ будто бы для того, чтобы къ славѣ гремящихъ побѣдъ прибавить славу непоколебимой покорности къ судь-

бамъ Провидѣнія. Въ первыя мгновенія его паденія, Наталія, супруга его, изъ рода Арсеньевыхъ, поспѣшила въ чертоги; но соперники Менщикова , заградившіе отъ него сердце юнаго Императора, заградили и супругѣ его входъ во дворецъ. Не оставила она супруга, всѣми оставленнаго. Не устрашилась, когда одежды царедворческія должна была обмѣнять на одежды крестьянскія; съ состраданіемъ сердечнымъ смотрѣла на юную дочь, недавно обреченную Императору и потомъ перешедшую на простую повозку. Но Вѣра и чувствованіе любви супружеской все побѣждали. Она желала только быть съ супругомъ и дѣлить съ нимъ все, чѣмъ угодно было испытывать ихъ непостижимому Провидѣнію небесному. Съ мужествомъ услышала она приговоръ о вѣчной ссылкѣ въ Сибирь на отдаленные *острова Березовы.* Ссылка и пустыня не ужасали ее: взоры душевные вездѣ могутъ обращаться къ Богу; сердце вездѣ можетъ стремиться къ Творцу любви и милосердія. Вѣра и надежда и мракъ темницы превращаютъ въ обитель небесную; безъ Вѣры и надежды, и при сіяніи всего украшенія небеснаго, все въ мракѣ все во мглѣ; Вѣра освѣтляетъ вселенную.

Но силамъ человѣческимъ положенъ предѣлъ. Наталья Меньщикова скончалась въ трехъ стахъ верстахъ отъ Мо-

сквы. Вѣ послѣдния мгновения жизни, прощаясь съ супругомъ, она вѣщала ему: *забудь гонения враговъ!* Прощаясь съ нареченною невѣстою юнаго Петра Втораго, она сказала ей: „Богъ не опредѣлилъ тебѣ быть Императрицей; но ты можешь утѣшать отца: живи для него и молись обо мнѣ Богу."

Новыя превратности постигли соперниковъ Менщикова, едва только взглянувшихъ на возвышение свое. Не стало Петра Втораго, угасла радостная надежда Россиянъ, а вмѣстѣ съ нею угасло и счастие Долгорукихъ. Юному любимцу его Князю Ивану Михайловичу *Долгорукову* обручена была Наталия Борисовна, дочь знаменитаго Бориса Петровича *Шереметева*; не наименую гонителя ея. Наталия вѣ Запискахъ своихъ говоритъ: „Я воспоминаю горе свое, а никого не хочу обличать." Императрица Анна Иоановна предлагала ей и другаго жениха и милость; но новымъ любимцамъ счастия предпочла она изгнанника, а блеску Двора и всѣмъ очарованиямъ свѣта предпочла ссылку и бѣдность. „Во имя Бога и Вѣры," сказала она, „обрекла я одному руку и сердце; никогда не отдамъ ихъ другому." Для друга и съ милымъ другомъ рада она была жить и вѣ Сибири и на краю свѣта и вездѣ, гдѣ только могла его видѣть, могла слы-

шать его голосъ и вмѣстѣ съ нимъ плакать. Люди и вселенная изчезли для нее. „*Самъ Богъ*," говоритъ она въ Запискахъ своихъ: „*выдавалъ меня за мужъ, а болше никто.*"

Нѣжная супруга не мечтала о счастіи: лучемъ быстротечнымъ промелькало оно въ глазахъ ея. „Завидуютъ знатнымъ," пишетъ она въ горестныхъ своихъ воспоминаніяхъ, „а не знаютъ ихъ участи злополучной. Двадцать только видѣла я радостныхъ или благополучныхъ дней." Ей сладостно было страдать съ супругомъ и дѣлить съ нимъ страданія; ей сладостно было знать и чувствовать, что страдаетъ для него; ей сладостно было вспоминать, что все въ жертву принесла другу своему, даже —и надежду на счастіе. На островахъ *Березовыхъ* разлучена была сія чета, единственная въ лѣтописяхъ нѣжности и любви. Съ двумя младенцами осталась безпримѣрно злополучная супруга и мать; и она даже не знала, что другъ ея съ лобнаго мѣста перешелъ за предѣлъ жизни—туда, гдѣ ожидаетъ награда чистую и святую любовь супружескую. Извѣстилась она о томъ, когда миновалась ея ссылка, при вступленіи на Престолъ Императрицы Елисаветы. Въ чертахъ лица ея цвѣли еще прелести природныя, украшенныя величіемъ доброд-

тели. Снова предлагали ей все то, что обольщаетъ и увлекаетъ въ свѣтѣ блестящемъ; но Наталія не жила уже на землѣ, не жила для свѣта: къ супругу переселилась она за предѣлъ міра; съ нимъ неразлучна была мыслію, сердцемъ и всѣмъ бытіемъ души своей. Для него единственно занималась воспитаніемъ двухъ сыновъ своихъ; и оконча подвигъ матери, для нераздѣльнаго воспоминанія о единственномъ другѣ, оставила ихъ въ буряхъ того свѣта, гдѣ очамъ ея одинъ разъ въ жизни представлялся призракъ *двадцати-дневнаго* счастія! Для супруга—отреклась Наталія отъ вселенной; для Бога—отреклась даже и отъ воспоминаній о другѣ.

Уже она переселилась на вершины горъ Кіевскихъ, уже обрекла себя Богу; память о другѣ и отреченіе отъ него, раздѣлялись теченіемъ одной ночи. Богу самому сознавалась нѣкогда Наталія, что *Онъ далъ ей знать такого человѣка, который стоилъ, чтобы за любовь его жизнію заплатила.* И завтра должна забыть того, кто былъ для нее милѣе собственной жизни—завтра!... Быстро сняла она съ руки перстень обручальный, взглянула на небо, повергла въ Днѣпръ сей задушевный залогъ и воскликнула: „Волны быстраго Днѣпра! унесите съ собою въ море залогъ вѣрности и любви

къ другу и супругу моему! Въ послѣдній разъ произношу его имя."

Грозныя шумѣли бури при Аннѣ, но не отъ нее: Дщерь *Іоанна*, который по словесному завѣщанію отца своего уступилъ старшинство брату своему Петру, обладала добрымъ сердцемъ. Скорбь о невинномъ страдальцѣ истомила ее смертельнымъ уныніемъ: въ сердцѣ безчувственномъ не можетъ обитать такая скорбь.

Первые дни царствованія Елисаветы убѣдили снова въ мечтѣ и недальновидности честолюбія. „Судьба," говоритъ Князь *Шаховской* въ Запискахъ своихъ: „какъ будто бы нарочно избрала меня, чтобы я еще разительнѣе видѣлъ, какъ падаютъ люди, одаренные превосходными способностями и занимавшіе блистательныя степени Государственныя.

Пали Графы *Головкинъ* и *Остерманъ*; палъ *Минихъ*—сей Герой, съ которымъ Руские взлетали на укрѣпленія *Перекопскія*, котораго въ битвѣ *Ставучинской* Руские воины назвали *Соколомъ*, который первый научилъ бить Оттоманцевъ *кареями*. На полѣ битвъ онъ самъ дѣйствовалъ; въ политикѣ имъ управляли. Онъ не устоялъ. По препорученію новой Императрицы, Князь Шаховской спросилъ у супругъ вельможъ,

назначенныхъ въ ссылку: желаютъ ли онѣ ихъ сопровождать? Онѣ отвѣчали: *охотно слѣдуемъ за нашими мужьями.*

Графиня *Головкина,* блиставшая и красотою и умомъ, сопровождала супруга, страдавшаго тогда и тѣломъ и душою. Всѣ прежнія веселія промѣняла она на скорбь съ супругомъ.

Сильно поражена была Графиня Минихъ въ душѣ своей, но лице ея было спокойно. Она была въ дорожномъ платьѣ и держала въ рукѣ чайникъ съ приборомъ. Словомъ, прибавляетъ Князь Шаховской: *она какъ будто бы въ желаемый путь собираласъ.* Первое желаніе нѣжной супруги—дѣлить съ супругомъ и дни радостные и дни ненастные.

Минихъ и въ мракѣ темничномъ подкрѣпилъ славу свою. Съ набожнымъ умиленіемъ, поднявъ руки и возведя взоры къ небу, онъ громко воскликнулъ: „Боже! благослови Ея Величество и государствованіе Ея!"

Сбылось желаніе Героя.

Вступила Елисавета на престолъ Великаго отца своего Петра Перваго и возвѣстила: „Не хочу побѣдъ, покупаемыхъ кровію человѣческой: не промѣняюсь счастіемъ Россіянъ на всѣ страны вселенной."

Миролюбіе Императрицы Елисаветы подтверждается письмомъ Французс-

каго Короля Людовика XV. Елисавета предложила себя посредницею между воевавшими Державами; Людовикъ между прочимъ писалъ къ ней:

„Съ восторгомъ вижу, что Монархиня, къ которой привыкъ я питать особенное уваженіе, желаетъ быть благотворительницею народовъ. Цари могутъ домогаться той только славы, чтобы содѣлывать счастливыми своихъ подданныхъ: и Вы, Государыня! Вы доставите счастіе и Царямъ и ихъ народамъ; а подданные Вашего Величества, видя, что Вы дѣлаете для счастія другихъ народовъ, почувствуютъ къ Вамъ, если только то возможно, еще болѣе благоговѣнія. Ваше царствованіе еще болѣе превознесется, когда общія хвалы Европейскихъ Державъ усугубятъ благословенія, воздаваемыя Вамъ въ Вашей Державѣ.“

И такъ Елисавета, съ полною увѣренностію въ правотѣ своей, могла вѣщать къ Богу сіи слова:

„Меня оставленну судьбою
Ты крѣпкою возвелъ рукою
И на Престолъ посадилъ.
Шеснадцать лѣтъ нося Порфиру,
Европу я склоняла къ миру.“

Подъ Державою кроткой Елисаветы цвѣла природа, цвѣла словесность и утвердились науки.

Въ устахъ ея было всегда *прощеніе*, а въ сердцѣ *Богъ*.

Путешествіе Ея по счастливымъ областямъ Россіи Ломоносовъ изображаетъ въ сихъ стихахъ:

Въ пути, которымъ пролетаешь
Какъ быстрый въ высотѣ орелъ,
Куда свой взлядъ ни обращаешь,
По множеству градовъ и селъ,
Отъ всѣхъ къ тебѣ простерты взоры,
Тобой всѣхъ полны разговоры.
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ.
Дитя родившихъ вопрошаетъ:
Не та ли здѣсь на насъ взираетъ,
Кого всѣ матерью зовутъ?"

Тотъ же Пѣснопѣвецъ, по случаю путешествія Елисаветы, сказалъ:

„Отсутствуя—ты будешь съ нами!"

Не стало Елисаветы; но напоминаніе о той Царицѣ, которой *душа была зефира тише*—напоминаніе о ней живетъ въ сердцахъ.

Не умираютъ слава, добродѣтель и любовь къ народу. Не стало и Екатерины Второй; но она, перешедъ и за предѣлъ гроба, присутствовала въ Отечествѣ. Сынъ ея Павелъ Первый, къ безсмертнымъ ея подвигамъ прибавилъ подвигъ великодушнаго желателя избавленія Царствъ Европейскихъ: слава ея въ новомъ еще блескѣ возсіяла въ дѣяніяхъ

Внука ея АЛЕКСАНДРА Перваго. Всѣ благодѣтельныя ея намѣренія, все рвеніе ея къ облегченію жребія страждущаго человѣчества вполнѣ ознаменовались въ лицѣ двухъ Ангеловъ благотворенія: въ лицѣ Императрицъ ЕЛИСАВЕТЫ и МАРІИ; и сіе поприще милосердія часъ отъ часу распространяется.

Имя Екатерины Второй гремѣло повсемѣстно. Встрѣчало оно любовь, встрѣчало и непріязнь: въ удѣлъ земнороднымъ не досталась безпристрастная справедливость.

Я пишу не Исторію Политическую, но предлагаю одно начертаніе славы, основанной на любви и милосердіи;—одно изображеніе добродѣтелей, которыя переживаютъ всѣ измѣненія политическія и переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ къ отрадѣ и утѣшенію человечества.

Благость и любовь къ народу были душевною жизнію Екатерины Второй. Современный ей Пѣснопѣвецъ, очевидецъ ея благости, сказалъ:

„Ты прежде Трона, Тронъ любовью создала."

Никого Екатерина на желала устрашать. „Европа," писала она къ *Циммерману*: „напрасно меня страшится."

Вскорѣ узнали, что Европа должна была самой себя страшиться.

Мудрость Екатерины извѣстна была только тѣмъ, которые, по изреченію

Державина: *умѣли взвѣшивать силу Росса и духъ Екатерины.* Любовь ея всѣмъ была видна.

Необычайныя событія оправдали дальновидность Екатерины.

Краснорѣчивый Историкъ *Рюлверъ* получалъ жалованье, чтобы писать противъ Екатерины; но и онъ признавался, что Фридрихъ Второй уважалъ правленіе Россійской Государыни. „Фридрихъ," говоритъ онъ: „смотрѣвшій равнодушно на политику, волновавшую Дворы Европейскіе, неусыпно старался постигать намѣренія Екатерины и вмѣнялъ себѣ въ достоинство угождать ей (*)."

Екатеринѣ предлагали наименованія *Великой, Мудрой* и *Матери Отечества. Мудрость* предоставила она Богу, *величіе дѣлъ* отдала на судъ потомства; по чувствію сердечному приняла названіе *матери.*

Она желала быть любимой, и современники именовали ее: *одушевленнымъ милосердіемъ.*

Съ именемъ Небесъ и съ именемъ Екатерины, Рускіе воины бросали молніи въ Стамбулъ и буйный Крымъ.

Въ войну на Балтійскомъ морѣ, именемъ ея спасался непріятель изъ волнъ пучины.

(*) Часть 2, стр. 164 и 166.

„Изъ волнъ зовутъ къ Екатеринѣ,
Спасаясь именемъ ея."

Подобно солнцу, сіяющему на лазурномъ сводѣ неба, разливала она радость воззрѣніемъ кроткихъ очей своихъ.

„Ея возрѣнье—смертнымъ радость,
Улыбка—жизнь! . . ."

Она безсмертна любовью къ Россіи. Она безсмертна вѣщаніями благости и и любви,—вѣщаніями, не произнесенными до нея устами ниодного изъ Владыкъ земныхъ. Она просила Бога не пережить счастія своего народа.

Вскорѣ послѣ Государя Павла Перваго, угасла на зарѣ прелестной жизни дщерь его Александра Павловна. Слава Россіянъ, гремѣвшая на долинахъ Италіи и на вершинахъ горъ Альпійскихъ, современна ея бракосочетанію и отъѣзду изъ Отечества Ею скрѣплялся союзъ Россіи съ областями Германскими. Но что можетъ оградить отъ смерти неумолимой? Ни слава, ни очаровательныя надежды человѣческія, ни превосходныя качества души и ума. Всѣмъ надѣлена была дщерь Павла и Маріи, всѣмъ—кромѣ обороны отъ смерти. Но нѣдра хладной могилы не скрыли души Ангела Вѣнценоснаго. Она жива напоминаніями любви и приверженности сердечной. Въ мгновенное пребываніе свое въ предѣлахъ *Венгріи,* Александра Павловна умѣла по-

корить всѣ души, всѣ сердца. Когда снова возгорѣлась война съ Франціею, домогавшейся воздвигнуть владычество древняго Рима, тогда слышали воины Рускіе изъ устъ жителей Венгріи сіи слова незабвенныя: „Мы лишились доброй своей Государыни! Мы никогда ее не забудемъ; она была матерью народа. Никто при ней не почиталъ себя нещастнымъ. Вдовицамъ и сиротамъ была она вторымъ Провидѣніемъ. Для чего мы ее видѣли; для чего мы ее узнали; для чего она насъ такъ скоро оставила? Небеса отозвали ее отъ насъ!‟

Между тѣмъ на двухъ отдаленныхъ краяхъ Европы представлялось зрѣлище, необычайное во вселенной. Уже счастливый воинъ, Наполеонъ, вступилъ на степень Перваго Консула, и вскорѣ потомъ на чреду Консула пожизненнаго. Великолѣпіе новаго Двора затмило прежній Дворъ Франціи. Родные его, изъ праха возникшіе, ничтожество свое облекли пышностью непомѣрною. Роскошь и великолѣпіе поселились въ чертогахъ, захваченныхъ властолюбіемъ.

Въ самое то время, на берегахъ Невы въ древнихъ Царскихъ чертогахъ, обитали скромность, умѣренность и всѣ добродѣтели, украшающія общества и Державы. 1802 г. уже Бонапартъ посягалъ на обладаніе вселенной, а Само-

держецъ Россіи въ томъ самомъ году въ мѣсяцѣ Маіѣ предписывалъ: *отыскивать несчастныхъ въ собственныхъ ихъ жилищахъ.*

Уже въ стѣнахъ Двора Тюльерійскаго, безсмѣнный Консулъ, пресытившійся новымъ владычествомъ, домогался и Вѣнца и Престола и Порфиры.

Скромность Ангельская и неусыпное благотвореніе продолжали служить первымъ украшеніемъ чертоговъ града Петрова. Мы и тогда видѣли, и теперь, говоря словами Поэта, видимъ Августѣйшую Матерь вдовъ и сиротъ:

. . . Въ красѣ благотворенья,
Сѣдящую безъ Царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царицы нѣтъ—онѣ ласкаютъ мать!

Само Провидѣніе предложило очамъ народовъ сіи два зрѣлища противоположныя. Великолѣпному властолюбію приготовляло оно паденіе, а скромнымъ добродѣтелямъ и Ангельскому благотворенію назначало славу и торжество.

Въ странѣ заграничной, въ странѣ *Мекленбургской* не стало и другой дщери Павла и Маріи, не стало Елены Павловны. Въ бытность Рускихъ воиновъ

вѣ сей области, жители Мекленбургскіе, указывая на гробѣ, говорили и повторяютѣ: *Здѣсь Ангелѣ погребенѣ; онѣ вѣчно будетѣ жить вѣ душахѣ нашихѣ!*

Наступилѣ великій годѣ испытанія; наступилѣ тысяча восемь сотѣ двѣнадцатый годѣ. Двинулѣ ненасытный властолюбецѣ двадцать Царствѣ вѣ одно Царство Руское. Мелькалѣ вѣ очахѣ его лучь обманчивой надежды вѣ дни лѣтніе; все угасло при шумѣ зимнихѣ бурь. Бѣжалѣ Губитель человѣчества!

За предѣлами Отечества развѣялись Рускія знамена подѣ предводительствомѣ Самодержца Россіи Выступилѣ Онѣ не для покоренія, но чтобы спасать Царства, потрясенныя и отдавать Царства похищенныя.

Но вѣ нѣдрахѣ побѣдоносной Россіи являлись гибельные слѣды разоренія. Дымились вѣ пожарномѣ пеплѣ и мирныя селенія и города и градѣ Престольный. Вмѣстѣ сѣ кликами торжественными сливались воздыханія и стонѣ страдальцевѣ, всего лишенныхѣ и сѣ родныхѣ пепелищь гонимыхѣ всѣми нуждами жизни безпріютной.

Стала на неусыпную стражу благотворенія Императрица ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА, Супруга Защитника Россіи и Героя, устремившагося кѣ избавленію Державѣ Европейскихѣ. Соста-

вилось *женское Патріотическое общество*. Воины Рускіе пожинали новые лавры; Россіянки осушали слезы скорби и страданія.

Съ высоты Небеснаго Престола взиралъ Творецъ любви и милосердія на подвигъ Царя Россіи и на подвигъ Царицы. Тамъ изрекалось спасеніе народамъ; здѣсь возвѣщалось новое бытіе тысячамъ страдальцевъ. Какая сугубая жертва Небесамъ! Та самая длань, которая всегда и невидимо подкрѣпляла и вдовъ и сиротъ и простиралась повсюду, откуду доносилась вѣсть о скорби — та самая длань продолжала подвигъ свой и предъ лицемъ Бога и въ очахъ человѣческихъ.

Благословило Провидѣніе славу военную и славу благотворенія. Уже возставала Германія въ сіяніи первобытнаго своего существованія. Благодѣтельница и утѣшительница страдальцевъ, съ береговъ Невы, поспѣшила къ супругу въ предѣлъ заграничный; поспѣшила, говоря старинною Рускою рѣчью: *собственною рукою стереть съ тела побѣдоноснаго славный потъ трудовъ великихъ*.

Какія воспоминанія! и онѣ будутъ сіять дотолѣ неизмѣнно, доколѣ солнце не угаснетъ во вселенной. Съ сими воспоминаніями сочетались и вѣра и слава Отечественная и спасеніе человѣчества и подвиги любви и милосердія.

Такая только слава мила современникамъ и любезна потомству.

Съ восторгомъ воспоминаютъ Рускіе воины о вниманіи къ нимъ Государыни, Великой Княгини МАРІИ ПАВЛОВНЫ. Въ области заграничной оживотворила она для нихъ страну отечественную. Какъ нѣжная мать, заботясь о раненыхъ, она входила во всѣ подробности ихъ состоянія и всего того, что могло доставить имъ душевную отраду. Она старалась еще, чтобы каждый имѣлъ ту пищу, къ которой привыкъ на родинѣ. Воины, поступившіе въ службу изъ Сибири, Украйны и прочихъ Рускихъ областей, воображали, что они перенеслись въ родныя свои семейства. Ангельская благодѣтельность есть подлинное очарованіе: она оживотворяетъ и здоровье и душу и сердце.

Отъ знаменитой *Лейпцiйгской* битвы, воскресившей Германію въ Германіи, до перваго занятія Парижа союзными войсками, АЛЕКСАНДРЪ Первый, по чувствованію нѣжнаго сына, всѣ военныя извѣстія препровождалъ на имя Августѣйшей Родительницы Своей: за подвиги, предпринятые ИМЪ и совершенные къ защитѣ Отечества и освобожденію Европы, Провидѣніе доставило ЕМУ сладостнѣйшую награду, награду—радовать сердце Матери.

Что же дѣлала между тѣмъ чадолюбивая Мать, вездѣ воспоминаемая примѣрнымъ Сыномъ? Къ заботамъ о благотворительныхъ заведеніяхъ, процвѣтающихъ подъ Ея покровомъ, Она присоединила новое упражненіе: Она приготовляла собственными руками *медаль* и вручила ее Освободителю Европы, когда возвратился ОНЪ въ Отечество, озаренный славою побѣдъ и увѣнчанный торжествомъ добродѣтели и любви единодушной (*).

„Блаженный часъ! въ виду Героевъ бранныхъ,
Прославленный склоняется главой
Владыка-Сынъ предъ Матерью-Царицей;
Да славу ихъ любовь благословитъ.“

Уже два раза Рускія знамена развѣвались въ предѣлахъ Франціи; уже заключенъ былъ миръ, и державы Европейскія воспріяли новое бытіе. Дщерь Павла и Маріи, Екатерина Павловна, учинилась супругою Короля Виртембергскаго. Въ новомъ Государствѣ новая Королева такъ привлекла къ себѣ сердца жителей, какъ будто бы они привыкали любить ее отъ первыхъ дней ея рожденія. Съ любовью нѣжнѣйшей супруги и съ неутомимостію Королевы, участвовала она во всѣхъ трудахъ Супруга сво-

---

(*) Смотри Военныя письма, Часть 2, стр. 380.

его. Отъ сего единодушнаго согласія, Королевство Виртембергское ожидало всѣхъ пользъ, созидающихъ благо общее. Къ довершенію счастія Королевскаго Виртембергскаго Дома, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА уже была на пути къ *Штутгарду*. Уже по родственному чувствованію заранѣе наслаждалась Она мыслію о радостномъ свиданіи. Но что значатъ всѣ наши отрадныя надежды на семъ прахѣ земномъ? Сонъ и призракъ. Оставался одинъ только переѣздъ, и Императрица ЕЛИСАВЕТА узнала, что нѣтъ Королевы Виртембергской, что нѣтъ той, которую Она заочно видѣла и обнимала!

Не рѣдко вѣсть скорбная долетаетъ быстрѣе вѣсти радостной. Весь Петербургъ пораженъ былъ плачевнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Королевы Виртембергской: для одной Матери *мертвая была еще жива*. Недавно насладилась Она свиданіемъ съ нею, недавно получила отъ нее письмо, недавно!... но и одинъ мигъ все уноситъ. Нѣжная дочь, прощаясь съ жизнію, не хотѣла поразить сердце Матери послѣднимъ прощаніемъ. Ослабѣвшею рукою писала она такъ, какъ будто бы въ полномъ цвѣтѣ бытія своего. Она была въ хладномъ гробѣ, а глаза Матери читали о жизни ея. Что же

почувствовало тогда сердце Матери, когда разсѣялась мгновенная Ея мечта? Никто того не перескажетъ, даже — и сердце материнское.

Такъ за всѣми торжествами земными слѣдомъ идутъ и скорбь и горесть! Но и смерть, часто разящая внезапно, не можетъ похитить того, что душа величественная передала любви и благодарности. Цѣпенѣлъ въ глубокомъ отчаяніи супругъ у гроба супруги; стонали жители Виртембергскіе о потери той, которая польстила ихъ надеждою быть неизмѣнною ихъ матерью; оплакивала ее вся Россія, всегда дѣлящая и веселіе и скорби Царей своихъ. Въ Руской *Штутгардской* церкви осталось все по прежнему, и все осиротѣло безъ Королевы. Въ стѣнахъ сего храма находится и Образъ, которымъ Государь Императоръ въ послѣдній разъ благословилъ Сестру Свою. На немъ изображенъ Святый Александръ Невскій; видны Нева, зимній Дворецъ, и надъ ними радуга—свѣтлое, но минутное украшеніе здѣшняго неба (*).

Отъ воспоминаній горестныхъ, неизбѣжныхъ въ семъ мірѣ, обратимся къ воспоминаніямъ пріятнѣйшимъ. Если тутъ не будетъ неразрывной связи исчисле-

---

(*) Смотри: Стихотворенія В. Жуковскаго Часть 3, стр.

нія лѣтъ, то не измѣнится продолженіе связи душевной.

Не забудетъ Кремль, сіе древнее и новое жилище нашихъ Царей въ градѣ Престольномъ, что въ стѣнахъ его, въ новомъ блескѣ возникшихъ изъ праха пожарнаго, узрѣлъ первый лучь свѣта Первенецъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Николая Павловича и Великой Княгини Александры Θеодоровны. Москва украшалась тогда присутствіемъ Царскаго Дома; весенняя природа начинала оживотворять прелестныя Московскія окрестности; праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія возносилъ сердца къ Небесамъ. Займемъ описаніе сего незабвеннаго случая изъ Поэта, воспѣвшаго рожденіе Порфиророднаго младенца.

„Москва жива! въ Кремлѣ семья Царя!
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ Алтаря,
На Праздникѣ Великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ!...
О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младый Отецъ предъ Матерью спасенной
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишенъ;

Передъ твоей невинностью смиренной
Безмолвная Праматерь слезы льетъ!
Уже Москва *своимъ* Тебя зоветъ!..."

Привѣтствовалъ въ лѣтніе мѣсяцы того же года возрожденный градъ Престольный наслѣдника Скиптра Фридерика Втораго, Короля Пруссіи, Фридерика Вильгельма Третьяго. Въ селѣ *Кунцовѣ*, возвышающемся на прекрасномъ берегу Москвы рѣки, Ихъ Императорскія Высочества Николай Павловичь и супруга Его встрѣтили Великаго Гостя. Здѣсь обнималъ онъ зятя своего какъ сына, достойнаго всей сердечной его любви; здѣсь сердце отцовское снова ощутило радостное біеніе сердца нѣжной дочери. Казалось, что и природа участвовала въ семъ восхитительномъ свиданіи. Передъ тѣмъ, погода ненастная отуманивала живописныя окрестности; на другой день засвѣтилось солнце лѣтнее во всемъ блескѣ, и Москва разцвѣла въ полной своей красотѣ. Съ какимъ радостнымъ чувствомъ вступилъ Король въ древнюю Столицу, въ сопровожденіи Самодержца Россіи! Съ какимъ восхищеніемъ, обозрѣвая великолѣпіе града, какъ будто бы никогда не страдавшаго, Онъ вопрошалъ: *Какою же прежде была сія столица?* Но что ощутилъ Король-Отецъ, прибывъ въ стѣны Кремля, прибывъ къ колыбели младенца, внука своего? Тутъ

забыты были и власть и величіе; тутъ одно родство торжествовало.

„Союзъ родства, союзъ священный,
Сосѣдство утверждай Державъ!
Кумиръ, на время вознесенный,
Не разорвалъ законныхъ правъ
Насилье въ мракѣ изчезаетъ;
Но правота всегда сіяетъ.
Палъ властолюбца хитрый ковъ;
Вѣнецъ Царей—сердецъ любовь!“

Не забудетъ Отечество наше и градъ Петровъ, что супруга Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна съ сердцемъ Россіянки вступила въ предѣлы Россіи, что на привѣтствіе отвѣчала словомъ Рускимъ и что въ нѣдрахъ Дома Царственнаго, до водворенія еще въ оный, заключала всю отраду и будущее счастіе своей жизни.

Да сіяетъ непомерцаемымъ блескомъ Домъ нашихъ Царей, обладателей душъ и сердецъ!

И не померкнетъ никогда сіе солнце Россіи, соединенное съ подвигами любви и милосердія.

Подвиги *милосердія* и *воспитанія*, послѣ тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года, еще болѣе распространили поприще свое. Убѣжище вдовъ въ Москвѣ обязано существованіемъ своимъ ГОСУДА-

РЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ. Изъ сего Богоугоднаго Дома исходятъ *сестры милосердія*, къ вспомоществованію болѣзненному и страждущему человѣчеству.

Сколько новыхъ и общеполезныхъ заведеній учредились на берегахъ Невы Покровительницею *Женскаго Патріотическаго* Общества ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ! Въ годъ испытанія, сіе общество возстановляло бытіе пострадавшихъ отъ нашествія властолюбца; нынѣ простираетъ оно длань благодѣтельную къ неимущимъ для доставленія имъ нравственнаго бытія. Нынѣ *Домы трудолюбія* отверзлись для дѣтей, которыя и въ первые годы жизни своей изчезлибъ, можетъ быть, подъ скорбнымъ бременемъ бѣдности.

По сердечному убѣжденію, можно сказать, что нигдѣ воспитаніе не облаготворено такимъ вниманіемъ, какъ въ предѣлахъ любезнаго нашего Отечества.

Недавно градъ Престольный наслаждался присутствіемъ Героя *Ватерлоскаго*. Недавно на берегахъ Невы, ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА снова свидѣлась съ супругою сего Героя. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Анна Павловна возрасла подъ надзоромъ нѣжной Матери: Ей служила

она нѣкогда единственною отрадою въ разлукѣ со всѣмъ Царскимъ Домомъ. У ней училась она священнымъ подвигамъ благотворенія, соединяющимъ душу съ человѣчествомъ и Небесами; съ нею въ безмятежномъ уединеніи занималась она трудами и работою, побѣждающими время и созидающими въ уединеніи міръ новый и очаровательный. Въ странѣ иноземной, сблизившейся родственнымъ союзомъ съ Россіей, явила она примѣръ воспитанія, основаннаго на правилахъ Вѣнценосной Матери-Наставницы.

Истинному воспитанію, сему второму бытію человѣка, вездѣ приносится дань душевнаго уваженія. Первостепенные Англичане, узрѣвъ въ предѣлахъ своихъ Самодержца Россіи, наименовали ЕГО *благовоспитаннѣйшимъ Европейцемъ*.

Посвятя себя неусыпнымъ подвигамъ воспитанія, чего желаютъ Вѣнценосныя Покровительницы онаго? Онѣ желаютъ, чтобы изъ святилищъ общественнаго воспитанія въ нѣдра семействъ переходили всѣ добродѣтели; чтобы скромность была первымъ украшеніемъ юныхъ Россіянокъ; чтобы нѣжная заботливость о дѣтяхъ служила первою отрадою матерямъ; чтобы прихотливая роскошь не похищала того, что можно приносить въ даръ страждущему

человѣчеству; чтобы пріятныя искусства разливали безмятежное удовольствіе въ кругу семейственномъ и отвлекали отъ вихря, уносящаго не рѣдко и душу и мысли. Словомъ: Онѣ желаютъ, чтобы умъ, обогащенный полезными знаніями, и сердце, оживотворенное нравственнымъ бытіемъ, всѣ движенія, всѣ побужденія свои посвящали дѣяніямъ, увѣнчавающимся любовью и благодарностію.

Предстоитъ очамъ Россіянокъ, предстоитъ живое руководство ко всѣмъ подвигамъ, украшающимъ человѣчество; оно заключается въ примѣрахъ ихъ Царицъ.

22 Іюня 1825 года.

Москва.

II.

ЧЕРТЫ
изъ
ЖИЗНИ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Петръ Первый собственною рукою начерталъ весь постепенной ходъ ученія для сына своего Алексѣя Петровича. Не сбылись Его ожиданія отъ того, что на землѣ не было и нѣтъ совершеннаго счастія.

Но Петръ всегда былъ счастливъ чувствованіями небесными: Вѣрою и надеждою на Провидѣніе

Онъ былъ примѣрнымъ сыномъ своего времени. *Ѳеофанъ* свидѣтельствуетъ, что, повинуясь матери, онъ забывалъ и себя и свой царскій санъ, и помнилъ одинъ только долгъ сыновній.

Примѣрный сынъ сталъ примѣрнымъ Царемъ, и во всѣхъ предѣлахъ вселенной, куда только доходилъ о немъ слухъ, Онъ наименованъ *Великимъ.*

Величіе добродѣтели есть несомнѣнный залогъ славы.

Первый подвигъ неустрашимости явилъ Петръ въ защищеніи матери своей Наталіи Кириловны.

Сильный царедворецъ домогался удалить изъ царскихъ чертоговъ Царицу На-

талію. Петръ спѣшитъ къ престолу брата своего Ѳеодора и именемъ Отца своего вступается за гонимую добродѣтель.

«Если по волѣ твоей, сказалъ онъ въ слезахъ Ѳеодору, пересѣляютъ насъ въ другой домъ: Государь! переходи съ нами, будь охранителемъ моей матери, Богъ и отецъ мой поручили ее твоему покрову. А я, слабый отрокъ, что я могу для нее сдѣлать? Съ тобою готовъ жить вездѣ; а изъ дома отца моего и изъ палатъ моего брата никуда не перейду.»

И потомъ, обращаясь къ царедворцамъ, прибавилъ: «Или я не сынъ Державнаго Царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ и угла въ дому отца моего нѣтъ?»

Герой, защитникъ матери, былъ вездѣ Героемъ.

«Петръ, говоритъ Ѳеофанъ: есть наша слава, которою до скончанія міра Россійскій родъ хвалиться не престанетъ.»

Послушный сынъ показалъ и первый примѣръ *второй души* военной службы. Первая душа Вѣра; вторая повиновеніе.

Одинъ изъ нашихъ писателей сказалъ:

«Чтобы со славою намъ въ службѣ показаться:
Такъ надо напередъ умѣть повиноваться.»

Царь Петръ былъ и *рядовымъ;*— Онъ все прошелъ, все узналъ самимъ со-

бою и вникалъ во все нужды человѣческія.

«Вотъ отъ чего войско, по словамъ Θеофана, учившееся еще *букварю* военнаго искусства, вскорѣ вступило въ брань съ непріятелемъ, который вездѣ однимъ звукомъ оружія своего наносилъ страхъ и трепетъ.»

Не къ себѣ, но все къ Богу относилъ Петръ Первый и Великій. Передъ походомъ говорилъ Полководцамъ и войскамъ: *Идите съ Божіею помощію.* Увѣнчавшись успѣшнымъ окончаніемъ войны, Онъ вѣщалъ: *Сему одинъ Богъ руководцемъ былъ.*

Для Россіи простиралъ Онъ къ труду державныя руки свои. Трудиться и жить для Петра было подвигомъ нераздѣльнымъ. Но во всемъ, забывая свою личность, Онъ говорилъ: *трудитесь для Бога.*

Много было древнихъ и новыхъ изреченій о драгоцѣнности времени. Но никто лучше Петра не опредѣлилъ ему цѣну. *Пропущенное время*, писалъ онъ, *смерти подобно*; *оно невозвратно.*

Правосудіе Петра Перваго нераздѣльно было съ человѣколюбіемъ.

Около того времени, когда Карлъ XII вторгшись въ предѣлы Россіи, увѣрялъ, что онъ *только въ Москвѣ будетъ договариваться съ Петромъ о*

миръ: въ то самое время отъ Короля Шведскаго прибылъ въ Воронежъ нарочный для закупки лѣкарствъ. Петръ Первый узналъ о томъ и далъ полное разрѣшеніе покупать врачебныя пособія.

«Много, говоритъ *Татищевъ* въ духовномъ своемъ завѣщаніи сыну: много я претерпѣлъ зла отъ моихъ недоброжелателей. Но правдолюбивый Государь Петръ Первый, по прозорливой внимательности своей, усмотрѣвъ мою невинность, не только уничтожилъ навѣты клеветниковъ, но и взыскалъ меня высокими своими милостями. Правда восторжествовала, а клеветники посрамились. Сей Великій Государь показывалъ великолѣпіе свое одними дѣлами.»

Кто были наставниками Петра Перваго? Въ Отечествѣ нѣжная мать; въ Европѣ всѣ царства Европейскія. Научась подъ руководствомъ умной матери все наблюдать, все помнить, перенимать все полезное, онъ собственнымъ потомъ соображеніемъ превратилъ для себя въ ученіе все, что видѣлъ, и въ училища всѣ мѣста, гдѣ былъ.

«Петръ, говоритъ Ѳеофанъ, не учился ни въ какой школѣ, ни въ какой Академіи. Но Академіями ему были грады и страны, республики и Монархіи, и домы царскіе, въ которыхъ гостемъ бывалъ: учители были ему, хотя и сами про то

не вѣдали: Послы и путешественники и угощавшіе его Государи и Правители.

Книги историческія были любимымъ его чтеніемъ. Изъ сего прилѣжнаго чтенія усмотрѣлъ онъ, что̀ созидаетъ крѣпость и силу Державъ. А потому и говорилъ: «Не о себѣ помышляю я; пусть только живетъ Россія вѣрою и благочестіемъ.»

Сія жизнь есть неизмѣнное бытіе царствъ и народовъ.

И такъ повторимъ незабвенныя слова *Θеофана*, одного изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Петра Великаго. «*Петръ*, говоритъ онъ, *оставляя насъ, не оставилъ насъ.*»

Онъ жилъ и живетъ въ потомкахъ своихъ:

Онъ живъ!

«Онъ живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ страны взираетъ,
Свою Россію обновляетъ,
Полки, законы, корабли
Самъ строитъ, правитъ и предводитъ,
Природу духомъ превосходитъ;
Герой въ моряхъ и на земли (*).»

Онъ живъ!... дѣла не умираютъ.

(*) Ломоносовъ.

III.

СПОСОБЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО УЧЕНІЯ,

предложенный ЕКАТЕРИНОЮ Второю.

Разсказываютъ, что *Аменофисъ*, а по мнѣнію другихъ *Мемнонъ,* отецъ знаменитаго *Сезостриса,* всѣхъ дѣтей, родившихся въ одинъ день съ его сыномъ, приказалъ привесть въ чертоги свои. Воспитывая ихъ съ попечительностію нѣжнаго отца и соединяя ихъ единодушіемъ и единомысліемъ, онъ старался доставить сыну своему ревностныхъ воиновъ и усердныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

Екатерина Вторая болѣе сдѣлала. Тѣ самыя наставленія, которыя предлагала Она и печатала для Порфирородныхъ Внуковъ своихъ, тѣ самыя животворительныя правила издала Она вновь въ общенародномъ букварѣ.

Она хотѣла отдать всѣ сердца и всѣ помышленія народа Вѣнценоснымъ Внукамъ, неоцѣненнымъ Ея сердцу.

Предложимъ сокращенно нѣкоторыя изреченія и правила, излившіяся изъ души Екатерины Великой. Душа не умираетъ , а правила изъявляютъ основаніе дѣяній.

Вопросъ. Что такое должность родителей или хожатыхъ?

Отвѣтъ. Исправлять дѣтей, указывать имъ хорошіе пути, учить полезному; остерегать отъ дурнаго, представлять имъ ихъ должности, чтобы они послѣ не сказали: *вы насъ не исправляли; вы насъ не учили; вы насъ не остерегали; вы намъ не показывали, какими надлежало намъ идти путями.*

Одинъ Богъ совершенъ.

Всякое дитя родится не ученымъ.

Дитя до семи лѣтъ *младенецъ*, послѣ семи *отрокъ*, а послѣ пятнадцати *юноша.*

Отъ родителй человѣкъ принимаетъ и получаетъ первое благодѣяніе.

Пріятно видѣть отъ брата любовь, отъ друга пріязнь, отъ Государя милость.

Милосердіе, прощая личныя обиды, приноситъ даръ человѣчеству.

Всю силу и преимущество свое употребляйте къ вспомоществованію, а не къ угнѣтенію слабыхъ.

Доброе сердце склонно къ милосердію и снисхожденію; сердце *тѣсное* не способно къ терпѣнію и умѣренности.

Щедрость не считаетъ; она даетъ одною рукою безъ вѣдома другой; она вездѣ находитъ случай давать, а чтобы

брать, того и на мысль ей не приходитъ.

Великодушіе сообщаетъ сіяніе всему, къ чему прикасается; скромность сопутствуетъ ему въ счастіи, а въ злополучіи терпѣніе и умѣренность.

Гордость есть несмысліе.

Веселитъ взоры свѣтлое солнце, вдругъ блеснувшее; еще болѣе радуетъ душу человѣкъ благодѣтельный.

Всего пріятнѣе видѣть чувствительную душу, милующую человѣчество.

IV.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА АМВРОСІЯ,

АРХІЕПИСКОПА МОСКОВСКАГО.

Амвросій, преслѣдуемый толпою, ослѣпленною яростію и обуянною виномъ, поспѣшилъ въ церковь. Бунтовщики и туда ворвались. Видя неминуемую погибель, страдалецъ приближился къ престолу Божію, преклонилъ колѣна и воздѣвъ руки къ жертвеннику, со слезами возопилъ: *Господи! остави имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ; не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленіе ихъ: и яко же смертію Іоны укротилось волненіе моря, тако нынѣ*

смертію моей да укротится волненіе сего свирѣпствующаго народа.

Такъ вѣщалъ Пастырь великодушный и испилъ чашу смерти.

V.

ЖЕРТВА,

ПРИНЕСЕННАЯ МОСКВѢ

Графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

1771 года Москва страдала и отъ моровага повѣтрія и отъ безразсуднаго воленнія народа, въ слѣдствіе котораго погибъ ревностный Пастырь церкви *Амвросій*. Въ сихъ обстоятельствахъ, Графъ Григорій Григорьевичь Орловъ, обрекая жизнь свою въ жертву для пользы общей, добровольно вызвался ѣхать въ Москву. Екатерина Вторая, бывшая тогда въ перепискѣ съ *Волтеромъ*, извѣщала его о семъ случаѣ слѣдующими словами: «Хотя Я и согласилась на усильную просьбу Графа Орлова, но не безъ огорченія. Знаю, какой онъ подвергается опасности.»

Волтеръ отвѣчалъ: «Графъ Орловъ учинилъ истинно геройскій подвигъ. Великодушное его намѣреніе долженствовало поколебать ваше сердце, волнуемое страхомъ и пораженное удивленіемъ. Но удивленіе для васъ есть чувство самое обыкновенное: ибо великія дѣла вамъ болѣе всѣхъ свойственны.»

Графъ Григорій Григорьевичь увѣнчался славою необычайною. Зависить безмолвствовала, а благодарные современники въ полной мѣрѣ оцѣнили великодушный его подвигъ. Одинъ изъ тогдашнихъ первостепенныхъ духовныхъ, привѣтствуя Графа съ Новымъ годомъ, препроводилъ къ нему изъ Москвы въ Петербургъ слѣдующее достопамятное письмо:

«Оставя, Ваше Сіятельство, Москву, вы оставили въ сердцахъ всѣхъ ея жителей чувствительнѣйшее сожалѣніе о разлученіи съ вами. Вашими отличными добродѣтелями и благодѣяніями вы плѣнили всѣхъ души. Вы, пребывая съ нами , исполнили все то , что составляетъ вѣрноотечественный духъ. Вы соотвѣтствовали должности честнаго человѣка, оказавъ ближнимъ своимъ столь великіе знаки человѣколюбія. Вы по справедливости заслужили имя ревностнаго гражданина, принося свое щастіе на жертву общему благополучію и подвергая себя той опасности, отъ кото-

рой избавили своихъ сограждань. Вы своимъ примѣромъ доказали долгъ истиннаго Христіанина, сохранивъ тѣ правила, на коихъ основывается законъ Божій и любовь къ роду человѣческому. Вы своимъ повиновеніемъ, исполняя Высочайшія повелѣнія Августѣйшія нашея Самодержицы, изъявили новой опытъ той вѣрности, которою прямые сыны Отечества обязаны своимъ Монархамъ. Вамъ должно отдать честь величайшаго геройства, потому что вы не имѣли ничего себѣ предметомъ, кромѣ блаженства своихъ соотечественниковъ; ни цѣною, кромѣ сохраненія ихъ жизни. Сократъ видѣлъ и оплакивалъ несчастіе своего отечества; а вы, узрѣвъ печальную Москву, отерли слезы ея обитателей и возвратили прежнее ихъ благосостояніе. Симъ образомъ вы отличили себя отъ обыкновенныхъ людей, симъ обязали все общество, которое не остается къ вамъ безъ признанія. Та же самая сила благодарности наполняетъ и мои чувствованія. Къ открытію оныхъ подаетъ мнѣ побудительную причину самое начало Новаго года. Я и всѣ вообще увѣрены, что съ теченіемъ лѣтъ проистекутъ еще сугубыя отъ васъ для любезнаго Отечества благотворительныя услуги. И такъ съ умноженіемъ вре-

менѣ умножится еще болѣе истинная къ вамъ благодарность.»

VI.

СМЕРТЬ
ГЕНЕРАЛА ВЕЙСМАНА.

18 Іюля 1773 года напалъ на Русскихъ за Дунаемъ *Черкесъ-Паша*. Въ тоже время зашелъ намъ непріятель въ тылъ противъ самой ущелины *Дервентъ*. Главная часть войска и Потемкинъ остались за ущелиною. *Вейсманъ* полетѣлъ на враговъ. Нападеніе было порывистое, сопротивленіе упорное. Густой лѣсъ и узкая тропинка раздѣляли Русскихъ и Турокъ. Русскіе, которые, по словамъ Ломоносова, *проходятъ вездѣ*, гдѣ только вѣтры могутъ *дуть*, прорвались сквозь чащу лѣса и выстроились на удобномъ мѣстѣ. Турки, мечтая о вѣрной побѣдѣ, не препятствовали движенію нашему. Ихъ было вчетверо болѣе. Русскіе устремились *кареемъ*; конница Турецкая мчалась имъ въ лице, а съ горы гремѣли двадцать четыре орудія. Конница непріятельская, раздраженная отважностію Русскихъ, окружила первый ихъ *фасъ* и тылъ; а пѣхота Турец-

кая видя, что нашимъ пресѣчено отступленіе, рынулась въ десяти тысячахъ съ нагорнаго укрѣпленія и ударила на передніе полки и на лѣвое крыло, тѣсня и конницу нашу, прижавшуюся къ пѣхотѣ. Со всѣхъ сторонъ раздалось: *Алла!* Конница Турецкая тѣснила тылъ, пѣхота врывалась въ каре. Гдѣ болѣе опасности, тамъ сильнѣе воспламеняется духъ истинныхъ героевъ. Генералъ *Вейсманъ* и Полковникъ *Кличка* воскликнули: «солдаты Матушки нашей Екатерины Второй! воины Задунайскіе! съ нами Богъ! впередъ: умремъ или побѣдимъ! Насъ мало; но Русскіе не привыкли считать враговъ.» Загремѣло: ура! Тронулись, двинулись, устремились полки Русскіе. Конница наша, съ помощію запасныхъ отрядовъ и пушекъ, погнала конницу Турецкую. Воздухъ огласился кликами побѣдоносными. Но, какъ ненадежны всѣ торжества въ семъ мірѣ превратномъ! Между тѣмъ, когда Русскіе привѣтствовали другъ друга съ новою славою, Герой *Вейсманъ* низвергся въ мракъ смерти въ сіяніи побѣды своей.

Державинъ увѣковѣчилъ сей случай въ *Водопадѣ* своемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Когда багровая луна
«Сквозь мглу блистаетъ темной нощи,

«Дуная мрачная волна
«Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи
«Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ,
«И слышенъ стонъ—что Туронъ мнитъ.
«Дрожитъ—и во очахъ сокрытыхъ
«Ему еще штыки блестятъ;
«Гдѣ сорокъ тысячь вдругъ убитыхъ
«Вкругъ гроба *Вейсмана* лежатъ.»

Воины Русскіе уважали Героя *Вейсмана* за личную его храбрость и за любовь къ подчиненнымъ. Были у него завистники, но онъ всѣмъ усердствовалъ отдать справедливость. Ни одинъ подвигъ ввѣренныхъ ему воиновъ не укрывался отъ его вниманія. Себя умѣлъ онъ забывать, а другихъ всегда помнилъ. Послѣ смерти нашли въ мундирномъ его карманѣ списокъ *отличившихся* въ прежнихъ битвахъ. *Вейсманъ*, такъ сказать, приближалъ къ сердцу всѣхъ сподвижниковъ своихъ. Славна была его смерть и незабвенно уваженіе его къ заслугамъ другихъ. Безпристрастіе есть добродѣтель трудная; но она была главною добродѣтелью Вейсмана.

VII.

УМНЫЙ ОТВѢТЪ АДМИРАЛА ЧИЧАГОВА.

Всѣмъ извѣстно, какому жребію подвергся Густавъ Третій, напавъ внезапно и безъ объявленія войны на Россію. Извѣстно, что онъ уже приглашалъ своихъ любимцевъ на торжество въ Сѣверную Столицу. Но сей случай послужилъ только новымъ подтвержденіемъ, что Россія всѣмъ была готова жертвовать Екатеринѣ, своей нѣжной Матери Отечества. Слава Екатерины заблистала на сушѣ и на морѣ. Крузъ и Чичаговъ отразили сильный Шведскій флотъ. Капитанъ плѣннаго корабля, называемаго *Принцъ Карлъ*, ужиная въ день сраженія у Адмирала Чичагова, сказалъ ему: «мы ошиблись въ разсчетѣ: думали угощать васъ, и нечаянно попали къ вамъ въ гости.» Чичаговъ отвѣчалъ: *на это была воля Великаго Хозяина міра.*

VIII.

ЮНОСТЬ ЛОМОНОСОВА,

ИЛИ

СТРАСТЬ КЪ УЧЕНІЮ; ЗАСЛУГИ ЕГО РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИЗОБРАЖЕНІЕ НРАВСТВЕННЫХЪ ЕГО КАЧЕСТВЪ.

Страсть къ ученію.

Рѣшительная страсть къ ученію все преодолѣваетъ. Не рѣдко среди изобилія и блестящихъ даровъ счастія тщетны бываютъ всѣ труды, прилагаемые о воспитаніи; но часто, весьма часто случается, что и подъ кровомъ убогой хижины, при недостаткѣ всѣхъ способовъ къ обогащенію понятія, способности ума возникаютъ, разпространяются съ силою и производятъ необычайныхъ людей въ лѣтописяхъ Словесности и наукъ. Разительнымъ сему у насъ примѣромъ служитъ *Михайла Васильевичъ Ломоносовъ.*

Ломоносовъ родился 1711 года, то есть въ то самое время, когда Петръ Первый часъ отъ часу болѣе преобра[illegible] Р[illegible]ію и учреждалъ въ предѣлахъ [illegible], ремесла и искусства. Родина его въ деревнѣ Даниловской, въ

Куропатовской волости, въ Двинскомъ уѣздѣ, на острову, неподалеку отъ Холмогоръ.

Хотя отецъ его былъ простымъ государственнымъ крестьяниномъ, но отличался понятіемъ острымъ и изобрѣтательнымъ. Онъ первый въ своемъ краю на образецъ Европейскій состроилъ, оснастилъ *галіотъ* и назвалъ его *Чайкою*. На семъ новомъ суднѣ пускался онъ въ Бѣлое море и въ пространство *Океана*; развозилъ на немъ казенные и частные запасы отъ города *Архангельска* въ *Пустоозерскъ*, въ *Соловецкую* обитель, въ *Колу*, въ *Келвдинъ*, по берегамъ *Лапландіи* и на рѣку *Мезень*. Юный Ломоносовъ съ десяти лѣтъ и до шестнадцати былъ неразлучнымъ сопутникомъ своего отца.

СИЛА НАБЛЮДЕНІЯ.

И такъ Ломоносовъ странствовалъ; но сего не довольно: онъ умѣлъ все наблюдать, онъ приучался все соображать, —а въ такомъ смыслѣ *путешествіе есть наука*.

Зрѣлище величественной и грозной природы было первымъ наставленіемъ Ломоносова. Не изъ книгъ учился онъ познавать и наблюдать различныя

измѣненія, величіе, красоты и ужасы природы; онъ обозрѣвалъ все глазами своими и въ отроческомъ его понятіи напечатлѣвались тѣ картины, которыя въ зрѣломъ возрастѣ нечерталъ онъ безсмертною кистью.

Великое различіе между собственнымъ наблюденіемъ природы и списываніемъ ея съ изображеній другихъ. „Знаменитый *Фенелонъ,*“ говоритъ одинъ изъ его соотечественниковъ: „переселилъ въ *Телемака* природу, видѣнную имъ въ твореніяхъ *Гомера* и *Виргилія.* Описанія его прекрасны; но въ нихъ видно подражаніе, а не творческая кисть (*).“

СООБРАЖЕНІЕ ОТРОЧЕСКАГО НАБЛЮДЕНІЯ СЪ ОПЫТАМИ ЗРѢЛЫХЪ ЛѢТЪ.

Мы пишемъ жизнь Ломоносова для пользы воспитанія, слѣдственно и почитаемъ долгомъ предложить нѣкоторыя изъ тѣхъ стихотворческихъ изображеній, которыя заимствовалъ онъ первоначально изъ отверстой книги природы.

(*) Смотри *Дюсолевы* Записки о Французской словесности, часть I, стр. 93.

Онъ видѣлъ въ юности своей бури морскія и бури Океана; онъ видѣлъ *яростную борьбу моря съ небесами;*—и начерталъ оную въ сихъ стихахъ:

„Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей;
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ.“—

Онъ видѣлъ незаходящее лѣтнее солнце у береговъ Сѣвернаго Океана и представилъ сіе великолѣпное явленіе такимъ образомъ:

„Достигло дневное до Полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.“

СТРАСТЬ КЪ УЧЕНІЮ И ПОСТЕПЕННЫЕ УСПѢХИ ЛОМОНОСОВА.

Между тѣмъ рвеніе къ ученію часъ отъ часу болѣе усиливалось въ сердцѣ юнаго Ломоносова. Стремленіе духа его не могло ограничиться одними наблюденіями природы; онъ хотѣлъ не только знать, но и желалъ предлагать дру-

гимъ то, что видѣлъ и что зналъ. Умамъ превосходнымъ нужно только указать стезю къ поприщу ученія: они сами утвердятся на немъ, распространятъ и озарятъ оное славою. Такъ сбылось съ Ломоносовымъ. Первымъ его наставникомъ былъ одинъ изъ сельскихъ церковнослужителей, который, говоря простыми словами, научилъ его *Русской грамотѣ;* далѣе сего не простиралось его знаніе. Ломоносовъ самъ собою ознакомился съ *простою Ариѳметикою;* слѣдственно онъ собственнымъ соображеніемъ изобрѣталъ значеніе и сочетаніе чиселъ. Первоначальною его Словесностію было чтеніе книгъ церковныхъ и возбудило въ немъ охоту знать и языкъ *свѣтской Словесности.* Онъ домогался отыскивать свѣтскія книги, и не находилъ, ибо ихъ тогда весьма малое число было. Слыша же отъ сельскаго своего наставника, что языкъ древнихъ Римлянъ споспѣшествуетъ къ успѣхамъ ученія, онъ желалъ знать и сей языкъ;—онъ желалъ знать все, что питаетъ умъ и душу.

ЛОМОНОСОВЪ достигаетъ 17 лѣтъ и оставляетъ отцовскій домъ.

Влекомый непреодолимою страстію къ ученію, юный сынъ рыбака бѣжалъ отъ отца своего и среди многолюдной Москвы очутился сиротою безпріютнымъ. Обратя слезящія очи къ ближайшей церкви, съ глубокою душевною скорбію молилъ онъ Отца отцевъ быть охранителемъ юноши безпокровнаго и неопытнаго.

Счастливый случай привелъ его въ Заиконоспаское училище. Зная, что тамъ не принимаютъ состоящихъ въ подушномъ окладѣ, онъ выдалъ себя за сына дворянскаго.

Вскорѣ недостаточно стало для него и Заиконоспаское собраніе книгъ. Онъ отправился въ Кіевъ, надѣясь тамъ почерпнуть свѣдѣнія въ Математикѣ, Физикѣ и Философіи; но Кіевскіе учители спорили о доводахъ Аристотеля, ничего сами не наблюдали, а потому и не могли предложить ничего основательнаго. Говорятъ, что знаменитый *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, полюбя Ломоносова за рвеніе его къ полезному ученію и узнавъ о подлинномъ его состояніи, ска-

залъ: „Не бойся ничего; я твой защитникъ.“

Не встрѣтя въ Кіевѣ, чего желалъ, Ломоносовъ воспользовался однако тамъ чтеніемъ древнихъ Русскихъ лѣтописцевъ, и Греческихъ и Латинскихъ рукописей.

Снова возвратился онъ въ Москву, и 1734 года отправленъ былъ въ Санктпетербургскую Академію. Тамъ разпространилось поприще его познаній и оттуда посланъ онъ былъ въ чужіе краи подъ руководство просвѣщеннѣйшихъ мужей того времени. Сынъ простаго рыбака, рожденный въ отечествѣ снѣговъ и бурь, доказалъ въ предѣлахъ иноземныхъ, что бури зимнія не останавливаютъ полета ума и не стѣсняютъ душевныхъ способностей. Собственнымъ опытомъ убѣжденный въ истинѣ, Ломоносовъ въ одной изъ Одъ своихъ въ слѣдующихъ стихахъ взываетъ къ юнымъ Россіянамъ, посвятившимъ себя наукамъ:

„О вы! которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ:
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ *Платоновъ*

И быстрыхъ разумомъ *Невтоновъ*
Россійская земля раждать."

Графъ *Бюфонъ* называетъ превосходное дарованіе *плодомъ неутомимаго терпѣнія.* Безспорно, что одно терпѣніе не доставитъ дарованія; но истинное дарованіе чѣмъ далѣе простираетъ ходъ свой, тѣмъ болѣе видитъ, чего ему недостаетъ: а потому оно и нераздѣльно съ терпѣніемъ. Умирающій *Виргилій* завѣщавалъ, чтобы сожгли послѣднія шесть пѣсенъ *Енеиды*, говоря: что онъ не успѣлъ еще ихъ отработать по желанію своему.

,,Какимъ образомъ," спрашивали у *Невтона*: ,,постигъ онъ тайну теченія свѣтилъ небесныхъ?"—*Непрестаннымъ о томъ размышленіемъ,* отвѣчалъ онъ.

НРАВСТВЕННЫЯ ЧЕРТЫ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЙ ЛОМОНОСОВА.

Миролюбіе.

Предрекая будущую славу сыновъ Россіи, которымъ судьба опредѣлила гремѣть и на цвѣтущихъ поляхъ Италіи и на грозныхъ вершинахъ подоблач-

ныхъ горъ Альпійскихъ, Ломоносовъ восклицаетъ:

„Чтобы орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ одвы, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи,—равенъ путь:
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Тамъ пролетятъ полки орлины.“

Но изображая пламенною кистію воинскій духъ Россіянъ, онъ не былъ другомъ войны и ненавистникомъ человѣчества. Онъ зналъ, что война не страшитъ его соотечественниковъ; но всегда и вездѣ отдавалъ предпочтеніе благословенному миру, осѣняющему счастіе народа и всѣ прелести наукъ. Вотъ слова его:

„Хотя счастливыя военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала;
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе во всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.“

ЛЮБОВЬ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ.

Звучными струнами лиры своей Ломоносовъ прославлялъ подвиги Россіянъ въ семилѣтнюю войну, но въ той же одѣ излилъ нѣжнѣйшее чувствованіе о жре-

біи человѣчества, поражаемаго ужасами войны. Оплакивая горестный жребій страждущаго человѣчества, онъ говоритъ:

„Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоять свой тлѣнъ?
Еще ли мало утомились
Житейскихъ тягостью бременъ?"

СОСТРАДАНІЕ КЪ БЛИЖНИМЪ.

Превосходство ума писателя и громкая его слава не увѣковѣчатъ въ сердцахъ его имени, если онъ былъ чуждъ состраданія къ жребію ближнихъ. Испытавъ отъ юности лѣтъ всѣ нужды и всѣ превратности судьбы, Ломоносовъ особенно выхваляетъ Елисавету *за вспоможеніе добродѣтелной скудости и возстановленіе несчастіемъ разоренныхъ.*

СИЛА ОБОДРЕНІЯ.

Находя въ лицѣ И. И. Шувалова покровителя и друга, и чувствуя силу благодѣтельнаго ободренія, Ломоносовъ и самъ старался подкрѣплять и ободрять юныхъ любителей Словесности. Простыя слова его изъ письма къ Шувалову о Поповскомъ покажутъ всю доброту его сердца. „Получивъ" писалъ онъ отъ 26 Іюля 1753: „отъ студента переводъ перваго письма Попіева Опыта о человѣкѣ, не могу преминуть, чтобы не собщить Вашему Превосходительству. Въ немъ нѣтъ ни одного стиха, который бы мною былъ поправленъ. Я весьма опасаюсь, чтобы его въ закоснѣніи не оставили."

УСЕРДІЕ КЪ ДОБРЫМЪ ИНОСТРАНЦАМЪ.

Не однимъ соотечественникамъ нашимъ, но и всѣмъ, кто живетъ въ родномъ нашемъ краю, мы должны изъявлять сердечное привѣтствіе. Жителя ли знойныхъ странъ Африки, или выходца

изъ дикихъ лѣсовъ Америки видимъ падающаго въ глазахъ нашихъ,—поспѣшимъ подать ему руку помощи: онъ нашъ гость, онъ сталъ нашъ ближній. Изъ отечества людей, одаренныхъ сердцемъ и душою, каждый посѣтитель долженъ возвращаться съ сердцемъ благодарнымъ и съ доброю молвою. Етаго желали наши предки, етаго и мы желаемъ. Любя своихъ, Ломоносовъ любилъ и чужеземцевъ, посвящавшихъ Россіи ревностные и усердные свои труды. Смерть почтеннаго Профессора *Рихмана*, убитаго громомъ при испытаніи *электрической силы* 26 Іюля 1755 года, поразила его несказанною скорбію. Въ слезахъ и въ душевномъ сокрушеніи ходатайствовалъ онъ въ письмѣ своемъ къ И. И. Шувалову за семейство покойнаго Профессора въ сихъ сердечныхъ словахъ: ,,Профессоръ *Рихманъ* умеръ прекрасною смертію, исполняя по званію своему должность свою. Память его никогда не умолкнетъ; но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери , одна двухъ лѣтъ, другая окола полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый

помощникъ, чтобы вдова лучшаго Профессора до смерти своей пропитаніе имѣла и сына своего, маленькаго *Рихмана*, могла воспитывать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ отецъ. Ему жалованія было 860 руб. Милостивый Государь! исходатайствуйте бѣдной вдовѣ или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое."

ИСТИННОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ УКРАШАЕТСЯ СКРОМНОСТІЮ.

Ломоносовъ далеко простерся умомъ на поприщѣ познаній человѣческихъ; онъ парилъ воображеніемъ и зоркимъ и наблюдательнымъ окомъ своимъ проницалъ въ тайны природы. Онъ уподобляетъ природу *великолѣпному храму счастія человѣческаго:* и дѣйствительно умъ, познающій изъ устройства творенія мудрость Творца, наслаждается истинною отрадою. Обозрѣвая различныя отрасли наукъ, Ломоносовъ называлъ *Химію* первою предводительницею къ изслѣдованію разнородныхъ частей видимыхъ тѣлъ; онъ писалъ о воз-

душныхъ явленіяхъ: онъ изслѣдовалъ дѣйствіе молніи и громоносныхъ тучь; онъ прежде Американскаго урожденца *Веніамина Франклина* разсуждалъ о *силѣ электрической;* онъ разсуждалъ о происхожденіи свѣта; писалъ о рожденіи металловъ и о большой точности морскаго пути; онъ первый сочинилъ у насъ книгу о сокровищахъ, таящихся въ нѣдрахъ земли, или о *Металлургіи,* которую называлъ предводительницею къ внутреннему богатству. Онъ все старался узнать и изслѣдовать; и еще болѣе увѣрялся, что человѣкъ то только можетъ знать, до чего дозволено доходить уму его. Онъ испыталъ и доказалъ, что истинное просвѣщеніе нераздѣльно съ искреннимъ сознаніемъ въ слабости и ограниченности нашего ума. Онъ видѣлъ, что изслѣдованіямъ нашимъ положенъ предѣлъ; онъ увѣренъ былъ, что все знаніе принадлежитъ одному Творцу вселенной, а потому и обращается въ сихъ словахъ къ испытателямъ природы:

„ О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что насъ такъ мятетъ?

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ;
Скажитежь: коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ;
Скажитежь: коль великъ Творецъ?

ТЕРПѢНІЕ

„Прежде соверши подвигъ свой, а потомъ ожидай награды“ говорятъ опытные люди всѣхъ вѣковъ. То же и у насъ говорили: „*Конецъ вѣнчаетъ дѣло.*“ Но чтобъ дожидаться съ успѣхомъ сего блистательнаго конца, то надобно переносить съ терпѣніемъ всѣ непріятности и даже всѣ препятствія.

Разсказываютъ, что надъ юнымъ Ломоносовымъ смѣялись его товарищи, видя, что онъ въ семнадцать лѣтъ принялся за азбуку иностранныхъ языковъ. Не хорошо поступали товарищи его, но хорошо дѣлалъ Ломоносовъ, что учился Греческой и Латинской азбукѣ, помня простую пословицу: „*Вѣкъ живи, вѣкъ учись.*“

Не рѣдко терпѣніе бываетъ горько, но за то плодъ его всегда сладокъ. Научась терпѣть, Ломоносовъ научился,

не смотря ни на какія обстоятельства, находить сладость и утѣшеніе въ тѣхъ упражненіяхъ, которыя бываютъ плодомъ однихъ трудовъ и терпѣнія. Уже изнемогалъ онъ тѣлесными силами, когда писалъ послѣднюю оду Екатеринѣ Второй; но не ослабѣвая въ усердіи и терпѣніи, онъ говорилъ: „Ни старость, „ни болѣзни, ни даже зависть моихъ „недоброжелателей, ничто не можетъ „охладить ревности моей къ трудамъ и „къ прославленію благодѣтелей Россіи."

Въ томъ же стихотвореніи онъ сказалъ, что „ни на какія сокровища не „промѣняетъ удовольствія заниматься „тѣмъ, что питаетъ сердце и душу."

Груды золота, великолѣпные домы, все что называемъ мы богатствомъ, можетъ погибнуть въ одинъ мигъ; но сокровища ума, души и сердца, сокровища полезныхъ занятій переходятъ съ нами изъ года въ годъ и доставляютъ отраду вездѣ и всегда. А потому Ломоносовъ, подражая Цицеронову разсужденію о наукахъ, предложенному симъ славнымъ *Витіею* въ защитительной рѣчи за *Архія* стихотворца, говоритъ:

„Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;

Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ!"

ЛИЧНОЕ ДОСТОИНСТВО.

Ломоносовъ сказалъ:

,,Кто родомъ хвалится, тотъ хвастаетъ чужимъ!"

Благородныя души помня всѣ похвальныя дѣла и славные подвиги своихъ предковъ, стараются имъ подражать въ томъ, что отличало ихъ при жизни и доставило новую жизнь по смерти. ,,Такія души," говоритъ одинъ иностранный писатель, ,,еще болѣе заслуживаютъ уваженія; ибо онѣ поддерживаютъ и славу ,,предковъ своихъ и собственную свою славу."

Мудрая Государыня Екатерина Вторая въ Запискахъ своихъ касательно Россійской Исторіи весьма справедливо пишетъ, что ,, не о томъ должно ,,спорить , который народъ былъ старѣе, но о томъ, который прежде прославился благонравіемъ и другими ду-

„шевными качествами." Тоже можно сказать и о каждомъ человѣкѣ. Кто споритъ только о старшинствѣ рода своего и не поддерживаетъ его ни умомъ, ни добродѣтелью, ни славою, тотъ хвалится чужимъ, а не своимъ достоинствомъ.

Одинъ Римлянинъ называлъ *Цицерона*, вышедшаго въ *Консулы* изъ простыхъ гражданъ, *новымъ человѣкомъ.* „Такъ," возразилъ Цицеронъ: „я новый „человѣкъ; но я первый въ своемъ родѣ, „а ты въ своемъ послѣдній." Цицеронъ говорилъ правду; но скромность запрещаетъ самаго себя хвалить: пусть другіе отдаютъ намъ справедливость. Однакоже Цицеронъ не чужою, а своею собственностію хвалился; впрочемъ извѣстно, что и сей великій Римлянинъ подверженъ былъ тщеславію.

Слава и истинное достоинство не умираютъ. Уже давно Ломоносова нѣтъ на свѣтѣ, но мы и теперь читаемъ въ вѣдомостяхъ, что въ родномъ его городѣ, Архангельскѣ, предположено воздвигнуть ему памятникъ.

СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Сыновняя любовь животворится своими мечтаніями, мечтаніями сладостными, которыя отца отсутствующаго дѣлаютъ присутственнымъ и взорамъ и сердцу добраго сына. Какъ прелестно изображено сіе чувствованіе въ писмѣ *Мамелюка*, переселеннаго съ береговъ *Калиса* на берега рѣки *Сены*:

„Со времени моего отъѣзда,“ писалъ онъ къ другу своему, „каждый разъ, „когда звенящая мѣдь возвѣщала міру „исполинскій ходъ времени, я говорилъ „самому себѣ: *Что дѣлаетъ мой отецъ?* „Я то же повторялъ, когда вечерняя „звѣзда призывала меня къ покою. Вѣрно „то же произносилъ и во снѣ; ибо при „восходѣ солнца сіи слова, вырывавшія-„ся изъ устъ моихъ, поражали мой слухъ, „не совсѣмъ еще пробужденный: еще не „отзывалось въ немъ пѣнія птицъ, и „уже передавалъ онъ внимательному „моему сердцу: „*что дѣлаетъ твой* „*отецъ*? Вижу, вижу отсюда мѣсто, гдѣ „онъ гуляетъ; вижу пальму, священною „тѣнью своею защищающую величест-„венную его главу отъ солнечнаго зноя; „воды *Калиса* струятся у ногъ его!“

Не столь сладостны были мечтанія Ломоносова; но въ разлукѣ съ от-

цомъ сердце его не разставалось съ нимъ ни на чужбинѣ, ни на родинѣ. Плывя моремъ въ Отечество, онъ увидѣлъ во снѣ, что корабль отца его разбитъ былъ кипящими волнами, а тѣло его выброшено не необитаемый островъ *ледянаго моря*, куда въ юности своей занесенъ онъ былъ бурею. И такъ жизнь Ломоносова была непрерывною юностью: въ молодости оставилъ онъ отца, и картина дней весеннихъ представила ему смерть его. Разумъ истощается; сердце не старѣетъ.

Прибывъ на берега *Невы*, встрѣтилъ онъ брата своего и къ подтвержденію печальнаго предчувствія узналъ, что по вскрытіи водъ, отецъ его, по обыкновенію своему, отправился въ море на рыбный промыслъ, и что прошло уже четыре мѣсяца, а ни онъ и никто изъ его товарищей не возвратился. Въ смятеніи души своей, Ломоносовъ хотѣлъ отпроситься въ отпускъ и плыть къ острову, видѣнному имъ во снѣ, и тамъ собственными руками предать землѣ прахъ отцовскій. Обстоятельства невольно удержали его. Снабдивъ брата деньгами, онъ отправилъ его въ *Холмогоры* и усильно просилъ, чтобъ убѣдить рыбаковъ посѣтить злополучный островъ. „Пусть“ прибавилъ онъ, „пусть

„ищутЪ они вездѣ тѣло отца моего и „предадутЪ землѣ.“

Прозьба сыновняя была исполнена. По разсказу Ломоносова, тѣло отца его найдено было на пустомЪ островѣ и погребено. ОтЪ сей вѣсти глубокая скорбь, таившаяся вЪ душѣ его, превратилась вЪ явную и неутолимую горесть. Сія скорбь сердечная укѣковѣчивается вмѣстѣ сЪ произведеніями пера. ГробЪ безчувственнаго писателя не привлекаетЪ сердецЪ; сынЪ жестокосердый и при жизни какЪ будто бы исчезаетЪ. Прославившійся стихотворческимЪ искусствомЪ *ЖанЪ-БаптистЪ Руссо,* котораго ЛомоносовЪ перевелЪ оду на *Счастіе,* былЪ сыномЪ ремесленника. Бѣдный отецЪ, забытый имЪ, услыша, что будутЪ играть новую его комедію, подЪ названіемЪ: *Пышный* или *великолѣпный,* поспѣшилЪ вЪ театрЪ, и услыша рукоплесканія, устремился кЪ сыну. Тщеславный сынЪ отвергЪ добраго отца. Вскорѣ за наглые стихи изгнанЪ онЪ былЪ изЪ Франціи. ВЪ надгробной его сказано, что *„тридцать лѣтЪ достоинЪ былЪ „онЪ зависти, а другія тридцать лѣтЪ „жалости.“*

Слава не рѣдко угасаетЪ, а добродѣтель никогда. Любовь сыновняя есть вѣнецЪ добродѣтели.

ОТРОЧЕСКІЯ ЛѢТА ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА.

„Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣта."
И. И. Дмитріевъ.

Сладостно, пріятно воспоминать зарю жизни, проведенную подъ роднымъ кровомъ. Сладостно воспоминать нѣжность, любовь и заботы матери и отца! Сладостно воспоминать все то, что голосъ ихъ передавалъ сердцу и уму!

Такимъ счастіемъ насладился И. И. Дмитріевъ. Первыя наставленія слышалъ онъ изъ устъ матери, и сей властительный голосъ любви изобразилъ потомъ въ семъ душевномъ стихѣ:

„Гласъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ!"

И можетъ ли искуственное краснорѣчіе дѣйствовать съ такою силою, съ какою владычествуетъ надъ сердцемъ непринужденный голосъ любви материнской?

Нѣжная мать нашего Поэта любила отечественную Словесность. Современниками ея были *Ломоносовъ* и *Сумароковъ.* Извѣстно, что тогда трагедіи сего послѣдняго извлекали слезы и поражали душу.

Память матери-наставницы обогащена была многими мѣстами изъ сочиненій Сумарокова, между прочимъ и Одою на побѣды Петра Перваго. Однажды, читая сію Оду наизусть, заставила переписывать ее старшаго сына; а младшій, Иванъ Ивановичь, стоялъ и ловилъ каждое слово памятью и сердцемъ. Стихи, произносимые устами матери, придаютъ всему новую жизнь.

Начало сей Оды:

„Быстры пѣсни сплетая,
Яко дерзостный орелъ."

При семъ семейственномъ происшествіи юному питомцу матери въ первый разъ преобразователь Россіи представился во всемъ величіи славы своей. Ему казалось, что Петръ Первый и Великій ожилъ, когда уста матери произносили слѣдующіе стихи:

„Цесарь страшенъ былъ въ день брани,
Августъ покорилъ весь свѣтъ,
Къ Александру носятъ дани,
Гдѣ лишь мечъ его сверкнетъ.
Петръ природу премѣняетъ,
Новы души въ насъ влагаетъ;
Строитъ войско, входитъ въ понтъ;
И во дни сея премѣны
Мещетъ пламень, рушитъ стѣны,
Гнетъ и движетъ горизонтъ."

Въ сихъ стихахъ дѣйствительно есть все то, что должно быть въ одѣ: *жизнь, огонь* и *движеніе.*

Съ того уже времени возникшее чувство стихотворства переносило вообраԅеніе отрока-поэта на берега Финскаго залива, къ тому домику, который Основатель Петербурга называлъ *своею отрадою;* — къ тому домику, который Петръ

„Утѣшеніемъ царевъ,
Въ память, что онъ тутъ судами
Грозными владѣлъ водами
И подвигнулъ глубину."

Неявственное еще пробужденіе стихотворческаго духа ощущалъ въ душѣ своей питомецъ матери: но другой случай открылъ ему, что онъ родился поэтомъ.

Часто, весьма часто отецъ нашего Поэта въ кругу семейственномъ пересказывалъ о знаменитыхъ современникахъ и о событіяхъ, совершившихся при Петрѣ Первомъ, и о всемъ томъ, что переживаетъ и годы и вѣки. Слава отечественная во всемъ сіяніи своемъ напечатлѣлась въ воображеніи отрока. Въ одно утро отецъ читалъ вслухъ Оду Ломоносова на взятіе *Хотина.* Восхищеніе отрока постепенно умножалось; но слѣдующія три строфы перенесли его воображеніе за предѣлъ видимаго

міра, въ очаровательную область мечтаній:

„Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладѣютъ жилы, сердце ноетъ.
Что бьетъ за странной шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ;
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Умытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, Герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Готескимъ приплывалъ брегамъ;
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрой конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ входящу къ намъ денницу.

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И, чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на Югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиритель странъ Казанскихъ?

Каспійски воды! Сей при васъ
Селима гордаго потрясъ.“

Тутъ можно припомнить, что и *Лафонтенъ*, сей первый баснописецъ въ общей Словесности, при чтеніи Оды однимъ молодымъ военнымъ человѣкомъ, почувствовалъ первое вдохновеніе стихотворческаго дарованія. Вотъ почему и не должно слишкомъ сердиться на *Оды*. Пареніе ихъ воспламеняетъ въ то время душу, когда мы болѣе *чувствуемъ*, нежели *умствуемъ*. А люди, рожденные къ величественнымъ вдохновеніямъ, рано начинаютъ жить воображеніемъ и сердцемъ.

И такъ, подъ кровомъ домашнимъ родились въ душѣ нашего Поэта и жизнь сердечная и непреодолимое стремленіе увѣковѣчить имя свое на поприщѣ Словесности.

Всѣ почти сочиненія И. И. Дмитріева можно назвать принапоминаніями золотыхъ дней отроческихъ лѣтъ. Онъ возросъ на берегахъ величественной Волги; онъ внималъ изъ устъ отца своего о безсмертныхъ сынахъ Россіи; и всѣ сіи напоминанія въ неугасимомъ блескѣ оживилъ въ произведеніяхъ пера своего.

Въ подтвержденіе сего приведу стихи, начертанные животворною кистью Батюшкова. Вотъ сіи отголоски сердца Поэта, всегда говорящаго сердцамъ:

„Какъ часто Дмитріевъ, расторгнувъ свѣтскія узы,
Водилъ насъ по слѣдамъ своей счастливой Музы,
Столь чистой, какъ струи царицы свѣтлыхъ водъ,
На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный восходъ
Пѣвецъ Сибирскаго Пизарра вдохновенный! . . .
Такъ, свыше нѣжною душею одаренный,
Піитъ, отъ юности до сребряныхъ власовъ,
Лелѣетъ въ памяти страну своихъ отцовъ."

X.

ЧУВСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА КЪ ПАМЯТИ НѢЖНОЙ МАТЕРИ.

Первымъ воззрѣніемъ матери на колыбель младенца, первою ея улыбкою, первою ея ласкою освѣтляется трудный и столь часто туманный путь жизни; напоминаніе о сей животворительной любви остается, такъ сказать, сладостнымъ *бытіемъ сердечнымъ*. Въ горестяхъ, въ дальной сторонѣ, вездѣ взоры и нѣжныя ласки матери бываютъ вѣрными и неразлучными сопутниками мыслей нашихъ и души.

Н. М. Карамзинъ не насладился отрадами любви материнской; но съ какою прелестію изобразилъ онъ сіе

чувствіе по внушенію своего сердца! Вотъ сей голосъ незабвеннаго воспоминанія о матери:

„Ахъ! я не зналъ тебя!... Ты, давъ мнѣ жизнь,
сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбой:
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой.
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли;
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ твоей могилы!....
Но образъ твой священный, милый,
Въ груди моей напечатлѣнъ
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство;
Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой
Хранила ты мое безопытное дѣтство;
Ты въ лѣтахъ юноши меня къ добру влекла,
И совѣстью моей въ часъ слабостей была.
Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю
И въ вѣчности тебя узнаю!..“

Проходя обширное поприще Россійской Исторіи, Н. М. Карамзинъ лучшее отдохновеніе находилъ въ кругу своего семейства. Вмѣстѣ съ попечительною супругою надзиралъ онъ надъ воспитаніемъ дѣтей своихъ: каждый ве-

черъ обозрѣвалъ уроки, преподаваемые учителями; каждый день наблюдалъ, въ чемъ успѣли его дѣти на поприщѣ ученія, или почему остановились. Такое воспитаніе есть вѣрный залогъ для сердца и ума; любовь отца-наставника запечатлѣется навсегда въ душахъ питомцевъ нашего Исторіографа.... Во всѣ дни жизни своей, на всѣхъ путяхъ существованія своего, они будутъ помнить, что голосъ вѣщателя Русской славы училъ ихъ, какъ быть полезными Отечеству и обществу. Пусть перейдетъ къ нимъ въ наслѣдство та душевная благость, которою украшалась вся жизнь незабвеннаго ихъ отца!

Душа его жила Отечествомъ и для Отечества. «Онъ любилъ Отечество, говоритъ Батюшковъ, какъ *Цицеронъ* любилъ Римъ; онъ любилъ добродѣтель, какъ пламенный ея почитатель; и всегда во всѣхъ случаяхъ жизни остался вѣренъ своей благородной *страсти*.“

XI.

СУВОРОВЪ-НАСТАВНИКЪ ЮНЫХЪ ВОИНОВЪ

И ЛЮБИТЕЛЬ ВОСПИТАНІЯ.

Суворовъ, гремящій славою вездѣ, гдѣ уважаютъ ревностныхъ защитниковъ Отечества и искреннихъ друзей человѣчества: Суворовъ не скрылъ съ собою въ гробъ правилъ своихъ. Мечемъ поражалъ онъ тѣхъ, которые отвлекали человѣчество отъ вѣры и добродѣтели; перомъ передавалъ душу свою потомству.

Вотъ безсмертныя начертанія души его:

«По званію военныхъ людей вникайте прилѣжно въ сочиненія *Вобана, Когорна, Кюрасса, Гюбнера;* учитесь отчасти Богословіи, Физики и Нравственности. Внимательно читайте *Евгенія, Тюрення*, записки *Юлія Кесаря, Фридриха Втораго,* первыя части *Ролленевой* Исторіи и мечтанія Графа де *Сакса.* Языки полезны для Словесности; упражняйтесь въ верховой ѣздѣ, въ шпажномъ искуствѣ и въ танцованіи.

«Военныя добродѣтели суть: отважность для солдата, храбрость для Офицера, мужество для Генерала. Вое-

начальникЪ, руководствуясь порядкомЪ и устройствомЪ, владычествуетЪ сЪ помощію неусыпности и предусмотрѣнія.

«Будьте откровенны сЪ друзьями, умѣренны вЪ нужномЪ и безкорыстны вЪ поведеніи. Пламенѣйте усердіемЪ кЪ службѣ Государя.

«Любите истинную славу; отличайте честолюбіе отЪ надменности и гордости.

«Привыкайте заранѣе прощать погрѣшности другихЪ, и не прощайте никогда себѣ своихЪ погрѣшностей.

«Обучайте ревностно подчиненныхЪ и давайте имЪ примѣрЪ собою.

«Непрестанное упражненіе вЪ томЪ, какЪ все обнять однимЪ взглядомЪ, учинитЪ васЪ великими Полководцами. Умѣйте пользоваться мѣстоположеніемЪ.

«Будьте терпѣливы вЪ военныхЪ трудахЪ, не унывайте отЪ неудачь. Умѣйте предупреждать обстоятельства ложныя и сомнительныя; не предавайтесь безвременной запальчивости.

«Храните вЪ памяти своей имена великихЪ людей и руководствуйтесь ими вЪ походахЪ и дѣйствіяхЪ своихЪ сЪ благоразуміемЪ; не презирайте никогда непріятеля, каковЪ бы онЪ ни былЪ; ста-

райтесь узнать его оружіе и способъ, какъ онымъ дѣйствуетъ и сражается, изслѣдуйте силы и слабость его.

«Привыкайте къ дѣятельности неутомимой.

«Управляйте счастіемъ; одинъ мигъ доставляетъ побѣду. Покоряйте себѣ счастіе быстротою *Кесаря*, который умѣлъ уловлять непріятеля своего даже днемъ, окружать его и нападать на него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотѣлъ, и въ то время, когда желалъ; отрѣзывайте у него всякаго рода запасы, и увѣнчайтесь искуствомъ, чтобы войско ваше никогда не нуждалось въ продовольствіи.»

Похвально издавать полезныя правила; еще похвальнѣе подтверждать ихъ примѣромъ своимъ. Суворовъ, любимецъ славы и побѣдъ, былъ самъ любителемъ воспитанія. Въ Полковничьемъ еще чинѣ, находясь съ полкомъ въ *Новой Ладогѣ*, онъ на собственное иждивеніе учредилъ училище для десяти бѣдныхъ дворянъ. Славу не рѣдко оспориваютъ, но любовь, пріобрѣтенная любовью, остается въ сердцахъ. Жители *Новой Ладоги* отдали сердца свои не Герою *Италійскому*, но Суворову, другу добра. Въ *Новой Ладогѣ* существуетъ церковь, сооруженная Суворовымъ.

Болѣе сорока семи лѣтъ уже минуло со времени созиданія сей церкви, но обыватели помнятъ, что она сооружена и богато украшена внутри дарами, принесенными усердіемъ созидателя. Говорятъ, что граждане *Новой Ладоги* при сей церкви намѣрены устроить кладбище въ память Героя *Рымникскаго* и *Италійскаго*. Можно было бы въ томъ же городѣ учредить училище для бѣдныхъ и назвать оное: *Училищемъ Суворовскимъ*. Одна сія надпись свидѣтельствовала бы, что слава Суворова всегда нераздѣльна была съ усердіемъ къ добру.

Пріятно также припомнить, что Суворовъ по добротѣ своего сердца, какъ будто бы *породнился* съ обывателями *Новой Ладоги*. Хотя старинная пословица и говоритъ, что *почести перемѣняютъ нравы;* но душа Суворова была выше сей перемѣны. 1788 года, то есть, въ то время, когда уже имя Героя гремѣло въ полкахъ Русскихъ, проѣзжая черезъ *Новую Ладогу* вмѣстѣ съ дочерью своей, онъ остановился въ домѣ стариннаго своего знакомца, купца Ефрема Ивановича *Шарова*. Уважая его добродѣтели, Герой приказалъ и дочери своей и всѣмъ бывшимъ съ нимъ называть Ефрема Ивановича *дѣдушкою*.

Сіе названіе выговаривалъ онъ съ тою искреннею ласкою, которая въ Героѣ заставляла забывать Героя и показывала друга людей и добродѣтели. «Да удалятся отъ насъ, сказалъ одинъ знаменитый витія: да удалятся отъ насъ Герои, нелюбители человѣчества!» И мы то же повторимъ. Но съ Суворовымъ неразлучны были и слава и добродѣтель. Благость есть вѣнецъ славы; сей вѣнецъ принадлежалъ Герою Римникскому и Италійскому. Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1791 года, Герой нашъ сказалъ: *я живу въ непрестанной мечтѣ.* По влеченію сей мечты, онъ часто посѣщалъ *Старую Ладогу,* гдѣ, взирая на развалины Рурикова замка, размышлялъ подобно *Оссіану,* любимому его Поэту, что «все созидаемое руками человѣческими заростаетъ мохомъ пустыннымъ и блескъ земной славы изчезаетъ какъ призракъ, мелькнувшій въ пространствахъ воздушныхъ.» Но добро не умираетъ. Воспоминая о Героѣ нашемъ, мы воспоминаемъ и о той добродѣтели, которою привлекалъ онъ сердца и оставилъ въ нихъ память незабвенную, память благодарности къ другу человѣчества.

XII.

ОБНОВЛЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ Боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву.

Гробница Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева обновлена послѣ 1812 года Графомъ Н. П. Румянцовымъ, правнукомъ его.

Одна изъ дочерей Андрея Артемоновича, сына сего знаменитаго Боярина, была въ супружествѣ за отцемъ Графа Румянцова *Задунайскаго*; другая за Княземъ Васильемъ Ивановичемъ Мещерскимъ, третія за Д. А. Шепелевымъ.

Всѣ главныя черты исторіи о невинномъ заключеніи и жизни Боярина Матвѣева переданы были Княземъ Василіемъ Ивановичемъ Мещерскимъ Н. И. Новикову. Издатель посвящая сію Исторію Графу Румянцову *Задунайскому*, говоритъ; «Издавая въ свѣтъ Исторію о невинномъ заточеніи ближняго Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, не могъ я никому посвятить ее пристойнѣе, кромѣ Вашего Сіятельства, его правнука и преемника всѣхъ его добродѣтелей.»

«Бояринъ Артемонъ Сергѣевичь, продолжаетъ Издатель его Исторіи: достоинъ общаго прославленія за то, что въ теченіе всей своей жизни способшествовалъ къ благу Государства, и наконецъ, спасая Государя и Отечество, запечатлѣлъ заслуги свои кровію.»

Въ сихъ краткихъ и разительныхъ словахъ изображена вся жизнь Боярина Матвѣева: онъ жилъ для Отечества и умеръ за Отечество.

Франція славилась тѣмъ, что Король Генрихъ IV имѣлъ друга въ Министрѣ своемъ *Сюллі*: а мы утвердительно можемъ сказать, что сія рѣдкая слава принадлежитъ Царю Алексѣю Михайловичу и ближнему его Боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву. Сей Бояринъ дѣйствительно былъ *близокъ* къ нему и по сердцу и по заслугамъ.

Чѣмъ же знаменитый нашъ Бояринъ снискалъ любовь Царскую? Трудами неутомимыми, вѣрностію къ Престолу, безпредѣльною любовію къ Отечеству, милосердіемъ къ народу, правосудіемъ, мудростію въ дѣлахъ политическихъ и военныхъ.

Честь и слава тѣмъ потомкамъ, которые сохраняютъ подробности о славѣ предковъ своихъ. Сею славою увѣнчался Князь Василій Ивановичь Мещерской: онъ сохранилъ для насъ пись-

мо Царя Алексѣя Михайловича, отправленное къ Боярину Матвѣеву, когда онъ находился съ войсками подъ Смоленскомъ.

Вотъ сіе достопамятное письмо: «Другъ мой, Артемонъ Сергѣевичь! пріѣзжай къ намъ поскорѣе. Дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли; за ними нѣкому присмотрѣть, а мнѣ безъ тебя посовѣтоваться не съ кѣмъ.»

Это письмо напоминаетъ о письмѣ Филиппа Царя Македонскаго, препровожденнаго къ Аѳинскому Философу *Аристотелю*. «Не за то, писалъ Филиппъ, благодарю я боговъ, что они дали мнѣ сына Александра; но за то, что они дали мнѣ его при жизни Аристотеля.»

И такъ уваженіе къ благоразумнымъ наставникамъ существовало во всѣ времена. Жизнь нравственная есть вторая жизнь, утверждающая достоинство человѣка.

Незабвенное свидѣтельство любви народной къ Боярину Матвѣеву сохранено намъ также Внукомъ его, Княземъ Василіемъ Ивановичемъ Мещерскимъ. Сія любовь народная ознаменовалась торжественно при слѣдующемъ случаѣ.

У ближняго Царскаго Боярина былъ тѣсный, небольшой и ветхій домъ въ приходѣ Николы въ *Столпахъ*, между Мяс-

ницкою и Покровкою. Царь неоднократно убѣждалъ Матвѣева, чтобы онъ на его счетъ перестроилъ домъ, но Русской Бояринъ, не стараясь обременять себя милостями Государя и друга своего, отзывался, что когда исправится съ деньгами, то самъ приступитъ къ поновленію дома. Матвѣевъ въ самомъ дѣлѣ заготовилъ запасы; не доставало только камней на основаніе. Любовь народная догадлива и услужлива. Стрѣльцы и обыватели Московскіе съ гробовъ своихъ отцевъ привезли камни къ благодѣтельному Боярину и сказали: «Мы привезли къ тебѣ камни съ гробовъ отцевъ и предковъ нашихъ; денегъ намъ не надобно: даримъ тебя, нашего благодѣтеля.»

Матвѣевъ о семъ поступкѣ немедленно извѣстилъ Царя; Царь отвѣчалъ: «Прими, мой другъ! сей подарокъ отъ народа. Видно, что онъ усердно тебя любитъ: онъ обнажилъ для тебя гробы своихъ отцевъ. Такой подарокъ и я бы принялъ.»

И такъ, сколь священъ гробъ того Россіянина, для котораго любовь народная обнажила гробы прародительскіе! Бояринъ Матвѣевъ *семь* лѣтъ страдалъ отъ клеветниковъ и враговъ, уловившихъ въ сѣти свои добродушіе

юнаго Θеодора. Онъ былъ сосланъ и лишенъ всѣхъ почестей безъ суда. Вторая супруга Царя Θеодора Алексѣевича, Царица Марθа Матвѣевна, изъ рода Апраксиныхъ, вступилась за невиннаго страдальца. Θеодоръ изрекъ прощеніе, но умеръ, не дождавшись друга отца своего.

При воцареніи Петра и Наталіи, Стольникъ *Алмазовъ* посланъ былъ къ Матвѣеву, чтобы онъ поспѣшилъ въ Москву. Напротивъ того отговаривали Матвѣева отъ поѣздки въ престольный градъ, извѣщая, что ему предстоитъ неизбѣжная погибель отъ ненависти враговъ его. «Поѣду въ градъ престольный, возразилъ Матвѣевъ: претрудженныя очи мои отъ старости и страданія увидятъ Царя и Царицу. Радъ и готовъ умереть за Царя и Отечество.»

Матвѣеву все было возвращено: и Боярство и имущество. «Но, прибавляетъ Лѣтопись: неиспытанныя Божіи судьбы, уму человѣческому непостижимыя, опредѣлили Матвѣеву прожить только три дни (*).» Въ день 15 Маія 1682 года, яростнымъ и жестокимъ стремленіемъ стрѣльцовъ исторгнутъ

(*) Смот. Лѣтопись, стр. 421.

онъ былъ изъ рукъ Царскихъ, брошенъ на площадь отъ стороны Собора *Благовѣщенскаго* и изрубленъ при звукѣ великаго Кремлевскаго набата и при непрестанномъ боѣ барабанномъ.

Скорбя о страдальческой смерти Матвѣева, современники его говорили: «Блаженны тѣ, которыхъ поносятъ и преслѣдуютъ: ибо награда ихъ на небесахъ. Нечестивые изчезнутъ до конца (*).» Изчезли враги и убійцы Матвѣева, а имя его живетъ и въ Лѣтописяхъ Отечественныхъ и въ сердцахъ Россіянъ.

XIII

СТЕПАНЪ ЮРЬЕВИЧЬ ХРАПОВИЦКІЙ.

Сей Русскій Дворянинъ и помѣщикъ Смоленской, подобно Суворову, одушевлялся усердіемъ къ воспитанію бѣдныхъ Дворянъ. Вышедъ въ отставку, онъ посвятилъ себя подвигамъ добра и человѣколюбія. На собственномъ его иждивеніи воспитывались нѣсколько бѣдныхъ дѣтей дворянскихъ. Доставя

(*) Лѣтопись.

имъ ученіе, нужное для службы военной, онъ съ отцовскою заботливостію старался объ опредѣленіи ихъ. Но и вступленіе ихъ въ службу не прекращало сношенія его съ ними. Каждый изъ сихъ питомцевъ во всѣхъ своихъ нуждахъ имѣлъ право къ нему относиться, и онъ всегда помогалъ имъ готовою рукою и готовымъ сердцемъ.

Не нужно говорить, что Степанъ Юрьевичь былъ отцемъ крестьянъ, которыхъ почиталъ дѣтьми, ввѣренными ему Провидѣніемъ. Не прибѣгая ни къ какимъ нововымышляемымъ средствамъ къ обогащенію, онъ полагалъ земледѣліе основаніемъ сельскаго хозяйства. Поля, нивы и селенія его процвѣтали изобиліемъ.

Счастливъ тотъ, кто дѣлится съ другими дарами счастія! Давно уже нѣтъ въ семъ мірѣ благодѣтеля бѣдныхъ, но имя его живетъ въ сердцахъ, любящихъ добродѣтель.

XIV.

ОБОЗРѢНІЕ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА РЕКЕТМЕЙСТЕРА АРКАДІЯ ИВАНОВИЧА ТЕРСКАГО.

Полководцы защищаютъ Отечество отъ внѣшнихъ и врутреннихъ нападеній враговъ; Государственные Чиновники оберегаютъ душу Отечества; душу, заключающуюся въ правосудіи, порядкѣ, въ пожертвованіи собою пользамъ общественнымъ; наконецъ, животворимую тѣмъ *добросердечіемъ*, безъ котораго всѣ качества Государственныхъ Чиновниковъ какъ будто бы для нихъ только существуютъ. Не всѣхъ просителей можно удовлетворить; но каждаго можно утѣшить ласкою и привѣтливостію. Слова искренняго доброжелательства переселяются въ души людей, прибѣгающихъ къ покровительству распорядителей ихъ жребія. Симъ кроткимъ голосомъ Чиновникъ Государственный можетъ осушить слезы вдовъ и сиротъ; примирить съ надеждою бѣдныхъ отцевъ и матерей; разсѣять мракъ ихъ скорби на день, на два, на нѣсколько дней. А и сего уже иногда довольно въ сей жизни скоротечной, гдѣ слабый и сильный,—гдѣ всѣ на шагѣ отъ темной мо-

гилы, пріемлющей въ нѣдра свои и покровителей и просителей.

„Торопитесь дѣлать добро не *завтре*, но *нынѣче!*"

Такъ говорилъ великій Полководецъ Суворовъ; такому же слѣдовалъ правилу современникъ и искренній его почитатель Государственный Чиновникъ Аркадій Ивановичь Терскій, *ходатай за утѣсненныхъ* въ царствованіе Екатерины Второй, сей милосердой матери народа.

Добросердечіе есть основаніе всѣхъ превосходныхъ качествъ людей Государственныхъ: *добросердечіемъ* украшались всѣ дѣянія *Терскаго*, стоявшаго на неусыпной стражѣ къ защитѣ слабыхъ и невинныхъ.

Жизнь Терскаго не обильна необычайными произшествіями; мирно протекали дни его, посвященные Отечеству и Престолу. Безмятежными путями переходилъ онъ отъ одного званія къ другому: и каждый переходъ его службы ознаменовывался новыми заслугами. Мирная его жизнь сопровождалась долголѣтіемъ, изъявляющимъ, что не упражненія, но порывистыя страсти преждевременно изнуряютъ жизнь человѣческую.

Аркадій Ивановичь Терскій родился 1732 года, вступилъ въ службу 1744, вышелъ въ отставку 1796, а умеръ 1815 го-

да. Сіе одно изложеніе лѣтъ показываетъ, какихъ многоразличныхъ и необычайныхъ произшествій былъ онъ свидѣтелемъ! Переходя различныя степени служенія, онъ увѣнчался и новыми наградами, всегда ожидающими въ Россіи ревностныхъ, постоянныхъ и праводушныхъ Чиновниковъ. Въ Отечествѣ нашемъ *порода* не преграждаетъ путей ни къ чему: личныя достоинства и заслуги ведутъ ко всѣмъ преимуществамъ. Смѣло можно сказать, что ни въ одномъ изъ такъ называемыхъ *вольныхъ правительствъ* не существовало такихъ преимуществъ, пріобрѣтаемыхъ личными заслугами, какъ въ Россіи. Славенъ былъ въ древнемъ Римѣ *Цицеронъ*; его именовали *отцемъ отечества* и *краснорѣчія;* но гордые Римскіе Вельможи, жившіе въ республикѣ, не могли забыть, что Цицеронъ происходилъ не изъ дворянскаго поколѣнія. Въ Россіи все замѣняется истинными и личными достоинствами. Обладающій оными становится на ряду съ древними дворянскими родами, въ число которыхъ включается онъ Уставами Самодержавной власти, взирающей не на лица, но на достоинства и на заслуги Отечеству.

Слѣдующая грамота, данная Терскому 1783 года, непреложно о томъ свидѣтельствуетъ.

,,Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому особливо чрезъ сію Нашу жалованную грамоту, вѣщаетъ Великая Екатерина: что хотя Мы по Самодержавной отъ Всемогущаго Бога Намъ данной Императорской власти и по природной Нашей милости и щедротѣ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ честь, пользу и приращеніе Всемилостивѣйше всегда защищать и поспѣшествовать имъ желаемъ, однакожъ наипаче къ тому склонны, чтобъ тѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ и ихъ роды честію, достоинствомъ, такожъ и особливою Нашею милостію по ихъ состоянію награждать, повышать и надлежащими преимуществами жаловать, во оныхъ подтверждать, которые по всегдашней своей къ службѣ Нашей ревности Намъ и государству Нашему особливыя предъ прочими услуги и вѣрность показываютъ.

,,А извѣстно Намъ, что Нашъ вѣрноподданный Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, правящій должность Генералъ-Рекетмейстера и Кавалеръ Ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра третьей степени Аркадій Терскій въ службу вступилъ въ 1744 году, въ 1758 году по опредѣленію Сената Нашего, написанъ въ Дворянской списокъ и пожалованъ Коллегіи-юнке-

ромъ, въ 1760 Коллежскимъ Секретаремъ, въ 1763 Секретаремъ Капитанскаго чина, въ 1765 Сенатскимъ Секретаремъ, въ 1769 Надворнымъ Совѣтникомъ, въ 1775 Сената Оберъ-Секретаремъ, въ 1780 опредѣленъ въ должность Генералъ-Рекетмейстера и пожалованъ Статскимъ Совѣтникомъ, въ 1784 году Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и во всю его продолжаемую службу оказывалъ тщаніе, трудолюбіе и прилѣжность, за что Мы въ знакъ Нашего къ нему благоволенія въ 1783 году 22 Сентября пожаловали и Орденомъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени; но какъ онъ на дворянское достоинство жалованной грамоты и герба не имѣетъ, то Мы, въ воздаяніе ревностныхъ его Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Кавалера Терскаго заслугъ, також и по Нашей Императорской склонности и щедротѣ, которую Мы для награжденія добродѣтелей ко всѣмъ Нашимъ подданнымъ имѣемъ и по дарованной Намъ отъ Всемогущаго Бога Самодержавной власти, Всемилостивѣйше соизволили помянутаго Нашего Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Кавалера Аркадія Терскаго въ вѣчныя времена, въ честь и достоинство Нашей Имперіи Дворянства, равно обрѣтающемуся въ

Нашей Всероссійской Имперіи, царствахъ, княжествахъ и земляхъ прочему дворянству возвести, постановить, пожаловать и подтвердить, яко же Мы симъ и силою сего его Терскаго въ вѣчныя времена въ честь и достоинство Нашей Имперіи Дворянства, возводимъ, постановляемъ и жалуемъ, и въ число прочаго Всероссійской Имперіи дворянства такимъ образомъ включаемъ, чтобъ ему и потомству его по нисходящей линіи въ вѣчныя времена всѣми тѣми вольностьми, честью и преимуществомъ пользоваться, которыми и другіе Нашей Всероссійской Имперіи дворяне по Нашимъ правамъ, учрежденіямъ и обыкновеніямъ пользуются."

Съ 1780 года въ званіи Генералъ-Рекетмейстера или *ходатая* за *утѣсненныхъ*, Терскій учинился по своей части неусыпнымъ сотрудникомъ Екатерины Второй, о которой Ломоносовъ сказалъ:

„Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
Твой разумъ наше просвѣщенье,
И неусыпность намъ покой."

При первомъ извѣстіи о жребіи притѣсненныхъ или почитавшихъ себя таковыми, Терскій немедленно вытребывалъ дѣло и занимался изслѣдованіемъ онаго съ Матерью народа.

Екатерина, научавшая Государей царствовать; Екатерина, знакомая со славою Героевъ: сія незабвенная Царица и на поприщѣ защиты правоты и невинности, подавала примѣръ своему *Рекетмейстеру* и какъ будто бы спорила съ нимъ въ неусыпности сего труда. Собственноручныя ея записки къ Терскому служатъ тому доказательствомъ. Однажды писала она къ нему:

„Возвратите ко мнѣ экстракты мои, кои я вамъ отдала при заготовленныхъ Указахъ, кои вы вчерашній день возвратно вручили, и прикажите для меня списать: опредѣленіе Вотчиннаго Департамента по дѣлу Чевкиныхъ; оно мнѣ нужно при моей работѣ.“

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова въ Іюлѣ 1793 года, писала къ нему: „М. Г. Аркадій Ивановичь! По дружескому и милостивому вашему обѣщанію дать мнѣ наставленіе, извините, ежели я симъ Ваше Превосходительство затрудняю, включая при семъ двѣ копіи, кои я достала съ производимыхъ дѣлъ. 1-я О деньгахъ, коими мнѣ *Юрьевичъ*, по Бѣлорускимъ моимъ деревнямъ должнымъ состоитъ. Великодушная Государыня не желаетъ того, чтобы частной человѣкъ терялъ без-

винно собственность свою. 2-я По записи Настасьи Михайловны о слободѣ *Черявкѣ.* Я полагаюсь во всемъ на совершенное ваше знаніе въ законахъ и разумъ вашъ. Покорнѣйше прошу здѣлать одолженіе, разсмотрѣть оныя и приказать написать ваши примѣчанія или луше сказать ваши мнѣ предписанія, что мнѣ въ семъ случаѣ дѣлать: отозваться ли въ Сенатъ, или просить Ея Величество чрезъ васъ, какъ Генералъ-Рекетмейстера?"—

За годъ до кончины своей Императрица Екатерина пожаловала Терскому шесть сотъ душъ въ Бѣлорусскомъ краю.

Съ заслугами ревностнаго чиновника соединялись всѣ награды, не къ поощренію его къ трудамъ, ибо труды сіи одушевлялись содѣйствіемъ Екатерины; но къ засвидѣтельствованію, что полезный и неусыпный трудъ достоинъ все пріобрѣтать.

Не стало Екатерины Второй. Сынъ Ея, Павелъ Первый, уважая службу и труды Терскаго, наградилъ его Орденомъ первой степени С. Анны.

Терскій вышелъ въ отставку съ сладостными напоминаніями о томъ, что былъ ходатаемъ за утѣсненныхъ. И съ какимъ наслажденіемъ представлялъ онъ себѣ тѣ часы, когда отиралъ

слезы злополучныхъ, когда защищалъ правоту, когда подкрѣплялъ невинность! Сіи несравненныя минуты составляютъ *второе бытіе* друга правоты и защитника утѣсненныхъ. Быстро улетаютъ шумныя утѣхи; притупляются даже и чувствованія, поселяемыя въ сердцахъ громомъ военной славы, естьли сія слава не сопровождается добродѣтелью. Но ничто не можетъ ослабить въ душѣ безмятежныхъ напоминаній о добрѣ.

XV.

АНЕКДОТЫ О ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ (*).

Въ краткомъ обозрѣніи жизни Генерала-Рекетмейстера Терскаго, мы видѣли изъ собственноручныхъ записокъ Екатерины Второй, что сія мать народа нерѣдко требовала *экстрактовъ* изъ дѣлъ, у него находившихся. Кромѣ сихъ безсрочно насылаемыхъ требованій, Терскому назначены были два докладные дни въ недѣлю.

Однажды по выслушаніи докладовъ, Императрица сказала Терскому: „Никита Ивановичь (**) подалъ мнѣ списокъ о содержащихся за долги. Я что-то худо вѣрю, подлинно ли состоятъ на лицѣ всѣ поименованные въ спискѣ, и нѣтъ ли распущенныхъ по домамъ?"—Возможно ли, Всемилостивѣйшая Государыня! отвѣчалъ Терскій. Не только Оберъ-Полицмейстеръ, да и никто не отважится докладывать Вамъ ложно.—

(*) Сія анекдоты сообщены Издателю семействомъ покойнаго Генералъ-Рекетмейстера. Все то, что относится къ памяти благодѣтельныхъ нашихъ ГОСУДАРЕЙ, все то есть сокровище Отечественное. Малѣйшія подробности, изъявляющія ихъ душу, для насъ драгоцѣнны.

(**) Рылеевъ, тогдашній С. Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ.

„На этотъ разъ, возразила Екатерина, Я тебѣ докажу, что Я дѣйствительно не ошибаюсь въ моей догадкѣ. Возьми списокъ, отправься самъ въ тюремной замокъ и повѣрь по списку содержащихся въ ономъ за долги.“ Терскій немедленно поспѣшилъ къ Оберъ-Полицеймейстеру и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ замокъ. Начинается перекличка; сперва слышно откликаніе; но вскорѣ при провозглашеніи другихъ именъ, хранится глубокое молчаніе. Не оказалось на лицѣ пятнадцати *арестантовъ*. Терскій и Рылеевъ ужаснулись и изумились. Оберъ-Полицеймейстеръ съ грозными словами оборотился къ смотрителю: „Гдѣ арестанты? ты вѣрно распустилъ ихъ по домамъ: какъ смѣлъ ты это сдѣлать?“ —Ваше Превосходительство! отвѣчалъ смотритель: они содержались за долги; извольте справиться о томъ по книгѣ. Севодни рано на разсвѣтѣ пришелъ Архіерейскій служка, внесъ за каждаго деньги отъ имени неизвѣстнаго и арестанты получили свободу,,— Оба усердные чиновники возвратились къ Екатеринѣ.“ Милосердая Государыня, искупившая заключенныхъ, встрѣтила ихъ съ улыбкою. „Что же? сказала она Терскому, правду ли я говорила?“—Генералъ-Рекетмейстеръ, привыкшій угадывать благотворительные подвиги чело-

вѣколюбивой Екатерины, отвѣчалъ: „Вы правы, Государыня! милость и человѣколюбіе отверзли имъ двери. А кто простеръ къ нимъ благодѣтельную десницу, это извѣстнѣе всего Вашему Величеству." Вы любите соблюдать Евангельское правило: *да не вѣстъ твоя шуйца, что творитъ твоя десница.*

СНИСХОЖДЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Попечительные наши ГОСУДАРИ привыкли рано просыпаться для охраненія общественнаго благоденствія. Нѣкоторые изъ нихъ даже и зарю утреннюю предупреждали. Заботливая матерь Отечества, Екатерина Вторая, также рано пробуждалась. Въ одно утро вставъ, когда еще всѣ спали, и не желая никого потревожить, пошла прямо въ кабинетъ, положила дрова въ каминъ и затопила оный. Вдругъ изъ трубы раздался звучный голосъ: *потуши! потуши!* Екатерина тотчасъ погасила огонь. То былъ голосъ трубочиста, занимавшагося своимъ дѣломъ. Вскорѣ потомъ прибылъ съ бумагами Александръ Андреевичь Безбородко. Императрица съ обыкновенною своею ласкою

разсказала утреннее приключеніе и прибавила: „хотя я немного и испугалась; но хвалю трубочиста: онъ исправенъ въ своей должности.“

Вотъ другой примѣръ ея снисхожденія. Въ одно утро, когда Екатерина слушала докладъ Генералъ-Рекетмейстера, парикмахеръ ея Н. С. Козловъ убиралъ ея волосы. Почувствовавъ, что волосы ея неосторожно захвачены гребенкою, Государыня сказала: *больно!* раза два парикмахеръ такой же подвергся опрометчивости, и Екатерина повторила то же восклицаніе. Наконецъ оборотясь къ Козлову, сказала: *развѣ ты меня думаешь разсердить? но не разсердишь.*

Смотря въ окно изъ ермитажа, Екатерина замѣтила, что изъ кухни отважные шалуны раннею порою нагружали на телегу съѣстные запасы, надѣясь, что въ такое время шалость сойдетъ имъ съ рукъ. У Русскихъ Государей глаза зоркіе, а сердца милосердыя. Екатерина тотъ часъ послала сказать: „Съѣзжайте скорѣе съ двора; а то если Гофмаршалъ увидитъ, то вамъ худо будетъ.“ Такой урокъ стоитъ наказанія.

ВЕЛИКОДУШНОЕ БЕЗПРИСТРАСТІЕ ЕКАТЕРИНЫ.

Однажды выслушавъ различные доклады, Государыня спросила у Генералъ-Рекетмейстера: Нѣтъ ли еще какого дѣла?" Есть, Всемилостивѣйшая Государыня! отвѣчалъ Терской: и дѣло сіе особенной важности. Не соблаговолите ли приказать оное пересмотрѣть какому другому Чиновнику и представить Вамъ выписку?—„А почему это такъ? возразила Екатерина."—Спорющіеся, Государыня! два сильныя лица; могутъ укорить меня въ пристрастіи, —а вѣроятно, что станутъ и досадовать.—Послушай, отвѣчала Екатерина, что я тебѣ на это скажу: *не убойся лица сильнаго, да не даши отвѣта сильнѣйшему.*

ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Терскій пришелъ къ Екатеринѣ съ докладами, когда она причесывалась. „Не прогнѣвайся! сказала она: я слушать буду; а ты садись и читай." Терскій хотѣлъ читать стоя. „Императрица повторила: *садись!* Генералъ-Ре-

кетмейстеръ повиновался и началъ читать: *въ такомъ-то году, такого-то числа, такого-то мѣсяца, такая-то въ поданномъ прошеніи прописываетъ, что мать ея не жалуючи ее....* Остановись, прервала Екатерина вставъ со стула и ударивъ Терскаго по плечу: остановись! дѣло рѣшено!" Генералъ-Рекетмейстеръ съ удивленіемъ прекратилъ чтеніе. „Чему ты удивляешся? продолжала Екатерина: такъ! дѣло рѣшено. Просительницѣ отказать; а дѣло я тебѣ перескажу. Вѣрно мать просительницы мимо дочери отдала кому другому имѣніе?—Точно такъ, Всемилостивѣйшая Государыня! отвѣчалъ Терскій.—„Еслибъ она искала въ матери, прибавила Екатерина: ей бы лучше было. Не потерплю такого вреднаго примѣра, или дѣти потеряютъ къ родителямъ уваженіе и покорность, отъ чего избавь насъ Боже!"

УВАЖЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ КЪ ЗАСЛУГАМЪ.

Старость, слабое зрѣніе и болѣзнь, оказавшаяся въ ногахъ, заставили Терскаго просить у Государыни увольненія отъ службы. „Послужимъ еще вмѣс-

тѣ: отвѣчала Екатерина; я и сама часто хвораю. Я къ тебѣ привыкла; а снова привыкать тяжело. Въ выборѣ можно ошибиться: и я человѣкъ: по болѣзни же ногъ твоихъ пріѣзжай ко мнѣ въ теплыхъ сапогахъ." Какое милосердіе и какое вниманіе!

Такимъ образомъ благодѣтельные Руские Государи пекутся о всемъ томъ, что относится къ усерднымъ служителямъ Престола и Отечества.

ДОВѢРЕННОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ.

Въ одинъ праздничный день Терскій получилъ отъ Императрицы изъ Царскаго Села повелѣніе взять немедленно изъ Сената такое-то дѣло и учиня изъ онаго выписку, представить ей для слушанія. Генералъ-Рекетмейстеръ все исполнилъ по предписанію Екатерины. Во всякое время зависть, недоброхотство и тому подобное стараются надо всѣмъ подыскиваться. По случаю взятія дѣла изъ Сената, подали Государынѣ докладъ, будто бы Генералъ-Рекетмейстеръ переступилъ за предѣлъ обязанностей своихъ: ибо бумаги были разметаны и даже нѣкоторые шкапы приведены въ неустройство. На

семъ докладѣ Екатерина собственною рукою надписала: „кто службою своею при мнѣ слишкомъ 30 лѣтъ ни малѣйшаго не подалъ ни въ чемъ на себя подозрѣнія, то на такого всякое подозрѣніе не у мѣста.“

Милость Монаршая.

Въ поднесенномъ отъ Сената докладѣ къ Новому году, между прочимъ представлено было о Генералъ-Рекетмейстерѣ, чтобы по упразднившемуся мѣсту въ Московскомъ Сенатѣ, перевесть его туда за дѣятельную службу съ повышеніемъ чина. Екатерина произвела Терскаго въ Тайные Совѣтники, наградила Орденомъ второй степени Владиміра и оставила его при прежней его должности.

Съ такою материнскою нѣжностью награждала Екатерина ревностныхъ своихъ чиновниковъ. Служа при столь милосердой Государынѣ, Терской забылъ и старость и болѣзни, и желалъ

единственно неусыпностью своей доказать, что онъ не столько помышлялъ о жизни, сколько о службѣ своей. Благость Государей навсегда запечатлѣвается въ сердцахъ подданныхъ. Современники Петра Перваго, лишась его, говорили: *блаженны тѣ очи, которыя зрѣли сего Монарха!* Такую же память о себѣ оставила и Екатерина Вторая въ душахъ своихъ современниковъ. Бесѣдовать о Ея славѣ, о Ея любви къ народу и о Ея благотворныхъ дѣяніяхъ, составляло новое существованіе для всѣхъ ея чиновниковъ. Съ такими чувствованіями жилъ и кончилъ долголѣтнее свое поприще Аркадій Ивановичь Терскій, личными заслугами достигшій отличныхъ степеней, ревностью и правотою заслужившій довѣренность Императрицы и оставившій по себѣ напоминаніе, сопровождаемое общимъ уваженіемъ всѣхъ цѣнителей истинныхъ заслугъ и любителей Отечественной славы.

Мы уже видѣли, что полученіемъ жалованной грамоты за личныя заслуги, за ревность къ Престолу и за раченіе о пользѣ общей, ознаменовались преимущества предковъ Генералъ-Рекетмейстера и навсегда утвердились права его потомковъ. По рожденію своему

Аркадій Ивановичь Терскій и до грамоты находился въ спискѣ дворянскомъ. Но повторимъ еще: онъ исполнилъ священное обязательство, относящееся къ каждому Русскому дворянину; обязательство, состоящее въ томъ, чтобы ревностно проходя поприще служенія, сохранять честь имени предковъ и оставить въ примѣръ потомкамъ дѣянія, одушевляющія къ любви и славѣ Отечества. Генералъ-Рекетмейстеръ совершилъ сію сугубую обязанность. Онъ былъ стариннымъ дворяниномъ по породѣ, заслуженнымъ по грамотѣ, словомъ, истиннымъ Русскимъ дворяниномъ по душевному ревнію къ пользамъ Престола и Отечества.

XVI.
ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА СУВОРОВА КЪ ГРАФУ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ПАНИНУ.

Долгъ къ Императорской службѣ столь обширенъ, что всякой другой долгъ въ немъ изчезаетъ: честность и благонравіе приносятъ съ собою сіе увѣреніе (*).

XVII.

ПИСЬМО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ (**).

Свѣтлѣйшій Князь,

Милостивый государь!

Съ повинною Вашей Свѣтлости покорнѣйше подношу новыя вѣдомости о некомплектѣ, которыя думаю вѣрны.

(*) Эта мысль изображена была Суворовымъ на особенномъ листѣ. Полнаго письма не отыскалъ я въ его бумагахъ.

(**) Люди предупрежденные. предполагали, будто бы К. Потемкинъ и К. Репнинъ были во враждѣ между собою. Сіе письмо явственно опровергаетъ такое мнѣніе. На поприщѣ славы и чести, на поприщѣ служенія Государственнаго,

Ежели отдѣлить отъ показаннаго списочнаго состоянія оставленныя въ Кіевѣ пять двуротныхъ командъ и одну Архангелогородскаго полка, въ коихъ всѣхъ почитается рядовыхъ и нестроевыхъ 1580 человѣкъ, то останется наличное списочное состояніе пѣхоты въ Молдавіи и Польшѣ.

Поздравляю усердно съ успѣхомъ Полковника Исаева у Бендеръ. Весьма сіе полезно, что уже увидѣли Турки и съ той стороны наши войска; а притомъ чрезъ взятыхъ плѣнныхъ Ваша Свѣтлость изволите узнать какъ о точной силѣ Бендерскихъ войскъ, такъ и о другихъ подробностяхъ, относящихся къ непріятелю.

Пріѣхалъ сюда третьяго дня Ингерманландскаго полка Г. Полковникъ Кнорингъ, и сказалъ мнѣ милостивую вашу всю память, а притомъ, что именно приказали его увѣрить, что скоро сюда пріѣдете. Я столько сему радъ и такъ сего желаю, что почти и вѣры нейму. Въ провіантѣ недостатка не будетъ, а притомъ и подвозъ можно учредить.

Въ первой еще разъ начали говорить о Капитанъ Пашѣ, что изволите

сердца благородныя оживляются соревнованіемъ, но онѣ всегда чуждаются зависти и ненависти.

усмотрѣть изъ показанія одного взятаго Татарина. Что же онъ и его товарищи говорятъ о войскахъ, то совсѣмъ неимовѣрно и кажется съ великимъ умноженіемъ говорено. Изъ Нѣмецкаго приложенія къ моему рапорту Ваша Свѣтлость увидите, что начинаются слухи о перемѣнѣ Визиря, а въ Яссахъ пронесся слухъ о смѣнѣ *Маврогенія*, будто бы изъ извѣстій Бухарестскихъ: второе должно быть слѣдствіемъ перваго. Но и то и другое требуетъ подтвержденія; а хорошо бы, какъ мнѣ кажется.

Съ должнымъ почтеніемъ и проч.

Князь Николай Репнинъ.

При Козмешти.

23 Іюня 1789 г.

P. S. Написалъ уже сіе письмо, когда получилъ Вашей Свѣтлости совершенно милостивое отъ 20 сего мѣсяца, которое меня сердечно обрадовало. Успѣхъ Исаева конечно очень, очень полезенъ. Еще разъ отъ всей души васъ съ симъ поздравляю. Дай Боже, Вамъ и всѣмъ войскамъ милость свою. Коль Онъ съ нами, кто на насъ! я уже зналъ о семъ дѣлѣ чрезъ Дубосарскій постъ, но безъ подробностей. Жаль Чепечу, если больно раненъ. Когда прибудите

сюда съ войсками, то Турки будутъ бояться отъ сей стороны отлучиться и не думаю, чтобы пошли за Днѣстръ, гдѣ также конечно часть оставите. Кантахузену и Ризо тотчасъ прикажу къ вамъ ѣхать. Богъ вамъ поможетъ и на морѣ. Кто на Него уповаетъ, тотъ не постыдится.

24 Іюня.

XVIII.

ПОДЛИННОЕ ИЗВѢСТІЕ О ВЗЯТІИ ИЗМАИЛА, ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА ТАВРИЧЕСКАГО.

Послѣ побѣдъ, одержанныхъ войсками Россійскими въ теченіи настоящей войны и по взятіи крѣпостей Турецкихъ до самаго Дуная, Измаилъ оставался единою преградою дальнѣйшимъ Россіянъ предпріятіямъ и единымъ защищеніемъ предѣловъ Оттоманскихъ.

Порта вѣдала важность сея огромныя и въ наилучшее оборонительное состояніе приведенныя крѣпости: и потому ничего не щадила, чтобъ сдѣлать ее непреодолимою. Многочисленный гарнизонъ ея усиленъ былъ войсками, от-

пущенными изъ Бендеръ, Хотина, Аккермана и Килiи; и послѣ перемирiя съ Австрiею лучшие изъ армiи Визирской войски туда были присланы. Ежедневное пропитанiе отпускалось на сорокъ двѣ тысячи человѣкъ, не считая жителей. Однихъ *далкиличей* считалось пять сотъ шестдесятъ четыре Байрака. Два изъ храбрыхъ ихъ Пашей трех-бунчужные, четыре двухбунчужные и семь Султановъ Татарскихъ были при войскахъ, наполняющихъ сей обширный городъ, который сами Турки именовали городомъ армiи. Сверхъ сухопутныхъ войскъ сильная флотилiя разположена была по всему пространству берега.

Главнокомандующiй армiями Россiйскими на Югѣ Генералъ-Фелдмаршалъ и и Великiй Гетманъ Князь Григорiй Александровичь Потемкинъ Таврическiй, предположа покоренiе сея крѣпости, осадилъ во первыхъ Килiю; озаботилъ Браиловъ демонстрацiею, приказалъ итти въ Дунай флоту гребному и пресѣкъ всю сухопутную коммуникацiю Измаила, приближивши къ нему два сильныхъ корпуса.

Между тѣмъ флотъ Севастопольскiй, по повелѣнiю Его Свѣтлости въ половинѣ Октября мѣсяца вышедши изъ гавани, оказался предъ устьями Дунай-

скими и прошедъ вдоль берега Румельскаго, въ половинѣ Ноября возратился благополучно въ Севастополь, не нашедши нигдѣ судовъ непріятельскихъ.

По овладѣніи Киліи, по взятіи батарей, устьи Дунайскія защищавшихъ, по истребленіи флотиліи у Тулчи и Исакчи и покореніи сихъ крѣпостей, предписано было гребному флоту слѣдовать къ Измаилу и изтребить флотилію непріятельскую.

Сіе исполнено.—Всѣ почти суда непріятельскія жестокимъ дѣйствіемъ артиллеріи, какъ съ флота гребнаго, такъ и съ построенныхъ на острову противу Измаила батарей, частію сожжены, частію же потоплены и не малый сдѣланъ вредъ самому городу; но непріятель продолжалъ жестокую оборону. Требовано было здачи города; непріятель гордо отвѣтствовалъ.

Оставалось одно средство приступа, который и предписано произвесть въ дѣйство.

11 го Декабря былъ сей ужасный день, въ который Измаилъ погруженъ былъ въ крови своей. Шесть колоннъ съ сухова пути и три колонны съ Дуная отряжены были на штурмъ Предъ свѣтомъ оный начатъ и до полдня продолжался. Храбрые солдаты, предводимые

неустрашимыми Начальниками, по преодолѣніи упорнаго защищенія, спустились въ ровъ, взлѣзли на валъ и вступили въ городъ; но побѣда еще была неизвѣстна. Жесточайшее сраженіе происходило въ самомъ городѣ. Площадь и улицы покрыты были кровію, наконецъ многочисленность и отчаяніе уступили мужеству и устройству. Турки, выдержавъ бой, продолжавшійся шесть часовъ съ половиною, потерявъ храбрѣйшихъ своихъ воиновъ и начальниковъ, не могли болѣе противиться. Разъяренные солдаты кололи ихъ безъ пощады; всѣ мѣста наполнены были трупами. Изъ великаго числа войскъ, въ семъ городѣ бывшихъ, едва спасено девять тысячь человѣкъ съ Мухафизомъ трехбунчужнымъ Мехметъ Пашею и однимъ младшимъ Султаномъ Мехсюбъ Гиреемъ. Но и изъ тѣхъ уже въ лагерѣ на другой день болѣе двухъ тысячь померло отъ ранъ; 30,816 сочтено труповъ.

Сверхъ того взято Христіянъ 5,685 человѣкъ и Жидовъ сто тридцать пять, кои и введены опять въ ихъ домы.

Въ городѣ съ набережными батареями взято 265 орудій, пороху до 3000 пудъ и ядеръ до 20,000 со множествомъ другихъ снарядовъ и припасовъ. Знаменъ взято болѣе 400, сверхъ того много

изорванныхъ и еще отыскиваемыхъ; бунчуковъ взято 7, санжаковъ 2, лансоновъ 8, на которыхъ артиллеріи 17 орудій, мѣлкихъ судовъ . . 34.
во время осады истреблено и потоплено судовъ 20.

Уронъ Русскихъ состоитъ въ убитыхъ

Штабъ и Оберъ Офицеровъ . . 64,
нижнихъ чиновъ 1815,
и того 1879;
раненыхъ Штабъ и Оберъ Офицеровъ 253,
нижнихъ чиновъ 2451,
и того 2703;
всего убитыхъ и раненыхъ . . 4582.

У непріятеля убиты:

Паша Трехбунчужный Сераскиръ Аидосъ Мехметъ.
Двухбунчужные: Хаджи Магмутъ Паша,
Селимъ Паша,
Лутфулла Паша,
Мехметъ Паша Килійской;
Султаны: Капланъ Гирей,
Казы Гирей,
Силимъ Гирей,

Батырѣ Гирей,
Ахметѣ Гирей,
И Мехметѣ Гирей.

XIX.

ДИСПОЗИЦІЯ ГЕНЕРАЛА СУВОРОВА КЪ СРАЖЕНІЮ СЪ ВЕРХОВНЫМЪ ВИЗИРЕМЪ 11 го СЕНТЯБРЯ 1789.

Начинать малымѣ лагеремѣ, потомѣ на большой; ежели между тѣмѣ большой будетѣ ближе, по онымѣ.

Сей часѣ выступить, мой корпусѣ отдохнуть, за Рымну.

По мѣстоположенію я беру правое крыло.

Идти лѣвою дорогой. Правою непрестанные патрули. Отѣ Вагенбурга занимать ими невѣрныхѣ при Тирго Куркулуи до самой ихѣ атаки, какѣ бы темна ночь ни была.

Маршѣ за Рымну колоннами. Обоихѣ союзныхѣ войскѣ вся кавалерія впереди. Козаки и арнауты, гусары и карабинеры до передняго берегу Рымны.

Ниже на томѣ берегу строить положенной ордерѣ баталіи.

Перемѣна его та, что мой корпусъ на правомъ крылѣ по мѣстоположенію.

Колонъ выходитъ двѣ, кавалерія въ головѣ пѣхоты, то есть обѣихъ колоннъ. Мнѣ надлежитъ имѣть столько же гусаръ и левенеръ—на мѣсто левенеръ столько же гусаръ.

На походѣ, встрѣтясь съ бусурманами, ихъ бить!

Построясь ордеромъ баталіи, въ мигъ перешедъ Рымну, идти храбро, атаковать при Тирго Куркулуи, или всѣхъ встрѣчающихся варваровъ — лагери.

Одни за другимъ.

До конца... Боже пособи!

Прежніе сингалы.

Іосифъ, Екатерина.

Поспѣшность, терпѣніе, строй, храбрость, сильная дальняя погоня.

За каждымъ артиллерійскимъ ящикомъ имѣть всегда по фашинѣ, всюду заготовлять.

Вагенбургъ въ полномъ порядкѣ, съ приличнымъ прикрытіемъ. При Фокшанахъ.

Пантоны на Рымну и Бузео.

XX.

ИЗВѢСТІЕ О ПОКОРЕНІИ ВАРШАВЫ (*).

Нота изъ Берлина отъ 17 го Ноября 1794.

Побѣды Россійскаго войска подъ предводительствомъ Генерала Графа Суворова-Римникскаго увѣнчаны счастливѣйшимъ успѣхомъ: и Варшава сдалась.

По взятіи Праги, къ укрѣпленію которой мятежники употребили всѣ свои напряженія; и какъ цвѣтъ ихъ войскъ при взятіи Праги истребленъ, а съ онымъ не оставалось уже сей столицѣ никакой надежды къ сопротивленію.

7 Числа Нойбря Н. Ш. Графъ Игнатій Потоцкій пріѣзжалъ въ Россійскую главную квартиру съ мирными предложеніями; но оныя не приняты по причинѣ, что сія война производится не противъ Польши, но къ усмиренію бунтовщиковъ.—Потоцкій безъ всякаго успѣха поѣхалъ обратно, также и присланная съ нимъ Королевская грамота не была разпечатана.

(*) Изъ бумагъ Суворова.

8 Числа Россійской и Прусской Министры получили свободу. 9 Числа уничтоженъ самовластный Совѣтъ, и Генералъ-Комендантъ Варшавской сложилъ чинъ свой въ руки Короля. Мѣщанамъ учинена повѣстка, чтобъ старались они сами о своей безопасности: почему собравшіеся Члены Магистрата отправили къ Графу Суворову Рымникскому Депутатовъ съ уполномочіемъ сдать городъ побѣдителю на его великодушіе, испрашивая единственно сохраненія жизни и имущества жителей. Герой безпрекословно на сіе согласился, присовокупя къ тому изъ собственнаго побужденія великодушно предать забвенію прошедшія озлобленія.—Россійскія войска тогожъ дня заняли городъ и въ тоже время посланъ Генералъ Потемкинъ къ Королю для охраненія его здравія и безопасности его персоны.

10 Числа въѣхалъ въ городъ и самъ Графъ Суворовъ Римникскій. Предъ вратами поднесены ему градскіе ключи; онъ ихъ приподнялъ и благодарилъ Бога, что безъ кровопролитія получилъ оные. Въѣздъ въ городъ Героя уподоблялся тріумфу. Онъ былъ окруженъ тѣснящимся вокругъ его народомъ, благодарящимъ за его великодушіе и снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что чувствовали они себя

недостойными таковыя милости. Графъ Суворовъ Рымникскій будучи тронутъ пролитіемъ сердечнаго ихъ чувствованія, повторялъ свои увѣренія забыть прошедшее. Онъ поѣхалъ къ Королю и былъ у него съ полчаса.

9000 Польскихъ солдатъ подъ командою Генерала Гендровича положили къ ногамъ его оружіе. Онъ, не требуя никакого отъ нихъ увѣренія, распустилъ ихъ въ ихъ жилища. Нѣсколько тысячь другихъ воиновъ, не хотя внимать гласу гражданъ и народа, настояли къ ненужной и безуспѣшной оборонѣ. Графъ Суворовъ-Рымникскій объявилъ имъ, что онъ для нихъ не желаетъ нанести вредъ и нещастіе гражданамъ и превратить городъ въ развалины; но когда не хотятъ они положить оружіе, дается имъ свобода выттти изъ города, зная, что они не могутъ избѣгнуть рукъ его.—Утверждаютъ, что якобъ они подъ предводительствомъ Домбровскаго и Канцлера Колонтая вышли съ 5 пушками, и что Генералъ Ферзенъ пошелъ ихъ преслѣдовать. Супротивленіе ихъ не можетъ быть продолжительно и они плѣна избѣгнуть не могутъ.

XXI.

ПИСМО ИВАНА ИВАНОВИЧА БЕЦКАГО КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,
Князь Григорій Александровичь!

Сколько великолѣпно наименованіе почетнаго благотворителя, столько утѣшительно есть бремя, которое налагаетъ должность сего названія. Для сердца благорожденнаго, какая неизреченная сладость, вѣщать въ самомъ себѣ: я благодѣтельствую. Сіе восхитительное чувствованіе не прямое ли блаженство? не истинная ли награда добродѣтели, которой никто достойнѣйшей мзды воздать не можетъ, какъ только она сама себѣ. Добродѣтель въ собственныхъ трудахъ своихъ находитъ себѣ воздаяніе, нѣтъ оной цѣны; ея свойство быть свѣту полезной и онымъ утѣшаться, вотъ ея награда.

Не мыслите, милостивой Государь! чтобъ я хотѣлъ преподавать наставленія; нѣтъ, я только изъясняю то, что вы чувствуете, и что безъ сомнѣнія будутъ чувствовать преемники сего имени, которымъ украшаться можетъ единая токмо добродѣтель. Я повторяю оживотворяющій гласъ Нашей Монар-

хини, гласъ сея души возвышенныя, вопіющій: будьте щастливы. Которая ко всему, что до блага общества касается, стремится столь быстро, какъ лучь благодѣющаго солнца на землю, для произведенія разныхъ былій, нужныхъ къ существованію тварей. Если среди полезныхъ растеній, земля одолженная солнцемъ, иногда производитъ вредное быліе, кому его исторгать? когда не попечительнымъ хранителямъ вертограда; не вы ли по званію почетнаго благотворителя, тѣ самые хранители вертограда, избранные къ споспѣшествованію во ономъ произращенія того огромнаго древа, подъ сѣнію котораго обѣтовано надежное прибѣжище всему обществу? Безъ сомнѣнія, Милостивый Государь, вы. Сіе утверждено освященною Нашей Монархини десницею въ слѣдующихъ словахъ, конфирмованныхъ 20 Ноября 1772 года.

„Какъ сіе мѣсто есть благотво-
„рительное обществу; то уповательно,
„что изъ человѣколюбія и Христіянской
„добродѣтели къ сему богоугодному
„дѣлу не отрекутся по письменнымъ
„требованіямъ, изъ знатнѣйшихъ особъ,
„принять на себя при Воспитатель-
„номъ домѣ наименованіе почетныхъ
„благотворителей, и они бы по пригла-
„шенію отъ Совѣта, имѣли засѣданіе съ

„Опекунами, въ полезныхъ и нужныхъ
„дому сему надобностяхъ. Они, какъ
„патріоты, почтенные знатными дос-
„тоинствами въ Государствѣ, охранять
„будутъ отъ всякаго вреднаго прикос-
„новенія твердость и непоколебимость
„сихъ учрежденій, и по случающимся
„иногда нуждамъ, пользу Воспитатель-
„ному дому приносящимъ, а касающимся
„до рѣшенія Сенатскаго, Сѵнодскаго или
„другихъ нижнихъ Правительствъ,
„одинъ изъ нихъ право и долгъ всегдабъ
„имѣлъ, по согласію главнаго Попечите-
„ля съ Совѣтомъ, въ томъ или другомъ
„дѣлѣ, принявъ на себя имя ходатая, у
„мѣста, въ которомъ дѣло производит-
„ся, стараться съ домогательствомъ о
„рѣшеніи оконченномъ, поелику право-
„судіе сходствующее съ Законами, до-
„пустить можетъ, получить скорорѣ-
„шимую пользу для дома Воспита-
„тельнаго. Изъ нихъ яко извѣстныхъ
„уже хранителей всего утвержденнаго
„постановленія, избираемъ быть мо-
„жетъ заблаговременно балатировані-
„емъ въ главные Попечители преемни-
„комъ, дабы таковой по своему жела-
„нію и усердію, извѣстенъ былъ для не-
„медленнаго вступленія въ сіе достоин-
„ство, какъ скоро оное мѣсто сдѣлает-
„ся упалымъ, или за какою либо неспо-

„собностію, настоящій главный Попе-
„читель отъ онаго откажется.“

Вотъ, Милостивой Государь! то, къ чему добровольное стремленіе вашего добродѣтельнаго сердца васъ привлекло, и къ сему вы естественнымъ Закономъ обязаны. Можетъ ли сей Законъ быть тягостенъ? Его природа гласитъ, человѣколюбіе начертаваетъ, а добродѣтель и Екатерина подтверждаютъ. Васъ же, яко исполнителя сей священной должности, слава представитъ восхищенному потомству, какъ друга и благодѣтеля рода человѣческаго во храмѣ вѣчности. Соотвѣтственно тому, слѣдуя долгу истиннаго гражданина, чтобы полезнымъ быть обществу и ближнему, стремлюсь побуждаемый усердіемъ устроенное Монаршею щедротою, оную пользу оградить совѣщаніемъ съ вами, почетные благотворители, какъ съ твердыми подпорами благоденствія общественнаго, пріобщеннаго къ дому Воспитательному. Благосостояніе сего дома есть благосостояніе и всего общества; если единое потрясется, то и другое поколеблется: они связаны священнѣйшимъ союзомъ. Довѣренность общества есть сей союзъ, который часъ отъ часу укрѣпляяся будетъ вѣченъ, къ блаженству нашихъ сограждан и ихъ потомковъ, кои безъ

сомнѣнія будутъ благословлять вашу попечительную добродѣтель о непоколебимости полезныхъ учрежденій: итакъ на сей конецъ.

I. Главный Попечитель и почетные благотворители должны съ неусыпнымъ стараніемъ устремлять всю силу своего раченія къ сохраненію неоцѣненныхъ преимуществъ, касающихся до вѣчнаго благоденствія всѣхъ Россійскихъ согражданъ и потомковъ ихъ; сихъ, скажу, важныхъ преимуществъ, дарованныхъ щедротою Монаршею, которыя даютъ намъ способы управлять нашимъ имуществомъ, по силѣ учрежденія сохранной казны, съ полезнымъ правомъ собственности. Сей Божественный даръ Монаршаго Величія, сей залогъ любви къ Отечеству Великой Екатерины, какъ твердый монументъ Ея славы, основанный на Блаженствѣ подданныхъ, должны мы, всею силою охраняя, предавать въ непремѣнной цѣлости изъ рода въ родъ для славы сей кроткой Законодательницы, для пользы собственной, и для блага общественнаго. И для того ревностно отражая все, что можетъ поколебать твердость сего, соотвѣтствовать усерднымъ попеченіемъ несомнительности ввѣреннаго намъ отъ общества кредита.

II. Почетные благотворители, какъ

извѣстные уже хранители учрежденнаго постановленія, состоятъ въ отмѣнномъ почтеніи отъ Опекунскаго Совѣта; слѣдовательно не токмо при Главномъ Попечителѣ, но и въ случаѣ его отсутствія, всегда должны быть твердыми щитами противу всякой опасности, могущей угрожать нерушимости сего основанія: они же яко посредники между обществомъ и таковымъ установленіемъ, долженствуютъ патріотическимъ стараніемъ, притупляя жало клеветы, смущающей спокойство общества, истреблять и малѣйшую тѣнь вредоноснаго сомнѣнія довѣренности, безъ которой всѣ полезныя постановленія могутъ рушиться. И такъ, еслибы случилося, чтобы господа Члены Опекунскаго Совѣта и засѣданія С. Петербургскаго отдѣленія, шествуя не по одному пути, проложенному къ благосостоянію Воспитательнаго Дома, но нѣкоторые изъ нихъ, совращаяся съ онаго какими ни есть пристрастіями, и пролагая стези къ своей частной пользѣ, ослабилибъ пружину общественной довѣренности, имъ врученной, или забывъ истинное честолюбіе, восхотѣлибъ покуситься на присвоеніе себѣ излишней власти (чего однако же не уповаю): тогда долгъ почетныхъ благотворителей удерживать своеволіе которое въ

наглости своей, если заблаговременно не ощутитъ силы обуздывающей руки, возможетъ наконецъ опровергнуть священнѣйшія преграды; и для сего.

III. По приглашенію Опекунскаго Совѣта, или хотя и по сокровенному представленію доброжелательныхъ членовъ, немедленно вступаютъ въ засѣданіе съ Опекунами, и разстроенные голоса совѣта или засѣданія стараются съ приличною кротостію соединить въ силу узаконенныхъ учрежденій, для соблюденія всѣхъ правъ, а паче кредита Воспитательнаго дома.

IV. Онижъ какъ патріоты, избранные для соблюденія твердости и непоколебимости всѣхъ постановленій, имѣя повѣренность отъ всего общества, должны, отвращая всякія внутреннія поползновенія ко хитростямъ, твердо ополчаться противу всѣхъ къ тому покушеній и оскорбленій, касающихся до уничиженія правъ и преимуществъ Воспитательнаго дома. Сіе тѣмъ наипаче можетъ быть почитаемо священнѣйшею должностію, что сама Наша Монархиня по своему снисхожденію, чѣмъ наиболѣе величіе Особы Ея изображается, повелѣла, если найдется Узаконеніе противное нерушимости установленіямъ сего дома, не исполняя себѣ представлять.

V. По согласію Главнаго Попечителя съ Совѣтомъ, они суть ходатаи у Государственныхъ Правительствъ и Присудственныхъ мѣстъ, по случающимся иногда нуждамъ, приносящимъ пользу Воспитательному дому, и касающимся до рѣшенія тѣхъ верхнихъ и нижнихъ Правительствъ.

VI. Изъ назначеннаго числа двѣнадцать Особъ почетныхъ благотворителей, избирается заблаговременно, какъ отъ нихъ же самихъ, такъ Опекуновъ, за-опекуновъ, попечителей, и прочихъ посредствомъ балотированія въ достоинство главнаго Попечителя, дабы таковой по своему желанію и усердію уже извѣстенъ былъ, для немедленнаго заступленія сего мѣста, на случай ваканціи безъ дальной конфирмаціи , которая уже послѣдовала единожды навсегда тѣмъ собственноручнымъ на докладѣ утвержденіемъ.

VII. Они же яко хранители твердости сего основанія, не только имѣютъ долгъ, какъ сказано, пещися о благосостояніи общественномъ, сопряженномъ съ пользою Воспитательнаго дома, и о защищеніи правъ и преимуществъ ему данныхъ; но и о воздаяніи сему дому надлежащей чести. И для того, господа опекуны какъ участники во благомъ намѣреніи , заслуживаютъ

бышь отъ нихъ принимаемы съ отмѣннымъ пріятствомъ. Сею отличностію подастся примѣръ всему обществу, которое Вельможъ обыкновенно поставляетъ себѣ зерцаломъ своихъ поведеній, какъ уважать господъ Опекуновъ и за-опекуновъ, такъ и сохранять почтеніе къ сему самому мѣсту; да и сами господа опекуны сею честію ободряемы, къ строгому наблюденію своей священной должности станутъ ревностнѣе стремиться, дабы не утратить столь лестнаго пріобрѣтенія.

Милостивой Государь! Все сіе заключающее въ себѣ должность званія почетнаго благотворителя, ничто иное какъ чувствованіе пользы каждаго добродѣтельнаго гражданина, любящаго свое Отечество; и сіе чувствованіе въ Вельможѣ, изъ коихъ почетные благотворители избираются, безъ сомнѣнія распространяется по мѣрѣ его могущества, преподавающаго ему способы творить благое. И такъ сіе объясненіе, касающееся вообще до свѣдѣнія почетнаго благотворителя, надѣюсь, будетъ благопріятно принято. Истинные сыны отечества съ радостію видятъ ревнованіе ко благу онаго, которое есть и моего къ вамъ писанія; и которое безъ сомнѣнія подвигло и Вашу Свѣт-

лость къ душевному обѣту, данному вами для пользы общества. Вы, ставъ охранителями учрежденій Воспитательнаго дома, устроенныхъ къ благоденствію ближняго; вы же и посвятили себя противоборствовать злоупотребленіямъ, которыя могли бы вкрасться къ разрушенію полезнаго; отъ вашихъ попеченій зависитъ цѣлость всѣхъ сихъ спасительныхъ установленій.

И потому бывъ увѣренъ, что мои мысли въ помянутомъ усердіи блага общественнаго отъ вашихъ не отдалены, буду ожидать Вашей Свѣтлости благопріятнаго отвѣта, и почитаю за щастіе, что еще могу съ вами купно служить и быть полезнымъ отечеству, пребывая съ искреннимъ моимъ почтеніемъ,

Милостивой Государь мой!

Вашей Свѣтлости

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Бецкой.

XXII.

МОСКОВСКОЕ ГОСТЕПРІИМСТВО.

Лѣтъ за тридцать пять тому назадъ въ Москвѣ существовалъ особенный родъ *гостепріимства*. Нѣкоторые вельможи, надѣленные дарами счастія и любившіе сближаться сердцемъ своимъ съ сердцами недостаточныхъ соотечественниковъ, отворяли домы и предлагали избытки свои молодымъ людямъ среднихъ лѣтъ. Въ сихъ домахъ каждый день накрыты были столы на двадцать, на тридцать и даже на пятьдесятъ человѣкъ. Столъ былъ не роскошный, но изобильный. Тогда еще *трактирные обѣды* почти были неизвѣстны; да они и не нужны были: ибо и безсемейные люди находили семейство въ кругу людей, съ которыми знакомились взаимною привычкою. Кромѣ гостепріимства домашняго, сіи добрые гостепріимцы предлагали посѣтителямъ своимъ и другія услуги: съ отеческою заботливостію справлялись они о состояніи своихъ гостей и стороною и лично. Извѣстясь о тѣхъ, у которыхъ есть отцы и матери, терпящіе нужду, они немедленно и невидимою рукою препровождали пособіе. Не рѣдко также,

входя въ разговоры съ гостями своими, они разспрашивали: отъ чего кто вышелъ въ отставку и не желаетъ ли снова принять какой службы? За достойныхъ, которые по мгновенному огорченію, или по какой другой причинѣ оставляли службу, они были ревностными предстателями. При отправленіи на новое поприще не только снабжали всѣмъ нужнымъ на дорогу, но и препоручали, чтобы во всякое время относились къ нимъ. Такимъ образомъ въ древней Русской Столицѣ недостаточные молодые и среднихъ лѣтъ люди жили, какъ будто бы не чувствуя недостатка, и находились подъ благодѣтельнымъ надзоромъ гостепріимства.

XXIII.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОБЫЧАЙ НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ.

Счастлива та страна, гдѣ отличенные дарами счастія отличаются и блгодушіемъ, входящимъ въ нужды и состояніе людей, обремененныхъ недостатками!

Богатые предки наши любили сближаться съ бѣдными. При подвозахъ изъ помѣстій и вотчинъ сельскихъ из-

быпковЪ они посылали добрыхЪ и надежныхЪ людей развѣдывать, кто нуждается изЪ городскихЪ ихЪ сосѣдей и чѣмЪ нужно имЪ сЪ ними подѣлиться. Изобильные возы разкрывались вЪ одно время и для хозяевЪ и для бѣдныхЪ.

ВЪ семейства неимущія посылались дары изобилія; и бѣдность, оживляемая надеждою, не истомляла душЪ тяжкимЪ бременемЪ. Зависть не смотрѣла мрачными глазами на преимущество богатыхЪ; ибо счастіе ихЪ было общимЪ счастіемЪ. Особенно годовые праздники ознаменовывались щедрою благотворительностію. БогатымЪ пріятно было мыслить и видѣть, что и бѣдные вЪ радости душевной празднуютЪ дни священные, благодаря Бога и добрыхЪ людей.

XXIV.

СМЕРТЬ ЮНАГО ГРАФА СТРОГОНОВА.

Со дня боя *Кулмскаго*, безсмертнаго вЪ лѣтописяхЪ славы, юный сынЪ Графа Павла Александровича Строгонова находился вЪ передовыхЪ войскахЪ подЪ начальствомЪ ГенералЪ-Адьютанта Васильчикова. ВЪ слѣдЪ славы ле-

тѣлъ онъ за славою. Уже въ очахъ юноши блистали тѣ первые лучи славы, которые также прелестны, какъ и первые лучи зари весенней; уже онъ воображалъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтитъ его нѣжная мать въ вѣнкѣ лавровомъ: но что значатъ и самыя лучшія и самыя невинныя надежды на этой землѣ, гдѣ отъ славы и смерти — одинъ шагъ, одно мгновеніе?... Юный Строгоновъ палъ въ предѣлахъ Франціи въ сраженіи подъ *Краономъ*, палъ — почти въ очахъ отца своего. Онъ былъ единственный сынъ, единственная надежда семейства своего, Жестоко пораженъ былъ отецъ сею вѣстію, но не переставалъ непоколебимо исполнять долгъ свой до самаго окончанія битвы. Тогда уже заплатилъ онъ дань, взыскиваемую природою, и можетъ быть тогда зародились въ груди его сѣмена той болѣзни, которая и его безвременно повергла въ гробъ. Тѣло юнаго Героя отыскано было уже 25 Февраля послѣ битвы *Лаонской* и перевезено въ Сѣверную Столицу, гдѣ предано землѣ въ Александровской обители, подлѣ гроба его дѣда. Такъ нѣдра земли на нѣсколькихъ саженяхъ соединяютъ часто и юность и старость! Счастливъ тотъ, кто и на скоротечномъ поприщѣ жизни оставляетъ слѣды славы и добродѣтели.

А безъ того что бы оставалось отъ существованія, изчезающаго быстрѣе молніи, сверкающей въ облакахъ?

Н. И. Гнѣдичь въ сихъ прекрасныхъ стихахъ оживотворилъ память юнаго Героя:

„Едва для жизни онъ разцвѣлъ,
Надеждой свѣтлою домъ предковъ озаряя,
И юношу отецъ Отчизнѣ обрекая,
Въ знакомый славы путь, въ святую брань повелъ;
Но славѣ не земной отъ Неба обреченный,
Онъ рокъ свой совершилъ: онъ полетѣлъ на бой,
И за Отчизну палъ, въ глазахъ отца сраженный.
Такъ къ небесамъ идутъ, о юноша Герой!

XXV.

ПОЛЕ БОРОДИНСКОЕ.

На пространствѣ того мѣста, гдѣ происходила битва Бородинская, текутъ три слѣдующія рѣчки: *Войня*, *Колоча* и *Стонецъ*.

Была *война*, какой Европа не видала со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія; былъ *бой*, гдѣ смерть на каждомъ шагу едва успѣвала поражать новыя жертвы; былъ *стонъ*, раздавшійся и въ Россіи, и въ отдаленныхъ предѣлахъ Европы.

Во мракѣ неизвѣстности сокрыто, когда сіи рѣчки получили названіе, столь сообразное съ обстоятельствами нашего времени, и что подало поводъ къ такимъ именамъ.

Къ несчастію человѣчества, бури военныя шумятъ на лицѣ земли почти отъ первоначальнаго основанія обществъ человѣческихъ. Можетъ быть и въ прошедшія столѣтія происходила на полѣ *Бородинскомъ* битва кровопролитная, можетъ быть и тогда *война, бой* и *стонъ* передали память о себѣ рѣчкамъ, хотя ничтожнымъ, но пережившимъ вѣки.

Безмолвны теперь поля битвы Бородинской; прахъ сопротивниковъ смѣшался нераздѣльно въ нѣдрахъ земли хладной; нѣтъ тамъ даже и бугровъ, возвѣщающихъ слѣды битвы, передавшей смерти тысячи въ теченій одного дня: остались однѣ *батареи*, заростшія травою.

На одной изъ сихъ батарей, близь деревни *Семеновской*, гдѣ свирѣпствовалъ бой упорнѣйшій, возносится уединенная церковь, сооруженная во имя *Спаса Нерукотвореннаго*. У сей батареи, гдѣ существуетъ сей памятникъ священный, убитъ былъ 26 Августа 1812 Генералъ-Маіоръ Александръ Алексѣевичь Тучковъ. По окончаніи войны за-

граничной, блаженной памяти ГОСУДАРЬ АЛЕКСАНДРЪ Первый, встрѣтя его супругу, спросилъ: Чего она желаетъ за услуги своего мужа?—Она отвѣчала, что проситъ одного позволенія, чтобы соорудить храмъ Божій на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ палъ ея супругъ. ГОСУДАРЬ соблаговолилъ, и нѣжная супруга памятникомъ Вѣры ознаменовала любовь къ супругу незабвенному.

Въ день 26 Августа на поле Бородинское изъ разныхъ сторонъ обширной Россіи стекается множество посѣтителей, и въ семъ храмѣ отцы, матери и родственники совершаютъ воспоминаніе о незабвенныхъ друзьяхъ сердца своего.

Въ предѣлахъ сей церкви въ Октябрѣ 1826 года преданъ землѣ юный сынъ Генерала Тучкова и съ нимъ погребены всѣ радости и всѣ надежды неутѣшной матери и супруги. Сынъ Героя блисталъ еще прелестною весною лѣтъ и невинности; стезею кроткою и ясною перешелъ онъ отъ міра треволненнаго въ селеніе Ангеловъ. Невинность идетъ къ небесному престолу Творца любви и милосердія! Пусть молится онъ тамъ, чтобъ буря страстей, возбуждающая бури войны, никогда на лицѣ земли не свирѣпствовала. И безъ сего бича, по-

ражающаго человѣчество, довольно есть горестей на тернистомъ пути жизни скоротечной.

XXVI.

РОДСТВЕННЫЙ СУДЪ.

„Порукой прочнаго блаженства на земли
Святая благодать семейственной любви."
И. Козловъ.

Были и у насъ времена *Патріархальныя,* когда въ нѣдрахъ семействъ прекращались ссоры и тяжбы, возбуждаемыя порывами страстей. Это еще существовало и въ царствованіе Царя Ѳеодора Алексѣевича. Начиналась ли какая тяжба,—немедленно собиралось совѣщаніе родственное; съ обѣихъ сторонъ старались усовѣщивать и примирять спорщиковъ. Если же убѣжденіе и совѣты были безъуспѣшны, если тяжущійся, ослѣпленный самонадѣяніемъ или мщеніемъ, не внималъ голосу благонамѣреннаго родства и угрожалъ жалобу свою перенесть далѣе, тогда ему говорили: „Ты причиняешь стыдъ и намъ и себѣ; ты хочешь *ославить* насъ и показать свѣту и добрымъ людямъ, что у

тебя нѣтъ *родственниковъ примирителей.*

Слѣдственно Спартанская пословица, чтобы *изъ избы не выносить сора,* то есть, не дѣлать дурной огласки: эта пословица въ чести была и у нашихъ предковъ. Стыдъ одного изъ ближнихъ своихъ почитали они общимъ нарѣканіемъ.

Стыдомъ укоряли еще и въ другихъ случаяхъ. Въ старину *заемныя письма* были неизвѣстны; кто занималъ, тотъ только сими словами давалъ поручительство: *если не устою въ словѣ своемъ, то да будетъ мнѣ стыдно!*

Гдѣ сердечное родство, тамъ и сердечная дружба. Умиралъ ли отецъ семейства,—сыны его поступали подъ надзоръ его друзей. Въ прежнее время каждое утро сходились на *Красную площадь* для переговоровъ и для словеснаго разбирательства дѣлъ и тяжебъ. Встрѣчалъ ли отцовскій другъ сына его, который чѣмъ нибудь опорочилъ память родителя своего,—другъ подходилъ къ нему и общенародно укорялъ его такимъ образомъ: „Ты обезчестилъ честное имя отца своего: это грѣхъ и стыдно! Опомнись, примирись съ совѣстью: или никто изъ добрыхъ людей

не захочетъ тебя знать и всѣ будутъ отъ тебя отворачиваться."

XXVII.

ПАМЯТНИКЪ СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ.

Французскій сочинитель одной полезной книги для юношества, разсказываетъ происшествіе, случившееся въ тѣ незабвенные дни, когда слава и великодушіе ввели Русскихъ въ стѣны Парижа.

Я предложу его разсказъ.

Русской военный врачь, пришедъ къ Г. Делафонтену, золотыхъ дѣлъ мастеру, подалъ ему малинькую ветхую фаянсовую чашечку съ тѣмъ, чтобы онъ оправилъ ее въ золото. Удивленный художникъ сказалъ, что такой бездѣлицы никто и на улицѣ не захочетъ поднять. „Вѣрю," отвѣчалъ врачь: „но я этой бездѣлицы не отдамъ ни за что на свѣтѣ, и потому возмите и украсьте ее искуствомъ своимъ."

За отдѣлку, продолжалъ Делафонтенъ: я долженъ взять пять сотъ рублей. Врачъ согласился. Изумленіе художника еще болѣе усилилось. „Вижу," сказалъ Русской врачь: „что требованіе

мое кажется безумнымъ. Однако же не только о людяхъ, но и о вещахъ не всегда должно судить по наружному виду. Сердечные памятники безцѣнны.

„И такъ, чтобы вамъ охотнѣе было работать, то выслушайте исторію о чашечкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую часть собственной моей.

„Я сынъ сельскаго Священника. Главными добродѣтелями отца моего были человѣколюбіе и душевное гостепріимство. Всѣхъ странниковъ и прохожихъ принималъ онъ какъ братьевъ, посылаемыхъ къ нему Богомъ. По скудному своему состоянію, онъ и самъ не рѣдко нуждался, но никогда не роптaлъ и всегда охотно дѣлился тѣмъ, что у него было.

„Однажды постучался къ нему въ окно прохожій въ бѣдномъ рубищѣ; отецъ мой тотчасъ побѣжалъ и отворилъ ворота. „Я просился въ домы избыточные," сказалъ странникъ: „но вездѣ былъ отказъ."—Сердце мое и домъ, отвѣчалъ мой отецъ, открыты для всѣхъ. На дворѣ мятель: войдите скорѣе.—Вошедъ въ комнату, прохожій сказалъ: „Я не искатель приключеній; но по обѣщанію иду въ этой одеждѣ."—Вижу, отвѣчалъ мой отецъ, что одежда ваша не соотвѣтствуетъ виду и словамъ

вашимъ; но я не стану утруждать васъ моимъ любопытствомъ.

„Посадя странника у печки, отецъ мой угостилъ его ужиномъ и потомъ проводилъ на постель. На другой только день путешественникъ замѣтилъ, что у насъ во всемъ домѣ одна была кровать. И теперь еще живо припоминаю, съ какою чувствительностію онъ извинялся, что обезпокоилъ моего отца.—„Мой долгъ," сказалъ мой отецъ: „мой долгъ безпокоиться для успокоенія другихъ."—Позавтракавъ у насъ, прохожій, бѣдный по наружности, а благородный по виду и поступкамъ своимъ, пустился въ дальнѣйшую дорогу.

„Спустя два года, отецъ мой умеръ, а я отправился въ Москву продолжать, или, лучше сказать, начинать новое ученіе. Прилѣжаніемъ и трудами вырабатывалъ я уже небольшія деньги, на которыя, по страсти моей къ чтенію, тотчасъ спѣшилъ запасаться книгами. Однажды, когда я въ книжной лавкѣ забиралъ книги, подъѣхала четвернею карета и въ лавку вошелъ Господинъ въ богатой шубѣ. Какъ водится обыкновенно, бѣднякъ былъ оставленъ— и занялись богатымъ.

„Между тѣмъ я увязывалъ мои книги, а незнакомецъ, всматриваясь въ меня пристально, вдругъ сказалъ: что ему

кажется, что гдѣ-то меня видѣлъ, и желалъ знать, откуда я. Едва назвалъ я мѣсто родины моей, онъ съ живѣйшимъ чувствомъ спросилъ: Не сынъ ли я тамошняго сельскаго Священника и живъ ли онъ? Извѣстіе о смерти моего отца спечалило незнакомца. „Вашъ отецъ“ сказалъ онъ: „былъ рѣдкій человѣкъ; онъ жилъ не для себя, но для бѣдныхъ.“ Потомъ, отведя меня въ сторону, продолжалъ: „Никогда, никогда не забуду, что батюшка вашъ уступилъ мнѣ послѣднюю кровать свою, а самъ спалъ на полу. Я нахожу въ чертахъ вашего лица сходство съ покойникомъ: будьте подобны ему и въ качествахъ душевныхъ. Какъ другу вашего отца, разскажите мнѣ о своемъ состояніи.“

„Сердечное участіе всегда возбуждаетъ откровенность. Узнавъ о стѣсненныхъ моихъ обстоятельствахъ, онъ далъ мнѣ три ста рублей на покупку учебныхъ книгъ и ревностно способствовалъ мнѣ вступить въ званіе врача. Словомъ, я нашелъ въ немъ втораго отца. За добродѣтели родителя моего я все получилъ, а въ наслѣдство отъ него досталась мнѣ одна эта чашка. Скажите же, достойна ли она золотой оправы?“—Достойна! отвѣчалъ восхищенный художникъ. Я смотрю теперь на нее съ сердечнымъ уваженіемъ. У ме-

ня много блестящаго; но этотъ памятникъ сыновней любви всего дороже.

XXVIII.

МИНИНЪ,

ИЛИ

СЛАВА И ДОБРОДѢТЕЛИ НЕ УМИРАЮТЪ (1).

Среди необычайныхъ бѣдствій, разлившихся по лицу земли Русской 1612 года, раздался въ стѣнахъ Нижняго Новгорода голосъ Гражданина Минина, голосъ безпримѣрный въ Лѣтописяхъ міра. Одушевляясь грамотами, разсылаемыми изъ Троицкой обители, Козьма Мининъ, продавецъ мясной, по прозванію *Сухорукій*, вышедъ на площадь, воскликнулъ ко всѣмъ людямъ Нижегородскимъ: „Если

---

(1) Новыми достопамятными подробностями и изображеніемъ гробницы Минина обязанъ Издатель Дѣйствительному Члену Любителей Общества *Коммерческихъ* знаній Петру Ѳеодоровичу Веретенникову. Достойный потомокъ великаго гражданина оживляетъ память его и уваженіемъ къ его славѣ и подражаніемъ его примѣру. Любителямъ отечественныхъ добродѣтелей извѣстно, какимъ пламеннымъ усердіемъ Г. Веретенниковъ одушевленъ къ подвигамъ общеполезнымъ.

желаемъ помочь Московскому Государству, то не только не пожалѣемъ себя, но продадимъ домы свои, заложимъ женъ и дѣтей, и будемъ *бить челомъ*, чтобы усердный вождь принялъ надъ нами начальство."

Сей голосъ отозвался во всѣхъ сердцахъ жителей Нижегородскихъ. Немедленно положили они отправить послами къ Князю Пожарскому Печерской обители Архимандрита *Θеодосія* и другихъ людей почетныхъ.

Между тѣмъ Герой страдалъ отъ ранъ въ вотчинѣ своей, находившейся во сто двадцати верстахъ отъ Нижняго Новгорода. Пришедъ къ болѣзненному его одру, послы возгласили со слезами: „Поѣзжай съ нами въ Нижній Новгородъ: стань за вѣру православную и помоги Московскому Государству."

Князь Димитрій Михайловичь Пожарскій, по предварительному уже сношенію съ Мининымъ, условясь о подвигѣ спасенія Отечества, отвѣчалъ посламъ: „изберите изъ *посадскихъ* своихъ человѣка, который бы дѣлилъ со мною труды военные и распоряжалъ казною."— „Нѣтъ у насъ такого человѣка, "сказали послы.—„Есть, возразилъ Князь Пожарскій; есть у васъ Козьма Нининъ. Онъ на службѣ ознакомился и съ дѣломъ и съ распорядкомъ военнымъ."

Съ радостію поспѣшили послы въ Нижній Новгородъ и пересказали Минину слова Пожарскаго. Мининъ отвѣчалъ: „дайте приговоръ, что вы будете послушны, покорливы и будете снабжать деньгами людей военныхъ.“ Воздухъ огласился кликомъ единодушнымъ: *дадимъ!* Мининъ въ то же мгновеніе сочинилъ и написалъ: „Мы отдадимъ жизнь, семейства и имущества для вспоможенія людямъ ратнымъ.“—Сей приговоръ, скрѣпленный общимъ рукоприкладствомъ, отправленъ былъ къ Пожарскому.

Быстро разнеслась молва о подвигѣ самоотреченія Нижегородцевъ и быстро стекались со всѣхъ сторонъ дружины и денежныя пожертвованія.

Взволновались страхомъ и непріятели и измѣнники Отечества, и требовали, чтобы Гермогенъ воспретилъ походъ дружинъ Нижегородскихъ. Гермогенъ отвѣчалъ: „да будутъ благословенны люди, идущіе очищать Московское Государство, и да погибнутъ измѣнники!“ Враги вѣры и Отечества обрекли сего великаго *Исповѣдника* на голодную смерть. Страданіе его въ мірѣ прекратилось 17 Февраля 1612 года.

Не дремала измѣна. Россія въ Россіи возстала на Россію: условились измѣнники захватить Ярославль, всѣ *поморскіе города* и пресѣчь путь ополченію

Нижегородскому. Но были на неусыпной стражѣ Отечества Пожарскій и Мининъ. Для блага общества души ихъ слились въ одну душу. Съ перваго шагу и во все продолженіе подвиговъ своихъ, были они нераздѣльны сердцами и мыслями. И такъ Пожарскій и Мининъ послали дружину въ Ярославль предупредить злоумышленниковъ. Вождь сей дружины, братъ Князя Пожарскаго, оправдалъ довѣренность Князя, брата своего, и Минина.

Въ то же время, не дождавшись помощи изъ Казани, Князь Пожарскій и гражданинъ Мининъ, съ именемъ Бога и Отечества, двинулись къ Ярославлю. Съ радостнымъ восторгомъ встрѣтили ихъ въ *Балахнѣ* и принесли пожертвованія. Вскорѣ изъ разныхъ городовъ приспѣли туда Плещеевъ и многіе Дворяне. Никто не спорилъ о мѣстничествѣ, всѣ покорствовали Князю Пожарскому и Гражданину Минину. Новыя пожертвованія встрѣтили Нижегородское ополченіе въ Юрьевцѣ *Поволвскомъ*, куда подоспѣли и *Юртовскіе* Татары, которые, наслаждаясь привольною жизнію въ Россіи, обрекли себя въ жертву за нее.

Кострома возмущалась разномысліемъ: Пожарскій и Мининъ успокоили умы и перемѣнили Воеводъ. Костромскіе жители, оживотворенные умными распоряженіями Русскаго Героя и Рус-

скаго гражданина, по словамъ Лѣтописи, дали *многую казну въ подмогу войска.*

Ярославль встрѣтилъ дружины Нижегородскія съ честію и на олтарь Отечества принесъ богатые дары. Но Пожарскій и Мининъ не приняли даровъ. Нужда въ деньгахъ миновалась, осталась одна только нужда спасенія Отечества.

Съѣзжались въ Ярославль вѣрные сыны Россіи; стекались и толпы злоумышленниковъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Князь Пожарскій и Гражданинъ Мининъ употребили умную политическую мѣру къ отдаленію Шведскаго оружія. Они писали къ *Делагардію,* что если сынъ Короля Шведскаго приметъ нашу вѣру, то его призовутъ на престолъ Россіи. Но, прибавляетъ Лѣтопись, сіе дѣлалось единственно для того, чтобы Шведы не ополчались къ завоеванію поморскихъ городовъ въ то время, когда Нижегородское ополченіе пойдетъ освобождать Московское Государство.

„Въ какихъ *Академіяхъ,* говоритъ *Ѳеофанъ,* учился Петръ Первый? Ни въ какихъ. Онъ почерпнулъ знанія свои въ книгахъ историческихъ." Гдѣ учился Мининъ? можемъ и мы спросить. Онъ заимствовалъ свѣденія свои въ наблюденіи дѣяній человѣческихъ и Государственныхъ. Есть заря, есть полдень, есть

западъ жизни. Наши нравственныя и умственныя способности сообразуются съ сими тремя постепенностями природы. Опыта не льзя пріобрѣсть ни въ какихъ училищахъ: онъ есть плодъ зрѣлыхъ и основательныхъ наблюденій.

Сей опытъ доставилъ Гражданину Минину умъ военный и догадки политическія.

Приверженцы *Заруцкаго* покушались въ Ярославлѣ на жизнь Пожарскаго. Провидѣніе охранило его, а великодушіе Героя простило убійцъ. „Убійцы, говоритъ Лѣтопись, повинились предъ всею ратью; но Князь Димитрій не далъ ихъ убить.“

По выступленіи изъ Ярославля войсками начальствовали Князь Хованской и召召召召 召

Слухъ о приближеніи къ Москвѣ Пожарскаго и Минина обратилъ въ бѣгство Заруцкаго.

Вмѣстѣ съ Княземъ Пожарскимъ Мининъ принялъ на горѣ *Волкушѣ* благословеніе отъ Троицкаго Архимандрита Діонисія. Проливая слезы, сей назабвенный Пастырь церкви воскликнулъ:

«Богъ да благословитъ васъ пострадать за вѣру и Отечество!»

День 23 Августа 1612 года ознаменовался въ стѣнахъ Москвы военною славою Минина. Добровольно вызываясь на бой, онъ просилъ Пожарскаго дать ему охотниковъ. Князь-Герой отвѣчалъ Гражданину-Герою: *возьми кого хочешь.* Непріятель въ превосходныхъ силахъ стоялъ за Москвою рѣкою у *Крымскаго двора.* «Мининъ, говоритъ Лѣтопись, прямо налетѣлъ на противниковъ.» Предъ лицемъ Героя-Гражданина дрогнули враги и устремились въ бѣгство. Воспламененные примѣромъ Минина, полки Пожарскаго просили, чтобы и имъ позволили дѣйствовать. Воеводы отвѣчали: *въ одинъ день двухъ радостей не бываетъ.*

И такъ Мининъ оживилъ Русскихъ первою *радостною надеждою* освобожденія Москвы.

Освободилась Москва. Вступилъ на престолъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичь. Юный Государь украсилъ вѣнецъ свой вниманіемъ къ великому Гражданину. Мининъ пожалованъ былъ *Думнымъ Дворяниномъ.* Сверхъ того въ родовое наслѣдство получилъ онъ множество деревень. А за Московское очищеніе прибавлено въ жалованной грамотѣ еще

къ тѣмъ деревнямъ село *Богородское* съ приписными пустошами.

Петръ Первый, въ бытность свою въ Нижнемъ Новгородѣ, поклонясь гробу Минина, сказалъ: «Жаль, что не осталось потомковъ отъ Минина.»

Но если мы и незнаемъ потомковъ Минина: мы знаемъ однако, что потомство не забыло и никогда не забудетъ великаго Гражданина.

Когда, ровно чрезъ два столѣтія, наступилъ другой *двѣнадцатый годъ*, имя Минина загремѣло во всѣхъ сословіяхъ Россіянъ и во всѣхъ предѣлахъ Россіи. Казалось, что онъ снова ожилъ вмѣстѣ съКняземъ Пожарскимъ. Быстро вторглись враги, ещебыстрѣе они бѣжали. Съ именемъ Бога, Царя и великаго Гражданина Минина дружины вмѣстѣ съ войскомъ перешли за предѣлы Отечества. Знамена ихъ озарились новою славою. —1815 года тринадцать изъ сихъ знаменъ осѣнили гробницу Минина.

Еще 1673 года повелѣно было гробъ Минина и сына его Меѳодія перенесть изъ приходской церкви въ новосооруженный Нижегородскій *Преображенскій Соборъ*. При входѣ въ западныя двери на лѣвой сторонѣ у самой стѣны является гробница Минина. Сія простая гробница, вмѣщающая прахъ безсмертнаго Гражданина, покрыта ма-

линовымъ бархатомъ, и какъ мы уже сказали, окружена тринадцатью знаменами, предводившими Русскихъ къ славѣ 1812 года въ нѣдрахъ Отечества, а въ 1813 и 14 годахъ за границею.

Слава двухъ столѣтій соединилась у гроба Минина.

Кромѣ знаменъ, надъ гробницею Минина устроена 1815 года литая чугунная доска, на которой начертаны воспоминанія о различныхъ нашествіяхъ враговъ на Россію и о подвигахъ Минина. Наконецъ Москва, освобожденная Пожарскимъ и Мининымъ, узрѣла въ стѣнахъ своихъ памятникъ, сооруженный имъ. Нераздѣльны они были душами при жизни и нераздѣльны они въ изображеніи ихъ славы.

Время разрушаетъ всѣ памятники, воздвигаемые руками человѣческими: но слава и добродѣтели не умираютъ. Вмѣстѣ съ памятью о нихъ переходитъ и незабвенное свидѣтельство о томъ, что личныя достоинства человѣка и Гражданина всегда уважались въ Россіи.

XXIX.

ЕКСПЕДИЦІЯ

ПОДЪ КОМАНДОЮ ПОДПОЛКОВНИКА ЗИГРОДА,

бывшаго Адьютантомъ и дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ при Князѣ Багратіонѣ съ начала 1812 года и до самой его смерти, а потомъ уже Командиромъ Тамбовскаго полка (*).

Почтенный сочинитель Россійской Военной Исторіи говоритъ, что ни одна страна въ свѣтѣ не можетъ представить въ своей Исторіи столько славныхъ военныхъ подвиговъ, какъ Россія. Даже при всѣхъ нещастныхъ случаяхъ прошедшей давности, выказываетъ она цѣпь безпрерывныхъ военныхъ произшествій, и духъ совершенно воинственной націи; а званіе военнаго ремесла обогащалось безпрерывнымъ опытомъ. Рядъ вѣковъ грядущихъ возвѣститъ потомству послѣднія событія нашей войны отечественной, безпримѣрной во всѣхъ лѣтописяхъ. Я самъ имѣлъ щастіе участвовать въ семъ по-

(*) Въ сей статьѣ Издатель не перемѣнилъ ни одного слова.

ходѣ съ самаго начала и до конца онаго; все, что происходило, наши отечественные Писатели изложили вмѣстѣ и порознь въ своихъ сочиненіяхъ; но какъ къ сожалѣнію случается, что при важныхъ военныхъ событіяхъ, не оставляютъ для свѣдѣнія потомству тѣхъ дѣлъ, для которыхъ не были употреблены большія массы войскъ, или не участвовали во оныхъ извѣстные Генералы: подробность одного изъ таковыхъ оставалась до сихъ поръ покрыта неизвѣстностью, хотя оно само по себѣ распространяетъ честь Россійскаго оружія, и съ пользою можетъ послужить примѣромъ для молодыхъ воиновъ, вступающихъ на поприще чести. Пройдутъ еще десятки лѣтъ и, можетъ быть, подвиги частныхъ начальниковъ трех-лѣтней войны едвали будутъ казаться вѣроятными.

Предложенное мною здѣсь описаніе экспедиціи основываю я на свидѣтельствѣ тѣхъ лицъ, которыя извѣстны Европѣ, и которыя пользовались довѣріемъ Государя Императора. Я это краткое описаніе разположилъ такъ, чтобъ оно было удобопонятно для каждаго военнаго, который еще не бывалъ на полѣ брани; топографическая карта живо можетъ представить воображенію и уму искусной маневръ

славнаго Генерала; а дѣйствія ознакомятъ молодаго Офицера съ духомъ тѣхъ воиновъ, посреди которыхъ онъ находится; оно вразумитъ его о томъ, что онъ можетъ, и что въ состояніи сдѣлать съ ними, бывъ предпріимчивъ и благоразуменъ.

Моя жъ цѣль тутъ только одна: посвятивъ себя до послѣдняго истощенія силъ, или лучше сказать, до самой смерти службѣ моему Государю и Отечеству, я сугубой для себя наградой чту все то, когда могу чѣмъ либо быть полезнымъ.

Въ то самое время, когда мы по разнымъ направленіямъ сближались къ Парижу, отрядъ нашъ подъ командою Генералъ-Лейтенанта Барона Сакена составился изъ корпусовъ собственно его и корпуса Князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, кавалеріи подъ командою Генералъ-Лейтенанта Васильчикова и нѣсколькихъ ротъ артиллеріи.

Съ 27 по 28 Генваря 1814 года отрядная наша квартира расположилась въ мѣстечкѣ Монтмираль, войска были разставлены по деревнямъ около онаго; къ вечеру былъ полученъ отъ Генерала Сакена приказъ, чтобъ на разсвѣтѣ въ 4 часа прибыть на зборное мѣсто, къ дефиле, ведущему къ Лаферте, и отрѣзать отъ онаго Генерала Макдональда,

пораженнаго Генераломъ Іоркомъ и отступающаго съ правой стороны къ оному дефиле. Не успѣвъ еще прибыть на мѣсто, намъ назначенное, мы услышали ружейную и пушечную пальбу; а прибывъ узнали, что Генералъ Васильчиковъ, командующій авангардомъ, встрѣтилъ непріятеля; но какъ при немъ не было еще пѣхоты, то Французской отрядъ, въ темнотѣ по тѣсной дорогѣ, съ правой стороны прикрытой горами, а съ лѣвой стороны рвами, пробрался въ дефиле и здѣлалъ засѣку.

Тотчасъ по прибытіи пѣхоты, стрѣлки 7 дивизіи были пущены въ дѣло; къ 4мъ часамъ вечера дефиле былъ очищенъ, отбито у непріятеля нѣсколько орудій, и нѣкоторые полки 18 дивизіи такъ же были введены въ дѣло, при занятіи предмѣстія, а потомъ и самаго города Лаферте.

Генералъ Макдональдъ переправясь на ту сторону рѣки Марны, которая въ срединѣ раздѣляетъ городъ, подорвалъ прекрасный каменной мостъ, прикрылъ онымъ свое отступленіе, и отъ насъ скрылся. 29 Тамбовской пѣхотной полкъ подъ командою Подполковника своего Барона *Зигрода,* былъ употребленъ на постройку пловучаго моста; работа продолжалась до 1 часа за полночь: какъ вдругъ получаемъ приказъ,

чтобы 30го числа по утру въ 4 часа выступить въ походъ, по дорогѣ ведущей въ Монтмираль. Вышедъ изъ дефиле, только что подвинулись къ вчерашнему нашему ночлегу, какъ вдругъ громъ пушекъ раздался въ долинахъ и огласилъ намъ кровавую битву; отдаленные холмы потряслись и съ стонаніемъ повторили ихъ. Мстительной Наполеонъ какъ жертву выжидалъ насъ; обнаженныя предъ симъ поля, будто тучами хищныхъ птицъ, покрывались легіонами Французовъ; и потомъ открылась предъ нами вся линія непріятеля. Вскорѣ и нашъ отрядъ былъ устроенъ въ боевой порядокъ; высланные нами стрѣлки встрѣтили Французскихъ, и брань закипѣла.

Въ тожъ самое время дано приказаніе, чтобы стоящей впереди нашей боевой линіи, за большимъ оврагомъ, на лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ, занять не большую деревню, неизвѣстно почему еще не занятую Французами; на сіе были употреблены слѣдующіе полки: 7 дивизіи: Софійскій подъ командою Подполковника Лопухина, въ числѣ 1540 человѣкъ, и роты 11го Егерскаго полка подъ командою Подполковника Старова 60 человѣкъ; 18 дивизіи: Тамбовской подъ командою Подполковника Барона Энгрода 356, Владимірской

подъ командою Маіора Платонова 389. Всего сей отрядъ заключалъ въ себѣ не болѣе 2225 человѣкъ пѣхоты, 6 орудій легкой артиллерійской роты, и не комплектнаго полка козаковъ. Всею пѣхотою по старшинству командовалъ Подполковникъ Баронъ Зигродъ.

Приказаніе было тотчасъ и въ точности исполнено; соединясь и получа разпоряженіе, мы двинулись впередъ; подходя къ оврагу (*) оставили не большую березовую рощу, перешли оврагъ и безъ сопротивленія заняли деревню.

Расположеніе наше было слѣдующее. Между нашею деревнею и Монтмиралемъ находилась деревня, занятая Французами, которая была противъ средины нашей боевой линіи, въ равномъ отъ Монтмираля и насъ разстояніи, такъ что мѣстечко Монтмираль и двѣ эти деревни составляли діагоналъ къ срединѣ непріятельской боевой линіи; лѣвое наше крыло примыкало къ оврагу, за которымъ, какъ я упомянулъ, была березовая роща, а правое крыло наше протягивалось къ большому сосновому лѣсу съ болотистою пошвой, которой составлялъ прямую линію, противъ самаго лѣваго крыла непріятельской арміи,

---

(*) Въ лѣвой сторонѣ отъ себя, близъ дороги ведущей изъ Лаферте въ Монтмираль т. е. къ срединѣ непріятельской боевой линіи.

заслонивъ собою р. Марну и высоты Шатотерскія. Сверхъ того правое крыло наше было подкрѣплено полкомъ козачьимъ, расположившимся за онымъ; цѣпь наша поставлена была впереди деревни, колонны позади оной нѣсколько подъ скатомъ горы, по той причинѣ, что сильная непріятельская артиллерія начала дѣйствовать по нашей линіи.

6 Орудій поставлены были съ противу лежащей стороны оврага, ниже березовой рощи, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать по правому флангу стрѣлковъ непріятельскихъ; но ядры не долетали и не могли вредить онымъ.

Съ нашей стороны быстрымъ и смѣлымъ движеніемъ атаки нашей въ изумленіе приведенъ былъ вождь Французовъ; деревня занятая непріятелемъ немедленно наполнилась его колоннами, и высланные противъ насъ стрѣлки встрѣтили нашихъ.

Скоро мы замѣтили, что огонь нашего корпуса по всей линіи утихъ, равно не стало и нашей артиллерійской полуроты. Генералъ Сакенъ атаковавъ нами лѣвое крыло непріятельское и занявъ онымъ вниманіе Французовъ, вдругъ отдалъ всему корпусу повелѣніе, отступать на Шатотери; оставивъ выше березовой рощи на большой дорогѣ два эскадрона Ахтырскихъ гусаръ подъ командою

Маіора Бедряги и Ротмистра Горсткина, наблюдать за движеніями непріятеля. Мы прикрыли отступленіе нашихъ войскъ, и остались для борьбы съ сильнымъ непріятелемъ, начиная уже быть атакованными въ свою очередь и сами.

Мы почувствовали всю важность нашего назначенія; Наполеонъ имѣя только насъ однихъ передъ собою, усемерилъ стрѣлковъ своихъ и сдѣлалъ сильное нападеніе на цѣпь нашу; медленно отступали стрѣлки наши предъ превосходными силами непріятеля; но принуждены были мѣсто и деревню оставить Французамъ. Они заняли оную, и градъ пуль посыпался на наши колонны, которыя видя опустошеніе въ рядахъ своихъ, осадили къ глубинѣ оврага; бывшіе въ стрѣлкахъ офицеры, всѣ или побиты или ранены; казалось, что уже все гибло . . . Но нѣкоторые изъ отважныхъ нашихъ Офицеровъ (*) бросились къ разстроеннымъ колоннамъ, ободрили солдатъ и повели ихъ впередъ, устремившись первые въ пламя битвы; солдаты всѣ обратились за ними (**) и съ грознымъ крикомъ: ура! . . . ударили на Французовъ, очистили деревню, и симъ подвигомъ возстановили сраженіе.

(*) Которыхъ я не назову потому, что обязанъ щадить ихъ скромность.

(**) Хотя и въ безпорядкѣ.

Тогда Подполковникъ Зигродъ, возблагодаривъ Подателя силъ и помощи за отвращеніе видимой намъ и отступающему корпусу опасности, и усмотрѣвъ, что ему должно защищаться только собственными силами, сдѣлалъ новое распоряженіе. Умноживъ стрѣлковъ и назначивъ къ нимъ новыхъ Офицеровъ, приказалъ Подполковнику Лопухину наблюдать за правымъ, а Подполковнику Старову за лѣвымъ крыльями; средину стрѣлковъ разположилъ во рву, которымъ обнесена была деревня, и которой съ переди обсаженъ былъ терновымъ кустарникомъ; резервы поставлены были подъ прикрытіемъ нѣкоторыхъ строеній; колонны устроены вновь и поставлены на томъ же самомъ наклоненіи горы, на которомъ были прежде, но только противъ промежутковъ строеній, или изходящихъ точекъ Французской атаки. Въ краткой рѣчи солдатамъ герой изъяснилъ наше положеніе, сказавъ: чтобъ избѣгнуть непріятельскаго пораженія, или постыднаго плѣна, должно принимать Французовъ въ штыки, всегдашнимъ вѣрнымъ нашимъ орудіемъ. Громкой и единодушной отзывъ: „ради умереть, Ваше Высокоблагородіе!" раздался въ рядахъ нашихъ.

Наполеонъ не находя средствъ вытѣснить насъ изъ нашей боевой линіи

одними только стрѣлками, построилъ полки свои въ большія густыя колонны; съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ повелъ вновь атаку, съ тѣмъ, чтобъ оными прорвать нашу средину. Ударъ былъ смѣлъ и быстръ: стрѣлки наши отступали почти на равнѣ съ боками Французскихъ колоннъ, которыми повидимому и не хотѣлъ уважить онъ; но лишь только непріятель показался на нѣсколько шаговъ за деревню, какъ страшной крикъ: ура!... и ударъ холоднаго орудія, встрѣтилъ атаку непріятеля. Сѣверные Геркулесы вломились въ колонны и опустошали ряды ихъ: Французы гибли отъ штыковъ нашихъ, были смяты и опрокинуты; съ великою потерею и въ величайшемъ безпорядкѣ прогнаты къ ихъ боевой линіи.

Стрѣлки наши въ тужъ минуту занявъ прежнія свои мѣста, истребляли цѣльными выстрѣлами разстроенные толпы непріятеля; но и огонь Французской артиллеріи ядрами и картечью былъ безпрерывенъ: свистъ пуль, шипеніе картечь, клокотаніе гранатъ и визгъ ядеръ вдругъ и въ одно время, безпрерывно наполнялъ воздухъ и заглушалъ насъ; земля была изрыта рикошетными ударами; передъ нами и надъ нами разрывались гранаты. Но благодаря

опытности и военному дару Подполковника Зигрода, отрядъ нашъ такъ былъ хорошо расположенъ, что артиллерія не могла сильно вредить нашимъ колоннамъ; вездѣ его примѣръ, его распоряженіе поддерживалися бдительностію отважныхъ его офицеровъ: онъ самъ такъ много предавался опасности, какъ будтобы искалъ смерти, но судьба хранила его для нашего спасенія (*). Сраженіе продолжалось съ неизмѣннымъ жаромъ; за каждой шагъ земли съ обѣихъ сторонъ дорого было плачено; часто линія нашихъ стрѣлковъ, натиснутая превосходнымъ непріятелемъ, должна была осаживать; но крѣпкое расположеніе средины нашей стрѣлковой линіи всегда давало сильную опору крыльямъ, которыя отъ времени до времени нужно было подкрѣплять новыми стрѣлками. Безпрерывной огонь Французской артиллеріи и стрѣлковъ, при всемъ прекрасномъ распоряженіи Подполковника Зигрода, дѣлалъ большую убыль въ линіи нашей.

Наконецъ Наполеонъ наскучивъ медленностію, построилъ вновь густыя колонны, головы которыхъ сомкнулъ изъ *элитовъ*, и повелъ ихъ, казалось,

---

(*) Онъ остался живъ, бывъ раненъ съ начала сраженія въ берцо правой ноги пулею.

съ твердою рѣшимостію завладѣть деревней и мѣстомъ нашей боевой линіи; но непобѣдимые (*) выждали; грозное: ура! загремѣло вновь, и ударъ штыковъ опрокинулъ и истребилъ колонны, уничтоживъ онымъ совершенно весь замыселъ Наполеона. Горсть Русскихъ разсѣяла сонмы непріятелей, впрочемъ храбрыхъ и дѣйствовавшихъ въ глазахъ обожаемаго ими Полководца.

Дѣйствительно въ сей достопамятной безпримѣрнымъ мужествомъ и храбростью день, всякой нашъ солдатъ былъ рыцаремъ, и каждый Офицеръ героемъ; мы были покрыты потомъ, кровью, и безсмертною славою! Разсмотрѣвъ подробнѣе и безпристрастнѣе бытописанія, безъ сомнѣнія найдемъ эту экспедицію изъ числа первѣйшихъ, а можетъ быть и первую. Ежели Леонидъ въ тѣснинахъ Ѳермопильскихъ побилъ Персовъ: то его выгоды состояли въ избранномъ имъ мѣстѣ и въ слабой рѣшительности Ксеркса, а мы имѣли противъ себя Наполеона и Наполеона мстящаго,—который никогда своихъ побѣдъ не измѣривалъ жертвою воиновъ; множество артиллеріи и отъ 66 до 70 тысячь (**) храбраго войска, съ

(*) Это выраженіе Наполеона.

(**) По показанію взятыхъ нами плѣнныхъ.

искусными Генералами; боевая наша линія такъ была открыта и такъ слаба, что тѣмъ, кто бы имѣлъ болѣе насъ отважности и мужества, очень легко отбить и занять былобъ ее можно; но тутъ стояли Русскіе! А Русскіе не разъ уже доказали, что подъ командою храбрыхъ и опытныхъ Офицеровъ, подъ распоряженіемъ искусившагося въ бояхъ и владѣющаго ихъ довѣріемъ начальника, побѣжденными никогда быть не могутъ (*); тѣмъ кончилась 3 и послѣдняя непріятельская атака (**). Непріятель потерялъ надежду достигнуть своей цѣли грудь противъ груди.

Мы намѣревались наше мѣсто удерживать до ночи, но къ вечеру замѣтили, что Французы сильными колоннами начали обходить наше лѣвое крыло, и потому малѣйшая медленность могла быть для насъ гибельна. Чтобы

(*) Еще въ 7 лѣтнюю Прускую войну сказалъ Фридрихъ Великой, что „Русскихъ побить можно, но побѣдить никогда.“ Естьлибъ онъ жилъ теперь, то увѣрилсябъ, что Русскіе умѣютъ и лучше бить, и лучше побѣждать.

(**) Мы въ продолженіи 13 часовъ безпрерывнаго дѣйствія, выстрѣлили 3 комплекта патроновъ, бравши изъ сумъ убитыхъ нами Французовъ; потому что ящиковъ патронныхъ къ намъ, отъ сильнаго дѣйствія непріятельской артиллеріи, не льзя было доставить.

не бытъ отрѣзанными и не подвергнуться перекрестному огню Французской артиллеріи или тѣмъ самымъ не дать время и случаю, вредить имъ отступленію нашего корпуса, мы должны были съ поспѣшностію отступать, не присоединя къ себѣ стрѣлковъ нашихъ, по 3 причинамъ: 1 что подъ оглушительнымъ громомъ артиллеріи не слышно было сингаловъ барабанныхъ. 2. Посылка Адьютантовъ была медленна и моглабъ открыть наше намѣреніе наблюдательному непріятелю. 3. Самое важное, чтобъ сшрѣлковъ нашихъ противупоставить ихъ быстрой атакѣ, и тѣмъ сколько возможно болѣе выиграть время, и выбраться изъ сѣтей ими намъ разставляемыхъ.

Едва успѣли Французы замѣтить отступленіе нащего отряда, какъ вновь колоннами и стрѣлками своими сильную повели атаку на линію нашу; и едва отрядъ нашъ перешелъ оврагъ и поднялся до осмидесяти сажень на противоположенное возвышеніе, какъ онымъ же оврагомъ высланные нѣсколько эскадроновъ Французскихъ драгунъ явились въ тылу у насъ и симъ движеніемъ стрѣлковъ нашихъ отъ колонны совершенно отрѣзали. Еще они моглибъ быть спасены, еще моглибъ присоединиться къ намъ, ежелибъ было при насъ доста-

точное количество кавалеріи, вмѣстѣ съ которою и бывшій съ нами козачій полкъ съ быстротою и мужествомъ Донцовъ ударилибъ и разсѣяли эскадроны непріятельскіе; но къ нещастію, ему не возможно тогда было предпринять онаго: онъ для пользы общей долженъ былъ съ своими слабыми силами уклониться отъ рѣшительнаго удара съ превосходнымъ непріятелемъ. И такъ быстрота Французской кавалеріи была остановлена огнемъ нашей пѣхоты и рѣшительностію принять ее въ штыки; въ тожъ самое время козачій полкъ противъ нее выслалъ своихъ отважныхъ наѣздниковъ, и мы продолжали наше отступленіе. Французская кавалерія, на каждомъ шагу останавливаемая проворствомъ и ловкостію козаковъ, преслѣдовала насъ нѣсколько сотъ саженъ; потомъ повернула направо и скрылась за березовую рощу.

Обратимся теперь къ участи нещастныхъ стрѣлковъ нашихъ. Цѣпь, въ числѣ пяти сотъ или болѣе, отступивъ отъ многочисленнаго непріятеля въ совершенномъ порядкѣ и съ мужественною холодностію, не нашла уже колоннъ, которыя ей столько разъ были твердою опорою; увидѣла себя отъ оныхъ въ 3 стахъ саженяхъ и отрѣзанною кавалеріею: какъ въ тоже самое время на нихъ

сдѣлано было нападеніе со всѣхъ сторонъ нѣсколькими эскадронами Польскихъ Уланъ, съ яростнымъ стремленіемъ..... Храбрые наши солдаты, движимые примѣромъ Офицеровъ, предпочли смерть постыдному плѣну, и всѣ пали на полѣ славы, исключая тѣхъ, которые бывъ ранены, не могли болѣе владѣть оружіемъ, въ томъ числѣ и нѣкоторые Офицеры. Ихъ тотчасъ представили для обьясненія къ Наполеону. Оставимъ волѣ Вышняго положившихъ жизнь свою за Вѣру и Отечество, и возвратимся къ отступающимъ.

Козакамъ не было время обезпечить наше отступленіе, имъ нужно было поспѣшить занять аванпостную линію, и мы оставались уже одни; Подполковникъ Зигродъ, какъ опытной и прозорливой начальникъ, предвидѣлъ, что скрывшаяся Французская кавалерія воспользуется отсутствіемъ нашихъ козаковъ, и за свою неудачу не упуститъ, ежели можно, отмстить намъ, послалъ Подполковника Лопухина къ Маіору Бедрягѣ, стоящему для наблюденія съ двумя эскадронами своихъ гусаръ, склонить его присоединиться къ намъ, для прикрытія нашего отступленія; предвѣденіе его сбылось: Французская кавалерія пробравшись чрезъ чащу рощицы, появилась противъ праваго

крыла нашей колонны, съ тѣмъ, чтобы пресѣкши намъ путь, замедлить отступленіе, и дать время преслѣдующимъ насъ Шасерамъ настигнуть (*); но пущеннымъ по ней ружейнымъ огнемъ была остановлена, однакожъ должна была остановиться и наша колонна; но почти въ тоже самое время подоспѣли наши гусары и храброй Ротмистръ Горспикинъ первой ударилъ на смѣшавшагося нѣсколько отъ выстрѣловъ нашихъ непріятеля, и Французскіе эскадроны были опрокинуты. Глубокая ночь опустила мрачной покровъ свой, и тѣмъ кончилось для насъ незабвенное 30 Генваря 1814 года. Потерявъ двѣ трети храбрыхъ нашихъ сподвижниковъ, и большую часть Офицеровъ, 13 съ ряду часовъ не позволили непріятелю у насъ завладѣть и однимъ шагомъ земли; поля Монтмиральскія были свидѣтели упорной битвы и непреодолимаго мужества! Такъ во время морской бури, скала гранитная встрѣчаетъ удары валовъ ревущихъ: они съ шумомъ стремятся къ ней и съ трескомъ разбиваясь, опять упадаютъ въ пучину. Пали ряды и на-

(*) Дѣйствительно Наполеонъ приказалъ своимъ воинамъ снять башмаки и босымъ насъ преслѣдовать, чтобъ скорѣй настигнуть по узкой и топкой дорогѣ.

шихъ храбрыхъ воиновъ—но смерть героевъ завидна! они паденіемъ своимъ ужаснули изумленнаго непріятеля!... Отступая всю ночь, мы въ 7 часовъ поутру прибыли на высоты Шатотерскія, подъ команду нашихъ Гг. Генераловъ и получили новое назначеніе.

Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить, что противъ его было такое число Русскихъ, предводимыхъ Подполковникомъ; но убѣдясь въ продолженіи дѣла въ истиннѣ, въ дневномъ приказѣ своемъ, поставилъ насъ въ примѣръ своей арміи, и назвалъ Львами (*).

Маіоръ Михаилъ Кузминъ.

(*) Сіе извѣстіе получено по взятіи Парижа отъ самихъ Французовъ, которые участвовали въ ономъ дѣлѣ и были очевидными свидѣтелями того и другаго.

XXX.

НОВЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПОДВИГЪ ВАСИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВАРГИНА.

Благотвореніе есть отличительное качество души благородной. Предстоя у гроба ближнихъ, благотвореніе даетъ новое бытіе тому, кто едва ли былъ извѣстенъ въ сей жизни скоротечной. Вотъ тому примѣръ.

Въ Октябрѣ 1823 года получилъ я слѣдующій билетъ: „Василій Васильевичь Варгинъ, извѣщая о кончинѣ Коммиссаріатскаго Коммиссіонера 10 класса Алексѣя Ивановича Лазарева, послѣдовавшей сего Октября 29 дня въ 7 ч. по полудни, приглашаетъ всѣхъ друзей и знакомыхъ покойнаго: не угодноль имъ будетъ сдѣлать ему послѣднею честь, пожаловать на отпѣваніе тѣла его сегожъ Октября 31 дня въ 9 ч. утра, въ приходскую церковь Св. Черниговскихъ Чудотворцевъ, что на Пятницкой. Погребеніежъ будетъ въ Донскомъ монастырѣ.“

Съ покойнымъ А. И. Лазаревымъ познакомился я лѣтъ двадцать тому назадъ, въ домѣ Алексѣя Ивановича Кусова, гдѣ я жилъ по ласкѣ гостепріимнаго хозяина. Онъ находился въ конто-

рѣ его *Бухгалтеромъ,* а оттуда перешелъ въ Коммиссаріатъ. Въ цѣломъ мірѣ у покойнаго Алексѣя Ивановича Лазарева не было ни одного родственника. И такъ благотвореніе доставило ему у гроба и друзей и знакомыхъ и родныхъ. По всей справедливости можно сказать, что Василій Васильевичь Варгинъ употребилъ къ погребенію сего сироты все то, что можетъ при такомъ случаѣ оказать нѣжнѣйшій родственникъ.

При отпѣваніи присутствовалъ Архимандритъ. Въ Донской монастырь провожали покойника всѣ приглашенные друзья и знакомые. Могила его находится подлѣ могилы роднаго брата Василья Васильевича Варгина и почти насупротивъ памятника благодѣтельнаго Графа Льва Кириловича Разумовскаго.

Видя великолѣпное погребеніе бѣднаго сироты, любопытные зрители спрашивали: *кого погребаютъ?* Удивились бы они, еслибъ имъ сказали, что погребаютъ странника сего міра, который дошедъ до сорока трехъ лѣтъ, ничего послѣ себя не оставилъ.

И такъ честь и слава Василью Васильевичу Варгину, который горестному сиротѣ воздалъ всѣ тѣ почести, какія оказываютъ и бывшимъ любимцамъ сего преходящаго міра. При воззрѣніи на сіе погребеніе, не льзя было не при-

помнить сердечнаго изреченія Царя Давида: *отецъ и мать оставили меня; но Богъ меня всиріялъ.*

Такъ! небесный Отецъ сиротъ посылаетъ людей благодѣтельныхъ, которые злополучнымъ сиротамъ замѣняютъ отцевъ и матерей. Чѣмъ рѣже встрѣчаются сіи *безкорыстные благотворцы,* тѣмъ болѣе достойны они уваженія. В. В. Варгинъ по подвигамъ своимъ заслужилъ сіе душевное уваженіе. Трудное, заботливое и обширное производство его дѣлъ никогда не отдаляетъ его отъ страждущаго человѣчества. Ни одинъ изъ страдальцевъ, прибѣгавшихъ къ его помощи, не отходилъ безъ утѣшенія; онъ полезенъ для живыхъ своихъ друзей и онъ не забываетъ праха своихъ знакомыхъ.

Я повторю здѣсь и то, что сказалъ въ моихъ *Рускихъ Анекдотахъ* относительно къ Василью Васильевичу Варгину. „Счастіе сего міра и ненадежно и превратно; но добрыя дѣла и въ буряхъ злополучія сіяютъ собственнымъ своимъ блескомъ. Василій Васильевичь Варгинъ ни въ какихъ обстоятельствахъ своей жизни не изгладится изъ сердецъ тѣхъ, которые умѣютъ цѣнить добрыя дѣла, произтекающія изъ души, животворимой вѣрою и добродѣтелью.

XXXI.

БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЙ ВЕНГЕРСКІЙ УРОЖЕНЕЦЪ АЛБЕРТЪ ФИШЕРЪ.

„Сколько сладостно утѣшеніе, говоритъ знаменитый *Боссюетъ,* оставить по смерти своей между людьми имя свое въ уваженіи! изъ всѣхъ сокровищъ человѣческихъ, одного сего сокровища смерть не можетъ похитить.“

Напоминаніе о *Албертѣ Фишерѣ* увѣнчано общимъ уваженіемъ его друзей.

Около тринадцати лѣтъ былъ я знакомъ съ почтенымъ Венгерскимъ уроженцемъ *Албертомъ Фишеромъ,* который занимался въ Москвѣ ученіемъ на арфѣ. Онъ былъ вездѣ уважаемъ за прекрасныя качества души своей; а я любилъ его за превосходное его дарованіе въ музыкѣ и за страсть его къ Словесности. Послѣ нашествія враговъ онъ оставилъ уроки, и наслаждался Словесностію, природой и бесѣдою съ друзьями. Онъ бывалъ у меня разъ по шести въ годъ; во время же семейственнаго моего заведенія въ пользу воспитанія юношей Донскаго края, онъ посѣщалъ меня чаще, любя слушать отечественныя пѣсни Донскихъ юношей и перекладывая оныя на арфу и фортепіано. Впро-

чемъ онъ такой же охотникъ былъ бродить по улицамъ Московскимъ, какъ и я; слѣдственно мы встрѣчались почти каждый день. Вотъ все мое тридцатилѣтнее съ нимъ знакомство. Никогда не справлялся я, есть ли у него что нибудь; а не бывъ охотникомъ до наслѣдствъ, еще менѣе помышлялъ о наслѣдствѣ.

На шестьдесятъ шестомъ году мирной жизни своей, онъ жестоко занемогъ. Узнавъ о томъ, я посѣтилъ его однажды по утру. Въ то время былъ у него врачь его. Мнѣ показалось, что ему тягостны постороннія посѣщенія. Я и самъ люблю въ болѣзни глубокое уединеніе. Для странниковъ сего міра, подверженныхъ шумнымъ бурямъ, болѣзнь есть нѣкоторымъ образомъ отдохновеніе.

Почтенный *Албертъ Фишеръ* томился болѣнію около шести мѣсяцовъ. Въ послѣднія недѣли своей жизни сдѣлалъ онъ духовное завѣщаніе. Я ничего о томъ не зналъ; меня извѣстили, что и я въ числѣ его наслѣдниковъ.

Сильно поразило меня сіе извѣстіе. Я узналъ, что я искренно былъ любимъ человѣкомъ, который уже на краю гроба!—Но въ тоже время я дивился судьбамъ Провидѣнія, Которое внушило мысль человѣку, отходящему отъ сего

міра, простерть благодѣтельную длань къ отвлеченію моего семейства отъ пропасти, къ которой я часъ отъ часу болѣе приближался отъ долговъ, постигшихъ меня по случаю внезапнаго отобранія Донскихъ юношей, воспитывавшихся въ моемъ семействѣ (*).

На другой день я рѣшился посѣтить вмѣстѣ съ женой моей умиравшаго нашего благодѣтеля. Тщетно изыскивалъ я въ головѣ моей оборотовъ рѣчей, какъ вступить съ нимъ въ разговоръ. Никогда уста мои не могли бы произнесть, что я *благодарю за наслѣдство*. Одно сіе слово напомнило бы и смерть и гробъ и могилу и все то, что устрашаетъ насъ слабыхъ *смертныхъ*, рожденныхъ къ *смерти!* Къ счастію у меня тогда болѣла щека; я говорю къ счастію, ибо это послужило приступомъ къ объясненію моему.

Сѣвъ съ женою въ коляску, мы поѣхали къ дому Г. *Бурелли*, гдѣ жилъ покойный *Албертъ Фишеръ*. Я оста-

(*) О семъ заведеніи упомянуто было въ Учебной книгѣ Русской Словесности на стр 342; также и въ Опытѣ Русской Литературы, на стр. 270. Въ письмахъ къ моему старинному сопитомцу означу я, кто былъ *первымъ* благодѣтелемъ моего семейства по уничтоженіи вышеозначеннаго заведенія.

вилЪ жену у крыльца вЪ коляскѣ, а самЪ пошелЪ освѣдомиться, можно ли видѣть больнаго. Меня тотЪ-часЪ впустили. „Почтенный ГосподинЪ *Фишерѣ,* сказалЪ я, указывая на мою подвязанную щеку: больной прiѣхалЪ посѣтить больнаго.“ Остроумный мой благодѣтель догадался, что я хотѣлЪ сказать. ОнЪ подалЪ мнѣ руку и отвѣчалЪ: „Извините, что я осмѣлился помѣстить васЪ вЪ духовномЪ моемЪ завѣщанiи. Но любя и уважая васЪ около тридцати лѣтЪ, я не могЪ приближаясь кЪ гробу, отказать сего удовольствiя моему сердцу.“

Не нужно говорить, что чувствовалЪ я при сихЪ словахЪ, исходившихЪ изЪ устЪ человѣка, занесшаго ногу вЪ могилу. „Добродѣтель ваша, сказалЪ я, меня не удивляетЪ. Но, какЪ отецЪ многочисленнаго и разореннаго семейства, я не отвергаю вашего благодѣянiя. Вы приняли вЪ родство меня и жену мою; и такЪ позвольте ей придти. Она вЪ коляскѣ у вашего крыльца.“

СЪ сими словами пошелЪ я кЪ женѣ моей. „ПойдемЪ, сказалЪ я, пойдемЪ кЪ благодѣтельному Фишеру: онЪ смѣлѣе меня. ОнЪ умѣлЪ жить и умѣетЪ умирать.“

При входѣ моей жены, онЪ привсталЪ со смертнаго одра своего, поцѣловалЪ руку ея и повторилЪ: „Извините,

сударыня, что я осмѣлился включить мужа вашего въ число моихъ наслѣдниковъ!“ Слабый голосъ его на нѣсколько минутъ прервался. Онъ собрался съ духомъ и продолжалъ: „Вашъ мужъ живетъ своими трудами; я самъ жилъ трудами моими. Я испыталъ, какое это тяжелое поприще! А притомъ я знаю, что мужъ вашъ разорился отъ усердія къ воспитанію юношей Донскаго края. Примите искреннюю жертву отъ умирающаго человѣка!“

Онъ угощалъ насъ съ тою же любезностію, какою украшались всѣ дни его жизни.

15 Сентебря 1823 года не стало благодѣтельнаго *Алберта Фишера* на землѣ; но память о немъ напечатлѣлась навсегда въ сердцахъ моего семейства.

Изъ рукъ Священника Католической церкви *Петра* и *Павла*, получилъ я *шеститысячный* завѣщанный мнѣ ломбардный билетъ. Принимая оный, я сказалъ: „Почтенный Служитель алтарей вѣры! Иностранцы печатаютъ, будто бы я ненавижу Иностранцевъ; но само Провидѣніе опровергаетъ сей несправедливый упрекъ. Сердце мое способно къ любви, а не къ ненависти. Въ лютѣйшемъ, въ отчаянномъ состояніи моего семейства, благодѣтельный

иностранецЪ завѣщалЪ мнѣ великодушное вспомоществованіе, и я получаю оное изЪ рукЪ иностраннаго Служителя алтарей вѣры."

ДругЪ и благодѣтель моего семейства! Когда разцвѣтетЪ Майская природа, которую ты такЪ страстно любилЪ; когда заструятся вЪ зеленыхЪ берегахЪ источники прозрачные, и когда разольются по рощамЪ очаровательные звуки соловьевЪ, которымЪ продражали звуки арфы твоей; тогда пойду я сЪ семействомЪ моимЪ на вмѣстилище твоего праха, и воздвигая на немЪ дружескій памятникЪ, изображу собственное твое изреченіе: *Добродѣтель не умираетЪ!*

XXXII.

СТИХИ

НА КОНЧИНУ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА, ГРАФА ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА ШУВАЛОВА.

Скорби, Отечественна слава!
Еще одинъ изъ чадъ твоихъ
Сталъ жертвой смертнаго устава:
Онъ палъ въ семьѣ друзей, родныхъ!—
Онъ палъ не тамъ, гдѣ смерть грозила;
Неумолимой смерти сила
Постигла въ мирны дни его!—
Скорби, сопутница Героевъ!
Оплачь питомца грозныхъ боевъ:
Оплачь любимца своего!

Смерть съ нами въ колыбель вступаетъ;
Подъ дланью мы ея ростемъ;
Какъ тѣнь—она насъ провождаетъ:
Увы! для смерти мы живемъ!—
Въ битвахъ кровавыхъ и ужасныхъ,
Средь бурныхъ случаевъ опасныхъ,
Шуваловъ жилъ, торжествовалъ.
Тамъ смерть—зря Рускаго Героя,
Предъ нимъ нѣмѣла среди боя;
Казалось, смерть Онъ устрашалъ!

*

Склонился Онъ къ отдохновенью;
Пріятность тишины вкусилъ;
Дни посвятилъ благотворенью,
И для семьи любезной жилъ.
Жилъ Онъ въ отрадѣ безмятежной;
Душой чувствительной и нѣжной
Съ собою страждущихъ сближалъ.
Они въ Немъ Ангела встрѣчали
И въ радостной душѣ вѣщали:
„Отцемъ вторымъ Онъ нашимъ сталъ!"

*

Рыдайте! вашъ отецъ во гробѣ;
Его затмился ясный взглядъ;
И Онъ подвергся смерти злобѣ;—
И съ Нимъ лишились вы отрадъ.
Ужь охладѣла та десница,
Которой сирота, вдовица
Крѣпились въ горести своей!—
Рыдайте! слезы проливайте!
И горестной душой вѣщайте:
„Другъ умеръ страждущихъ людей!"

*

Нѣтъ! нѣтъ! Герой не умираетъ!
Онъ побѣждаетъ гробъ и смерть:
Его Исторья оживляетъ,
И будетъ Онъ въ вѣкахъ гремѣть.
На поприщѣ воинской славы,
Шуваловъ подавалъ уставы
Въ цвѣтущей юности своей.
Въ безсмертной вѣкъ Екатерины,

Летѣлъ на грозныя твердыни,—
И *храбрыхъ* крестъ пріялъ отъ Ней (*).

*

Въ какой, въ какой край отдаленной
Орлы Россійские парятъ?—
Гдѣ жилъ народъ, Царь полвселенной,
Уже они и тамъ гремятъ.
Италія! Ты Россовъ зрѣла!
Предъ ними ярость онѣмѣла.
Гдѣ Рымникскій разилъ Герой,
Шуваловъ тамъ блисталъ, сражался;
Охотно смерти подвергался.
И славою питалъ духъ свой (**).

*

Уже подъ облака вступаетъ
Побѣдоносный Русскій сонмъ;
Онъ ночь дремучую встрѣчаетъ:
Гремитъ повсюду звучный громъ.
Но Сѣверные Исполины,
Чрезъ *Сентъ-Готарскія* вершины
Прорвались мужествомъ своимъ.
И тамъ отважныхъ, гордыхъ Галловъ
Разилъ безтрепетно Шуваловъ;
Хотя смерть самая боролась съ Нимъ (***).

*

(*) За *Прагской* приступъ, Графъ Шуваловъ получилъ Георгія.

(**) Графъ Шуваловъ охотою вызвался въ Италіянскій походъ.

(**) Прорываясь черезъ вершины Сентъ-Готарскія, Графъ Шуваловъ былъ раненъ.

Возсталъ Египта побѣдитель;
Возсталъ, возсталъ Наполеонъ!
Возсталъ народовъ истребитель;
Владѣть вселенной алчетъ онъ.
Въ предѣлы Пруссіи стремится;
Оттоль Россіи онъ грозится;
Но Россъ въ отпоръ ему предсталъ.
Шувалову тамъ лавры новы
На всѣхъ путяхъ Его готовы:
Орломъ Онъ на враговъ леталъ (*).

*

По грознымъ ледянымъ равнинамъ
Умѣлъ пути Онъ пролагать;
Явилъ,—что Россамъ-Исполинамъ
Природу можно побѣждать (**).
Съ мечемъ перо соединяя,
Въ политику умовъ вникая,
Умѣлъ уставъ давать умамъ.
На полѣ битвъ—Онъ былъ Героемъ;

(*) Начальствуя Глуховскимъ Кирасирскимъ полкомъ, Графъ Шуваловъ во всѣхъ случаяхъ мужественно отражалъ враговъ.

(**) Въ Шведскую войну 1809 года, начальствуя отдѣльнымъ корпусомъ, онъ первый изъ Русскихъ вошелъ въ Швецію черезъ *Торнео*, которою и овладѣлъ послѣ жаркой битвы. Вскорѣ потомъ при *Шефелтѣ*, сообразя все отважнымъ умомъ, онъ провелъ отрядъ по льду, окружилъ 8000 Шведовъ, принудилъ ихъ положить оружіе, взялъ 121 пушку и 24 знамена. За сей подвигъ произведенъ онъ былъ Генералъ-Лейтенантомъ.

А разлучась съ кровавымъ боемъ,
Онъ пролагалъ стези къ сердцамъ (*).

*

Когда врага всемірна сила
Нашъ край алкала поглотить;
Герой! болѣзнь Тебя сразила;
Но не надолго!—Снова жить
Ты сталъ для славы незабвенной;
Ты зрѣлъ, какъ гордый врагъ вселенной
Престолъ, вѣнецъ и все терялъ!—
Ты зрѣлъ его уничиженье,
Гордыни дерзостной паденье,—
И новой славой возблисталъ (**).

*

Безъ добродѣтели—ничто здѣсь слава;
Она мгновенный, смутный сонъ;
Она ничтожныхъ душъ отрава:
Намъ то явилъ Наполеонъ.
Но Ты подъ бременемъ недуга,
Ты не терялъ Геройска духа:
Ты вѣрой укрѣплялъ себя;
Живя другихъ—Ты самъ живился;
И съ Небомъ Ты соединился,
Страдальцевъ горестныхъ любя.

(*) При одномъ изъ блистательнѣйшихъ Европейскихъ Дворовъ былъ онъ Посломъ и на семъ новомъ поприщѣ показалъ, что Герой умѣетъ быть и искуснымъ Политикомъ.

(**) Графъ Шуваловъ присутствовалъ въ *Фонтенебло* при отреченіи Наполеона отъ престола и провожалъ сего знаменитаго плѣнника до пристани *Фрегуской*.

Герой-Христіянинъ безсмертенъ;—
Безсмертенъ здѣсь и въ небесахъ:
Путь нечестивыхъ непримѣтенъ;
А вѣры другъ—живетъ въ сердцахъ.
Безсмертіе! Твое наслѣдство!—
Нѣтъ! не оставилъ Ты семейство;
Въ его душахъ, живешь душой!—
Живешь Ты славы озареньемъ;
Живешь своимъ благотвореньемъ:
И гробъ сталъ храмомъ славы Твой (*)!

XXXIII.

ГРАФЪ ЛЕВЪ КИРИЛОВИЧЬ РАЗУМОВСКІЙ.

Графъ Левъ Кириловичь Разумовскій не долго служилъ на поприщѣ военномъ; но онъ служилъ со славою. При *Мачинскомъ* сраженіи, одержанномъ подъ начальствомъ Князя Репнина, онъ оказалъ блистательнѣйшіе подвиги мужества. Да и кто же изъ Русскихъ, достойныхъ сего имени, укрывается отъ пуль

(*) Погребеніе Графа Шувалова ознаменовано было присутствіемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Ихъ Императорскихъ Высочествъ и Его Свѣтлости Принца Оранскаго.

и картечей? Смерть на полѣ битвы есть торжество Героевъ.

Не могу достовѣрно объяснить, по какимъ обстоятельствамъ Графъ Л. К. вышелъ въ отставку. Но уклонясь въ мирное уединеніе, онъ никогда не оставлялъ службы, посвященной Отечеству и соотечественниковъ. Румянцевъ-Задунайскій говорилъ о немъ: „Графъ Левъ Кириловичь, оставя военную службу, и въ отставкѣ полезенъ Отечеству. Онъ Герой человѣколюбивый, онъ живетъ не для себя, а для другихъ: а тѣмъ самымъ и показываетъ примѣръ истиннаго Русскаго Вельможи."

И дѣйствительно Графъ Левъ Кириловичь во все время своей отставки, то есть до перехода отъ сего міра въ могилу, неутомимо служилъ страждущему человѣчеству. Знаменитый Французскій духовный витія Боссюетъ, у гроба великаго *Конде,* славнѣйшаго Героя своего вѣка, сказалъ: „Да удалятся отъ насъ Герои не благодѣтельные! Они удивляютъ, но не владычествуютъ надъ сердцами."

Графъ Левъ Кириловичь Разумовскій всегда владычествовалъ надъ сердцами. Онъ жилъ для *благотворенія.* Оставляя великолѣпныя свои палаты, онъ въ видѣ честнаго человѣка, *запросто* одѣтаго, ходилъ по улицамъ Московскимъ, отыс-

кивалъ страдальцевъ и щедрою вельможескою рукою надѣлялъ ихъ. Онъ мирилъ *нищету* съ *богатствомъ*. Бѣдный проситель, получившій такую дачу, о какой и воображать не могъ, въ восторгѣ своемъ мыслилъ, что самъ Ангелъ его хранитель ему благодѣтельствуетъ. Такое неожиданное благодѣяніе оживляло его не на *одинъ день,* но на *цѣлые годы,* а можетъ быть и на все продолженіе странствованія въ семъ мірѣ. Надежда есть благотворное солнце, озаряющее горестные пути бѣднаго смертнаго. Получа однажды внезапную помощь, мы думаемъ, что оная и впредь встрѣтитъ насъ.

Накануне годовыхъ праздниковъ, по старинному Русскому обычаю, Графъ Левъ Кириловичь Разумовскій самъ обходилъ и тюремный замокъ и Губернскую яму, гдѣ содержатся несостоятельные должники. Внимательною благотворительностію умѣлъ онъ вывѣдывать обстоятельства страдальцевъ; и рука неизвѣстнаго благотворителя изводила ихъ изъ заключенія; и страдальцы, возвращаясь въ нѣдра семействъ, съ радостными слезами молились Богу о своемъ Ангелѣ искупителѣ. Что же чувствовалъ тогда благодѣтельный Графъ; что же чувствовалъ тотъ, кто

страдальцевъ безнадежныхъ одушевлялъ новою жизнію?

Въ первой пѣсни *ночей* своихъ, *Юнгъ,* обращаясь къ любимцамъ щастія, которые должны быть въ семъ треволненномъ мірѣ *творцами Провидѣнія для бѣдныхъ,* говоритъ.

„Любимцы щастія! изъ пышныхъ тѣхъ палатъ,
Гдѣ роскошь съ нѣгою отрады вамъ сулятъ,
И часто лишь одно приносятъ пресыщенье;
Подъ бѣдный кровъ давать спѣшите утѣшенье.
Кто горькой участью сталъ въ мірѣ пораженъ,
Пусть будетъ вашею рукой тотъ подкрѣпленъ."

Графъ Левъ Кириловичь Разумовскій по собственному побужденію сердца своего, любилъ добро и искалъ случая утѣшать страдальцевъ. Однажды на Тверскомъ булеварѣ подалъ онъ одной бѣдной и престарѣлой женщинѣ щедрую милостиню, и услышалъ сіи слова: *Батюшка! Да не Графъ ли ты Левъ Кириловичь! Всѣ говорятъ, что онъ такой же милостивецъ, какъ и ты.— Молись Богу,* отвѣчалъ Графъ, *и не разсказывай никому о Графѣ.*

Съ нимъ много было такихъ случаевъ. Слѣдственно онъ жилъ для добра, дѣлалъ добро и наслаждался прелестію добра

„Почувствовать добра пріятство,
Такое есть души богатство,
Какого *Крезъ* не собиралъ.

Крезъ, Царь *Лидійскій*, среди несмѣтныхъ своихъ сокровищъ, мертвъ былъ душою; а Русской благодѣтельный Графъ собиралъ то, чего не имѣлъ сей вѣнценосный златолюбецъ: онъ собиралъ благословенія страдальцевъ.

Не нужно говорить, что Графъ Левъ Кириловичь былъ отцемъ поселянъ своихъ. Отъ *Петровскаго* до Москвы несли они гробъ его на плечахъ своихъ и со слезами восклицали: *ты оставилъ насъ, отецъ нашъ!*

Ты оставилъ, Графъ благодѣтельный, и сей міръ и семейство твое. Но напоминаніе о тебѣ дотолѣ будетъ существовать, доколѣ не погаснетъ въ сердцахъ послѣдняя искра добра. Но это никогда не случится: слѣдственно ты всегда будешь въ памяти людей, какъ другъ и благодѣтель страдальцевъ.

17 Ноября 1823.

XXXIV.

ВОСТОРГЪ РОССІЯНИНА ПРИ ЛИЦЕЗРѢНІИ ГОСУДАРЯ.

„Вѣрноподданному, говорилъ Суворовъ, дорого лицезрѣніе МОНАРХА.“

Такимъ неоцѣненнымъ удовольствіемъ насладился въ проѣздъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА 1823 года черезъ Бѣлоруссію, долголѣтній служитель временъ Екатерины, Петръ Ивановичь Турчаниновъ (*).

Находясь двадцать се́мь лѣтъ въ отставкѣ и далеко уже простираясь на пути преклонной старости, онъ оживотворился сладостною надеждою еще разъ воззрѣть на ГОСУДАРЯ и забылъ бремя своей старости. Пронеслась молва, что ранній обѣдъ МОНАРХА будетъ въ *Поболовѣ,* на почтѣ *Угреневича.* Немедленно отправилъ туда

(*) Проходя поприще Гражданской службы, П. И. Турчаниновъ извѣстенъ былъ и по военной части. Въ 1789 г. сказано: „Генералъ-Маіоръ Турчаниновъ по Высочайшему соизволенію при галерномъ флотѣ находился: снабжалъ тотъ флотъ всѣмъ нужнымъ; въ дѣлѣ былъ неотлучно съ Вице-адмираломъ; повсюду поспѣшалъ, гдѣ присутствіе его было нужно, и являлъ опыты отличнаго усердія и неустрашимости.“

Петрѣ Ивановичь хлѣбъ-соль, состоявшую въ садовыхъ плодахъ, виноградѣ и ананасахъ; а самъ выѣхалъ на большую дорогу, къ постоялому двору. Вдругъ появилась ГОСУДАРЕВА коляска. Зрѣніе стародавняго Чиновника, ослабѣвшее отъ лѣтъ и трудовъ, не могло распознать МОНАРХА, но ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ по ангельской внимательности своей, тотъ часъ примѣтилъ Турчанинова и вскричалъ: „это Петрѣ Ивановичь!" Восклицаніе сіе отозвалось въ душѣ его; онъ собралъ всѣ силы, чтобы поспѣшнѣе идти къ ГОСУДАРЮ. Но МОНАРХЪ милосердый выскочилъ изъ коляски, обнялъ усерднаго своего подданнаго и поцѣловалъ его нѣсколько разъ. Въ радостномъ восторгѣ Турчаниновъ предался такомуже душевному влеченію. Казалось, что Петръ Великій обнимаетъ кого нибудь изъ сотрудниковъ своихъ. Ласковость Государей украшаетъ ихъ величіе. Но тутъ ГОСУДАРЬ предался одной благости своего сердца. Увидя Чиновника, котораго зналъ еще въ юности своей и котораго привыкъ любить за его честность и заслуги къ престолу, ОНЪ обошелся съ нимъ какъ съ давнишнимъ знакомцемъ.

Вступя въ разговоръ съ благосклоннымъ МОНАРХОМЪ, Турчаниновъ въ полной откровенности сердечной, сказалъ: „примите, ГОСУДАРЬ! отъ ста-

рика три Руские спасиба за то, что вошедъ въ Парижъ, какъ побѣдитель, предписали изъ стѣнъ сей столицы Франціи, Духовной нашей Академіи почерпать просвѣщеніе народа въ истинахъ Евангельскихъ. Вы симъ подвигомъ увѣнчали благонравіе. Служба вѣрныхъ служителей Престола идетъ тамъ ревностно, гдѣ начальники и подчиненные соблюдаютъ взаимныя свои обязанности. Вы, ГОСУДАРЬ! какъ попечительный Отецъ, посѣщая чадъ своихъ, видите, гдѣ какъ живутъ и что должно исправить. Бѣлоруссія вполнѣ это чувствовала въ проѣздъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ *Вероны*."

ГОСУДАРЬ хвалилъ Петру Ивановичу сына его, служащаго въ арміи Генералъ-Маіоромъ, и давая замѣтить, что и ОНЪ постарѣлъ, указалъ на свою голову. „Вижу, ГОСУДАРЬ! сказалъ Турчаниновъ, что и Вы постарѣли, но за то много сдѣлали."

Съ такими же чувствами простился ГОСУДАРЬ съ давнишнимъ своимъ знакомцемъ, съ какими и свидѣлся. ГОСУДАРЬ уже сѣлъ въ коляску, а восхищенный Турчаниновъ, не спуская съ Него глазъ, поднесъ виноградъ. При чемъ подчивалъ также Государевыхъ сопутниковъ Графа Аракчеева и Барона Дибича.

Я питаю къ нимъ истинное уваженіе, сказалъ онъ, за заслуги ихъ Отечеству."

Долго, долго смотрѣлъ оживотворенный старецъ на ГОСУДАРЕВУ коляску. Все скрылось изъ виду; но образъ ласковаго и благосклоннаго ГОСУДАРЯ снова начертался въ душѣ его и какъ онъ самъ говоритъ: „Сей радостный случай украситъ послѣдніе годы и послѣдніе дни его жизни."

XXXV.

ОПИСАНІЕ ПРАЗДНИКА, ДАННАГО ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ ЛЬВОМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ НАРЫШКИНЫМЪ 29 ІЮЛЯ 1772 ГОДА, ВЪ ПРИМОРСКОМЪ ЕГО ДОМѢ ЛЕВЕНДАЛѢ.

Воспоминаніемъ живетъ душа, воспоминаніемъ живетъ сердце. Воспоминаніе есть дѣйствительно *второе бытіе* для того, кто живетъ въ сельскомъ уединеніи. Въ шумныхъ столицахъ некогда *вспоминать*; въ вихрѣ разсѣянности ловятъ одну настоящую минуту. И такъ, живучи въ глуши и роясь въ мирной хижинѣ въ старинныхъ моихъ бумагахъ, отыскалъ я описаніе и *вели-*

колѣпнаго и *сердечнаго* праздника, даннаго Великой Екатеринѣ Рускимъ Вельможею.

Я предложу сіе описаніе съ нѣкоторыми собственными прибавленіями.

Въ приморскомъ своемъ домѣ *Левендалѣ*, осѣненномъ обширною рощею, Л. А. Нарышкинъ назначилъ празднество 29 Іюля 1772 года. По предварительному приглашенію съѣхались въ рощу и чужестранные Министры и знаменитыя особы и купцы. Народъ самъ собою стекался; входъ былъ всѣмъ открытъ и сердечная ласка всѣхъ принимала. Казалось, что одно изъ *предмѣстій Китайскихъ* переселилось на Петербургскую приморскую дачу. Прелестные домики, построенные на образецъ Китайскій, плѣняли взоры; а слѣдующая надпись, начертанная на разныхъ языкахъ, возбуждала искреннюю благодарность къ гостепріимному хозяину: *хозяинъ весьма будетъ радъ, если пріѣзжіе будутъ посѣщать сіе мѣсто, когда угодно.* Прекрасная мысль и прекрасное приглашеніе! не всѣ осыпаны дарами щастія, но тотъ истинно щастливъ, кто *свое* предлагаетъ *другимъ*.

На каждомъ шагу встрѣчались новые очаровательные предметы. Тутъ пестрѣлись въ пріятномъ разнообразіи

различные цвѣты и возвышались кусты; тамъ свѣтлая излучистая рѣчка влекла за собою восхищенные взоры; тамъ являлась цѣпь острововъ; тутъ представлялись дикіе буераки; а тамъ взоръ терялся въ неизмѣримомъ протяженіи дорогъ и въ густотѣ лѣса; а тутъ встрѣчались мрачныя пещеры и горы, возвышавшіяся уступами.

Въ *семь* часовъ вечера все еще болѣе оживилось присутствіемъ Екатерины и Наслѣдника Престола. Не нужно говорить, что громкіе звуки музыки и сердечныя восклицанія повсемѣстно привѣтствовали Царицу—Посѣтительницу. Изъ дома хозяина Императрица вошла въ рощу. Вездѣ раздавалась музыка, и каждое мѣсто представляло новыя забавы; особенно островъ, гдѣ были качели, казался островомъ волшебнымъ. Излучистая дорога, обсаженная различными кустами, провела Екатерину въ чащу мрачнаго лѣса, гдѣ представлялась дикая пещера, обросшая мохомъ и дерномъ; поверхность ея украшалась цвѣтами и плодами, служащими отрадой пустынникамъ. Вдали раздавались пастушечьи свирѣли. По звуку ихъ нечувствительно приближались къ холму, осѣненному лѣсомъ и испещренному цвѣтами; на вершинѣ его стояла хижина; подъ нею на скатѣ горы пасту-

хи пасли стада свои, а пастушки собирали цвѣты для украшенія сельскаго своего жилища. При приближеніи Царицы, музыка умолкла, и двѣ первенствующія пастушки *Филида* и *Лиза* въ простомъ пастушескомъ одѣяніи и съ посохами, обвѣшанными цвѣтами, поспѣшили на лугъ на встрѣчу къ Вѣнценосной Гостьѣ.

Филида (*).

„Царица душъ, сердецъ! приди подъ кровъ смиренной;
Хотябъ здѣсь пышности стеклися всей вселенной,
То мало было бы, чтобы тебя принять:
Что можетъ удивить народа нѣжну мать?..
Олтарь ея—сердца; вѣнецъ—любовь народа:
Воззрѣніемъ ея украсится природа:

(*) По случаю сего празднества издана была Французская книжка, въ которой предложены были рѣчи, произнесенныя Екатеринѣ. У меня нѣтъ этой книжки. Я предлагаю стихи по догадкѣ. Русская Царица съ ласкою принимала всѣ изъявленія сердечныя и въ прозѣ и въ стихахъ. Въ бытность Ея въ Казани, *Лузинъ* читалъ Ей на распѣвъ длинную и нескладную оду. Екатерина слушала ее благосклонно, ибо слышала голосъ усердія. И тѣнѣ и праху сей ласковой Государыни пріятно посвящать новыя изліянія усердія.

Л и з а.

„Приди, Царица душъ! подъ сельскій скромный кровъ;
Не стелемъ для тебя мы пышныхъ здѣсь ковровъ;
Душистыми твой путь усѣемъ лишь цвѣтами;
А встрѣтимъ въ хижинѣ усердными сердцами.
Присутствіемъ своимъ ты дашь жизнь нову намъ;
И скромна хижина преобразится въ храмъ."

И вдругъ—какъ будто бы по мановенію волшебнаго жезла, смиренная хижина преобразилась въ великолѣпный храмъ побѣды. Два крыльца вели въ оный. При дверяхъ каждаго входа стояли статуи, представлявшія побѣды, увѣнчавшія оружіе Россіянъ. Въ срединѣ свода парилъ орелъ съ распростертыми крыльями; на груди его сіяло имя Императрицы, а въ когтяхъ держалъ онъ свитокъ съ надписью: *Екатеринѣ Второй Побѣдительницѣ.*

Учредитель празднества, сообразуясь съ качествами Русской Царицы, которая съ *малыми средствами* достигала *великой цѣли*, скромную хижину преобратилъ въ храмъ побѣды.

Два перехода, наполненные воинами, окружали храмъ. Гремѣла музыка воинская, и блистало бранное оружіе. Столбы обвиты были лаврами, пальмами и

трофеями. На верьху храма, среди огненныхъ сосудовъ, являлась Слава съ трубою.

Изъ внутренности храма вышелъ *Геній* побѣды, и поднеся Екатеринѣ лавровый вѣнецъ, вѣщалъ:

„Вѣнчанна славою, любимая сердцами,
Для щастья Россіянъ хранима Небесами;
Что принесемъ тебѣ? сердца!—онѣ твои;
Тобой вкушаемъ мы златаго вѣка дни.
Съ душою Ангельской, ты браней не хотѣла;
И лучшею изъ всѣхъ побѣдою владѣла:
Побѣда благости лестнѣе всѣхъ побѣдъ;
Побѣдой сей къ сердцамъ ты проложила слѣдъ.
Но буйный врагъ возсталъ; и—гордостью влекомый,
Неотразимые на насъ мнилъ бросить громы;
Ты ополчилася за чадъ—возстала мать;
И врагъ кичливый сталъ повсюду трепетать.
Не лавровъ ищешь ты, но щастья странъ подвластныхъ;
Ты дни свои ведешь для насъ въ трудахъ всечасныхъ.
Живи! намъ даръ Небесъ власть кроткая твоя;
Всѣ Россы то гласятъ, что здѣсь вѣщаю я.

Екатерина вступила въ храмъ, и картины, представлявшія *трофеи*, превратились въ изображеніе слѣдующихъ *шести* побѣдъ.

Первая. Взятіе Хотина 9 Сентября 1769 года. *Геній* въ радужномъ сія-

нія надъ городомъ, гласилъ: *сопротивленіе было бы тщетно.*

Вторая. Сраженіе при рѣкѣ Ларгѣ 7 Іюля 1770 года. Слава, парившая на облакахъ, вѣщала: *не симъ однимъ кончится.*

Третія. Кагульская битва 21 Іюля 1770 года. Минерва, взиравшая съ превыспренняго свода, показывала свитокъ съ симъ начертаніемъ: *число преодолено храбростію.*

Четвертая. Сожженіе Оттоманскаго флота при Чесмѣ. Орелъ, паривmій въ небесахъ и испускавшій молніи, держалъ свитокъ съ надписью: *небывалое исполнилось.*

Пятая. Взятіе Бендеръ 16 Сентября 1770 года. На тверди небесной являлась Беллона, метавшая на городъ стрѣлы. Въ одной рукѣ держала она пылавшій факелъ, а въ другой хартію съ надписью: *что можетъ устоять?*

Шестая. Покореніе Кафы и всего Крыма 1771 года. Слава, парившая среди лучезарныхъ облаковъ, держала въ рукахъ лавры для увѣнчанія Героевъ-Россовъ. Крымъ, восхищенный владычествомъ Екатерины, показывалъ свитокъ съ надписью: *Коль сладокъ нынѣ жребій мой!*

Отъ Русскихъ памятниковъ славы и побѣдъ, Екатерина перешла въ *Ки-*

тайское урочище. Домы, сады и птичники,—все было тамъ во вкусѣ Китайскомъ. Домашніе служители были въ Китайской одеждѣ, музыка играла Китайская; среди домовъ возвышалась горка, сотавленная изъ рѣдкихъ морскихъ раковинъ, разноцвѣтныхъ камней и окаменѣлыхъ растѣній. На площади возвышались мачты, украшенныя Китайскими *пагодами,* съ колокольчиками и разноцвѣтными флагами.

„Усердье всѣ мѣста сближаетъ;
Властитель щастливыхъ сердецъ
Всѣ части міра тамъ встрѣчаетъ,
Гдѣ даръ небесъ—его вѣнецъ.“

Отдохнувъ нѣсколько въ *Китайскомъ урочищѣ*, Екатерина черезъ небольшой мостъ перешла въ правую сторону рощи.

„И вдругъ—раздался звукъ рожковъ,
Предстало поселянъ селенье;
Отозвалось сердечно пѣнье;
Изчезъ *узорчатый* Китай,
Родной явился Русской край.
Тамъ хижины обгороженны,
Привольемъ щастливымъ снабженны,
Своею милой простотой
Сердца и взоръ обворожали.
Тамъ нивы жатвой золотой
При солнечныхъ лучахъ блистали;
Тамъ пчельниковъ являлся рядъ;

Тамъ всѣхъ стеченіе отрадъ
Безъ блеска — сердце восхищало,
И вѣкъ златой напоминало."

Словомъ: въ семъ мѣстѣ устроено было селеніе *зажиточныхъ Русскихъ крестьянъ.* Полюбовавшись симъ сельскимъ щастіемъ, которое Русская Царица искренно желала водворить повсемѣстно, она возвратилась къ Китайскимъ домикамъ, а оттуда направила путь къ площади храма, намощенной досками. Загремѣла огромная музыка, и начались различныя пляски.

Великолѣпный ужинъ приготовленъ былъ Екатеринѣ въ домѣ хозяина, а двѣ тысячи посѣтителей угощаемы были въ разныхъ бесѣдкахъ. Освѣщеніе было повсемѣстное и разноцвѣтное. Наружный блескъ сливался съ блескомъ, озарявшимъ всѣ души. Не одинъ блестящій санъ Екатерины, но ея слава, а еще болѣе любовь ея къ народу, возбуждали во всѣхъ сердцахъ непритворный восторгъ. Тогда слава ея была въ полномъ сіяніи. Но сія слава блеснула, мелькнула и—исчезла. Громы новыхъ побѣдъ заглушили громы дней прошедшихъ. Что же осталось съ Екатериною? Любовь, которою она отъ чистаго сердца дарила свой народъ; и по праву сей любви, она всегда будетъ жить въ сердцахъ: сія

неумирающая жизнь принадлежитъ Екатеринѣ.

Послѣ ужина при рѣкѣ *Красной* зажженъ былъ фейерверкъ. На щитѣ являлась *Астрея*, въ одной рукѣ державшая рогъ изобилія, а въ другой *вѣсы правосудія*. Въ низу изображены были пастухи со стадами своими. Распри и раздоры бѣжали отъ сихъ щастливыхъ мѣстъ. То было изображеніе золотаго вѣка.

„Нѣтъ вѣка на землѣ златова,
Нѣтъ тамъ его, гдѣ мрачность бурь
Темнитъ небесную лазурь;
Гдѣ съ жизнью вмѣстѣ—смерть сурова;
Гдѣ добродѣтель слезы льетъ;
Гдѣ сильный слабаго гнететъ;
Гдѣ все дано—*на мигъ единый....*
Но вѣкъ златой Екатерины
Былъ вѣкомъ по любви златымъ;
И мы его въ душахъ хранимъ.“

По сожженіи щита, Екатерина вышла изъ палатки, откуда смотрѣла на *фейерверкъ*. Новое зрѣлище поразило изумленныхъ посѣтителей. Подъ тѣнію древесной открылось прозрачное огненное явленіе, представлявшее на колесницѣ *Феба*, державшаго въ рукахъ вензелевое Императрицы имя, озарявшее всѣхъ лучами своими. Подъ симъ лучезарнымъ именемъ изображенъ былъ престарѣлый *Браминъ*, стоявшій между пальмою и алоемъ. Воздѣвъ руки къ

небесамъ, и покланяясь сему блестящему свѣтилу, казалось, онъ вѣщалъ:

„Какъ солнце все живитъ и міръ весь освѣщаетъ,
Такъ вѣнценосная все благость оживляетъ,
И кровъ соломенный и пышности чертогъ
Сіяньемъ солнечнымъ все озаряетъ Богъ.
И власть такъ Царская съ любовью сопряженна,
Все озарять собой бываетъ устремленна;
Величье безъ любви дивитъ, а не живитъ;
Средь мрака и средь бурь любовь всегда блеститъ.
О солнце нашихъ дней, источникъ оживленья!
Блистай, свѣти, сіяй, не вѣдай захожденья.“

Уже посѣтители воображали, что все кончилось, и готовились разъѣзжаться; но внезапно открылся мраморный столбъ, освѣщенный среди *перспективы.* На вершинѣ его парилъ двуглавый орелъ съ лучезарнымъ именемъ Екатерины. На подножіи, сооруженномъ изъ дикаго камня, на мѣдныхъ доскахъ бронзовыми буквами изображена была слѣдующая надпись: *Сей изъ обрѣтеннаго въ Сибири мрамора сдѣланный и отъ всещедрой Екатерины Второй въ даръ полученный столбъ, въ залогъ незабвенной своей благодарности къ Ея Императорскому Величеству, на семъ мѣстѣ поставилъ* Левъ Нарышкинъ, *въ годъ прибытія Россійскаго флота въ*

Морею и истребленія Турецкихъ морскихъ силъ.

Къ увѣнчанію сего торжества, на верху столба блеснуло искуственное восходившее солнце, и озарило рощу лучами своими. Еслибъ не было тогда полуночи, то можнобъ было подумать, что наступилъ день.

Одинъ изъ стихотворцевъ того времени тогда же написалъ карандашемъ слѣдующіе стихи:

„О чудо новое! что видитъ здѣсь народъ?
Въ необычайный часъ зримъ солнечный восходъ.
Конечно *Фебъ*, узнавъ приходъ Екатерины,
Вознесся въ полночь здѣсь изъ влажныя пучины,
И не хотя еще взойти на твердь небесъ,
Урѣть ее спѣшилъ онъ въ *Левендальской* лѣсъ.“

XXXVI.

МОСКОВСКІЯ ЯМСКІЯ СЛОБОДЫ.

По преданію изустному, то есть, по сему первоначальному основанію всемірныхъ лѣтописей, и теперь еще существуетъ сказаніе въ семействахъ Московскихъ ямщиковъ, что учрежденіе ихъ относится ко времени перваго и

достопамятнаго похода подъ Казань Царя Ивана Васильевича.

Нѣтъ писменныхъ сему свидѣтельствъ, но есть правдоподобіе.

Первый походъ перваго Русскаго Царя, предпринятый подъ Казань 1550 года, сопровождаемъ былъ непогодливою и бурною зимою. Войско претерпѣвало сильный уронъ въ людяхъ, и сверхъ того надлежало преодолѣвать и трудности бездорожья (*).

Необычайныя обстоятельства требуютъ и необычайныхъ мѣръ. И такъ къ сбереженію войска, огнестрѣльныхъ орудій, снарядовъ и продовольствія, надлежало учредить особенныхъ *подводчиковъ* или *ямщиковъ*.

Сочинитель книжки: *О старинныхъ Московскихъ приказахъ*, предполагаетъ, что *Ямскія Московскія слободы* воспріяли существованіе свое при Царѣ Борисѣ Годуновѣ или тогда, когда онъ былъ полновластнымъ Правителемъ Россіи при Царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ (**). Хотя и сего не льзя утвердить писменными памятниками; но сіе сближеніе съ царствованіемъ Ивана Васильевича,

(*) Смот. Опытъ Казанской Исторіи Рычкова, глава, 10, стран. 126.

(**) Смот. Древнюю Россійскую Вивліоѳику, Часть 20, стран. 413.

покорителя Казани, свидѣтельствуетъ, что ямщики могли быть и въ его время.

Въ трех-лѣтнее междуцарствіе, когда, по словамъ Русскихъ Лѣтописцевъ, *вдовствовалъ Царскій престолъ и сиротѣла земля Русская,* ямщики или подводчики съ неутомимымъ раченіемъ и скоростію развозили порохъ и оружіе, служившія къ защитѣ земли Русской (*).

„Важное произшествіе, сказано въ вышеупомянутой книжкѣ, преобразившее значительное число гражданъ и крестьянъ въ *ямщики,* и въ слѣдствіе того снабженіе ихъ изобильнымъ владѣніемъ земель, почти утвердительно можно отнесть къ царствованію Михаила Θеодоровича. Изъ записной книги 1627 года, Марта 8 явствуетъ, что сей Государь и Великій его родитель, Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичь, *указали* давать опредѣленное число подводъ и *Властемъ и Бояромъ и Околвничимъ и Думнымъ и всякихъ чиновъ людемъ по своему Государскому уложенію* (**).

Весьма вѣроятно, что Патріархъ Филаретъ Никитичь, знавшій о важныхъ пользахъ, доставленныхъ въ трехлѣтнемъ междуцарствіи подводчиками

(*) Смот. Грамоты того времяни.

(**) Смот. Древнюю Россійскую Вивліоѳику, Часть 20, стран. 413.

или ямщиками, содѣйствовалъ къ учрежденію ихъ слободъ. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ оныхъ основался и *Ямской Приказъ.* Въ сей Приказъ назначились чиновники, изъ *знатнѣйшихъ чиновъ,* съ которыми засѣдали и *Дьяки.* Въ 1628 и 1629 годахъ засѣдалъ въ Ямскомъ Приказѣ незабвенный сынъ Отечества, защитникъ Москвы и Россіи Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій.

Царь Алексѣй Михайловичь, ограждая безопасностью почтовую гоньбу и въ изъявленіе довѣренности своей къ ямщикамъ, приказалъ сшить имъ *шесть* кафтановъ суконныхъ, *Амбурскаго сукна цвѣта,* и нашить на оныхъ орлы, изображенные на красномъ сукнѣ. Симъ почетнымъ ямщикамъ препоручено было надзирать, чтобы за границу не провозили изъ Россіи ни золота, ни серебра, ни жемчуга. Такимъ образомъ ямщики были охранителями сокровищъ Государственныхъ (*).

Благотворное вниманіе Русскихъ Государей ко всѣмъ сословіямъ Русскаго народа и нынѣ еще въ полной мѣрѣ продолжается.

1818 Года Іюня 15 дня, по соизволенію ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, Тверской *Ямской*

(*) Смотри Древ. Рос. Ист. стр. 543.

слободы ямщикъ Яковъ Семеновъ Ершовъ за усердный десяти-лѣтній подрядъ для отвоза кормилицъ съ питомцами, награжденъ бархатнымъ кафтаномъ съ золотымъ гасомъ. Тотъ же самый ямщикъ удостоился получить 1822 Декабря 29 серебряную медаль за различные усердные подвиги, оказанные въ отношеніи къ Воспитательному Дому.

1820 Года, по представленію бывшаго Почтъ-Директора, Его Превосходительства Константина Яковлевича Булгакова, ямщики Тверской слободы Петръ Ивановъ Сочкинъ и Егоръ Васильевъ Какоринъ, за точное и ревностное исправленіе обязанностей по почтовымъ *станціямъ* Московской Губерніи, пожалованы Милосердымъ ГОСУДАРЕМЪ богатыми суконными малиноваго цвѣта кафтанами съ позументомъ.

Предложимъ здѣсь о ямскихъ Московскихъ слободахъ изъ прошенія къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, лично поданнаго ямщиками 1816 года.

,,Московскія ямскія пять слободъ: Тверская, Драгомиловская, Коломенская, Переславская и Рогожская, со времени населенія ихъ по мѣстоположенію своему за Землянымъ городомъ Москвы, состояли въ предмѣстіяхъ города на

правѣ уѣздныхъ жителей. Въ тѣ времена, въ царствованіе вѣчно достойной памяти Великихъ Князей, Царей и Государей Всероссійскихъ, за нашихъ предковъ усердную и вѣрную службу пожалованы удѣломъ земель въ вѣчное и потомственное владѣніе, и притомъ отъ всѣхъ податей, налоговъ и отъ рекрутской повинности были освобождены.

„Отъ времени до времени Москва распространилась своимъ населеніемъ до того, что черта города, бывшая по земляному валу, назначена по другому, такъ называемому Камеръ-Коллежскому валу.—И ямскія слободы, войдя такимъ образомъ въ существенную окружность города, содѣлались настоящими его улицами.“

Предусмотрительный Государь, неусыпно сохраняя и соблюдая благо и собственность каждаго изъ подданныхъ, врученныхъ ему Провидѣніемъ, излилъ на ямскія слободы слѣдующія новыя благодѣянія, означенныя въ предписаніи отъ 16 Марта 1817 года, бывшему Московскому Генералъ-Губернатору, Генералу отъ Кавалеріи Графу Тормасову:

1) Числющуюся на ямщикахъ недоимку поземельнаго сбора съ застроенной и незастроенной земли, а равно и пѣню по сей недоимкѣ, сложить съ нихъ

по 1817й годъ не въ примѣръ другимъ обывателямъ, съ которыми не имѣютъ они равнаго права пріобрѣтать въ собственность землю и располагать ею.

2) Въ замѣну поземельнаго сбора и въ замѣну предполагаемаго съ оцѣнки домовъ, брать съ ямщиковъ въ пользу города процентныя деньги съ получаемаго ими дохода, съ лавокъ по шести, а съ постоялыхъ дворовъ по три процента съ рубля. Сего требуетъ справедливость, ибо съ одной стороны земля, ямщикомъ занимаемая, не есть собственность его, какъ выше сказано. Слѣдовательно и самая оцѣнка дома, на такой землѣ находящагося, будетъ ничтожна, когда не можетъ домъ быть проданъ въ другіе руки иначе, какъ на свозъ; а съ другой не льзя не принять въ уваженіе и того, что ямщикъ платитъ подати и повинности вдвое противу мѣщанина.

3) Купеческимъ акцизомъ облагать тѣхъ только ямщиковъ, кои производятъ торговлю, купечеству присвоенную; но тѣхъ изъ нихъ, кои занимаются мѣлочнымъ торгомъ менѣе суммы, опредѣленной для купца 3 ей гильдіи, или кои занимаются торгомъ и промысломъ крестьянамъ дозволенными, обложить акцизомъ, равнымъ съ крестьянами, не принуждая къ платежу противъ

купца 3 ей гильдіи, когда у таковаго ямщика и товару находится едва на равную сумму требуемой Градскою Думою подати.

4) Ямщиковъ, занимающихся ремесломъ, на примѣръ: кузнецовъ, колесниковъ и тому подобныхъ, не облагать другимъ какимъ акцизомъ, кромѣ причисленія въ ремесленные цехи.

5) Впрочемъ, не взирая на распоряженіе сіе, облегченіе ямщиковъ единственно въ себѣ заключающее, они должны оставаться въ настоящемъ ямскомъ состояніи и выполнять по оному безъ упущенія всѣ обязанности, равно содержать и мостовую въ своихъ слободахъ."

По необычайному стеченію дивныхъ событій на лицѣ земли, благотворное вниманіе АЛЕКСАНДРА Перваго обращено было на ямскія Московскія слободы, послѣ разоренія, претерпѣннаго Москвою 1812 года: послѣ такого же 12 го, т. е. 1612 года, воспослѣдовало льготное предписаніе въ пользу Московскихъ ямщиковъ. „А послѣ Московскаго раззоренія, сказано въономъ, которой гонецъ подводу надсади тѣмъ же обычаемъ, и за тѣ подводы правили на гонцахъ деньги противъ купли, справясь съ записными книгами на конной

площадкѣ, потому что предъ прежними лѣтами лошади дороги."

Въ подтверждение того, что я упомянулъ о важныхъ заслугахъ ямщиковъ въ трехъ-лѣтнее между-царствіе, въ воспослѣдовавшемъ потомъ Указѣ Царя Михаила Ѳеодоровича изображено: „Ямщикамъ на Воеводъ никакого сдѣлья не дѣлать, и городоваго и *осторожнаго дѣла* (*) съ посадскими людьми дѣлать не велѣно, а велѣно ямщикамъ гонять ямскую гоньбу."

Благодѣтельные Самодержцы Россіи на все обращали отеческое вниманіе и тѣмъ самимъ подвигали сыновъ Россіи къ душевнымъ и неограниченнымъ пожертвованіямъ во всѣхъ случаяхъ, когда Вѣра, Престолъ и Отечество того требовали. Хотя, по Указу Царя Михаила Ѳеодоровича, ямщики уволены были отъ *сторожеваго дѣла,* т. е. отъ стражи воинской; но въ 1790 году, когда Шведскій Король, предполагая, что Россія, озабоченная войною съ Оттоманскою Портою, не въ силахъ будетъ ему противустоять, вознамѣрился овладѣть Петербургомъ: ямщики вызваны были на службу. Полкъ, изъ нихъ составленный, дѣйствовалъ на по-

(*) *Осторожнаго дѣла*, кажется, означаетъ дѣло, относящееся къ воинской службѣ.

лѣ грозныхъ битвъ, и Русскіе ямщики раздѣлили славу и честь съ воинами. Въ достопамятный 1812й годъ ямщики новыми пожертвованіями ознаменовали рвеніе свое къ Престолу и Отечеству. Соревнуя Дворянамъ, Ямская *Рогожская слобода* выставила въ ратники 20 человѣкъ; а подражая купечеству, пожертвовала *пятью тысячами* рублей, которые тогдашнему Московскому Градоначальнику Графу Θеодору Васильевичу Растопчину вручилъ престарѣлый житель ямской Рогожской слободы, Иванъ Семеновъ Ширяевъ, извѣстный долголѣтными заслугами по званію своему. Онъ имѣлъ счастіе встрѣчать съ хлѣбомъ и солью и Императрицу Екатерину II и Императора Павла Перваго, и Императора АЛЕКСАНДРА Перваго.

Всѣ обстоятельства, относящіяся къ симъ радостнымъ и торжественнымъ случаямъ, и всѣ милости Царскія живо напечатлѣны въ памяти и въ сердцахъ Московскихъ ямщиковъ.

Упомянемъ о Высочайшей милости, оказанной ямскому сословію 1824 года. Престарѣлый, но не охладѣвающій никогда въ ревности къ пользѣ общей, житель слободы Рогожской, Иванъ Семеновъ Ширяевъ съ товарищами, имѣлъ счастіе встрѣтить ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА въ одиннадцати верстахъ отъ Серпухова у села *Лужковъ*. Вмѣстѣ съ хлѣбъ-солью ямщики удостоились подать прошеніе. „Это что такое? спросилъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, съ обыкновенною Своею Отеческою снисходительностію. Престарѣлый Ширяевъ отвѣчалъ: „Просимъ Тебя, Милосердый ГОСУДАРЬ, о вторичной отсрочкѣ ссудной суммы. Если можно, яви сію милость.“—Можно, сказалъ ГОСУДАРЬ.—И симъ однимъ словомъ Вѣнценосный Ангелъ отсрочилъ сотни тысячь. Награждая сею милостію ямщиковъ, ГОСУДАРЬ прибавилъ: „Пусть богатѣютъ, да Бога не забываютъ.“

XXXVII.

ВЗЯТІЕ КРѢПОСТИ ЛАНКОРАНА 31 ДЕКАБРЯ 1812 ГОДА ГЕНЕРАЛОМЪ КОТЛЯРЕВСКИМЪ.

Герой Грузіи, увѣнчанный свѣжими лаврами, пожатыми за *Аракомъ*, при отважномъ нападеніи на *Абасъ-Мирзу* и при взятіи его стана, Генералъ *Котляревскій* съ храброю дружиною Русскихъ воиновъ приступилъ 26 Декабря 1812 года къ *Ланкорану*, укрѣпленному

по образцу Европейскихъ крѣпостей, и гдѣ было около пяти тысячь Персіянъ. Котляревскій требовалъ сдачи крѣпости у *Сардара Садыхъ Хана.* Кичливый Ханъ отвѣчалъ, что онъ будетъ защищаться. Къ нанесенію важнѣйшаго вреда крѣпости, 27 Декабря свезена была съ корабля трехпудовая *мортира*, изъ которой продолжалась бомбандировка до 29 числа. Слава украшается человѣколюбіемъ. По опыту предшествовавшихъ побѣдъ, *Котляревскій* увѣренъ былъ, что Персіяне не устоятъ, и что оружіе Русскихъ снова обагрится ихъ кровію. И такъ вторично отправилъ онъ чиновника ко всѣмъ *Ханамъ* и убѣждалъ ихъ: «чтобы они пощадили себя, женъ, дѣтей, имущества и не упорствовали въ защищаться противъ войскъ побѣдоносныхъ." Гордый врагъ отвѣчалъ—однимъ безмолвіемъ.

Между тѣмъ снаряды истощались. Малочисленной дружинѣ Русскихъ оставалось или *побѣдить* или *умереть.* Отступленіе повлекло бы за собою голодъ и безполезную погибель: ибо непріятель безпокоилъ бы наши войска по всѣмъ дорогамъ. Сверхъ того въ руки Персіянъ навсегда бы досталось *Талышинское владѣніе.* Въ сихъ обстоятельствахъ Герой, призвавъ на помощь Бога, рѣшился штурмовать.

„Воины!“ сказалъ онъ: „тщетно убѣждали мы непріятеля къ сдачѣ крѣпости. Мы не желали его погибели, онъ самъ стремится къ ней. Намъ остался одинъ *штурмъ*. Отступленія не будетъ. Намъ должно или взять *Ланкоранъ*, или умереть. Мы за тѣмъ сюда пришли. Непріятель два раза отвергъ наши предложенія: онъ узнаетъ силу Русскаго штыка. Русскіе брали и не такія крѣпости. Воины! послушаніе и быстрый полетъ на стѣны сохранятъ людей и скорѣе рѣшатъ жребій приступа. Въ царствованіе Александра Перваго правило Русскихъ: побѣждать, или умереть. Умремъ, или побѣдимъ! съ нами Богъ!“

Декабря 31 начался *штурмъ* и продолжался три часа. Персіяне употребляли всѣ неистовыя средства, рогатины, пики, ручныя гранаты; употребляли все—но тщетно. Самъ Богъ вступился за правоту и невинность. Онъ наказалъ Персіянъ, захватившихъ *Талышинское владѣніе*. Непріятель погибалъ и въ стѣнахъ крѣпости и въ рѣчкѣ *Алькоранъ*, гдѣ думалъ спастися вплавь. Пули и штыки вездѣ его настигали. Высокомѣрный *Срадарь Садыхъ Ханъ*, родственникъ *Баба-Хана*, за упорство свое заплатилъ жизнію. Тысяча пять сотъ Русскихъ низложили и стѣны крѣпости и четыре тысячи Персіянъ. Въ

числѣ Русскихъ чиновниковъ убитъ былъ храбрый Полковникъ *Ушаковъ*, а Генералъ *Котляревскій* получилъ три раны: „Но, писалъ Герой, я благодарю Бога, запечатлѣвшаго успѣхъ сего дѣла собственною моею кровію; надѣюсь, что сейже самыйуспѣхъ облегчитъ мои страданія (1).“

Персіяне почитали неприступною крѣпость *Ланкоранъ*, устроенную на Каспійскомъ морѣ, при впаденіи въ оное рѣчки *Ланкорани*. Абасъ-Мирза предписывалъ защищать до послѣдней капли крови сей *ключъ къ сердцу Персіи*. Онъ самъ поспѣшалъ къ ней на помощь. Но узнавъ, что нѣтъ *Ланкорана*, нѣтъ ключа Персіи, онъ устремился въ быстрое бѣгство.

Не льзя пропустить безъ вниманія и того, что сія крѣпость взята была наканунѣ перехода Русскихъ войскъ за границу 1 Января 1813 года. Сколько воспоминаній сливаются въ однѣ сутки! Въ то самое время, когда *Наполеонъ* бѣжалъ изъ Россіи, Отечество наше озарилось и новою славою въ предѣлахъ Персіи и предпринятымъ подвигомъ къ спасенію Европы и человѣчества.

---

(1) Подлинныя слова Генерала Котляревскаго, изъ донесенія его тогдашнему Главнокомандующему въ Грузіи Н. Ѳ. Ртищеву.

XXXVIII.

О БЛАГОУСТРОЙСТВѢ И ВЕЛИКОЛѢПІИ ДВОРА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

„Вступая въ Царскую палату, говоритъ Издатель Записокъ о *Графѣ Карлилѣ*, мы то же ощутили, что случается съ тѣми, которые послѣ мрака внезапно поражаются солнечными лучами: чрезвычайное сіяніе ослѣпило взоры наши. Казалось, что блескъ драгоцѣнныхъ камней спорилъ въ превосходствѣ съ блескомъ дневнаго свѣтила. Мы какъ будто бы изчезли въ сліяніи свѣта и славы! Русской Царь, подобно солнцу свѣтозарному, сіяя и разпространяя повсемѣстно лучи, величественно сидѣлъ на престолѣ: вѣнецъ, скипетръ, порфира, все изумляло взоры и воображеніе; по сторонамъ, у подножія престола, шестью или семью ступенями возвышеннаго отъ помоста, стояли четыре Боярина, держа на плечахъ сѣкиры. Одѣяніе соотвѣтствовало величественному ихъ виду. Взглядывая по временамъ то на насъ, то на Царя своего, они какъ будто бы говорили: *что величественнѣе Царя нашего? Взирайте и*

благоговѣйте! Сонмъ Царскихъ Бояръ еще болѣе поразилъ насъ удивленіемъ; они представлялись намъ лучами, отдѣляющимися отъ солнца, возносящагося на торжественной колесницѣ, и опять съ благоговѣніемъ возвращающимися къ лучезарному источнику, откуда истекли... У входа палаты было нѣсколько *гостей*, или купцовъ."

«Въ такомъ велелѣпіи обрѣли мы Царя, важнаго видомъ, величественнаго осанкой, цвѣтущаго красотою и мужествомъ. Величіе Царя, пышность Двора, всеобщее благоустроеніе не только восхитили насъ, но даже исполнили трепета и удивленія; словомъ, казалось, что намъ предстало не собраніе людей, но боговъ (1)!"

---

(1) Записки о посольствѣ Графа Карлиля въ Россію, стр. 160.

